

Восточный архив

2026, № 2 (54)

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Д.В. Татнинов

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139.
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2026

© Институт востоковедения РАН, 2026

Подписано в печать **08.04.2026**

Объем 16 а.л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами ПАО «Т8 Издательские технологии», 109316, г. Москва, Волгоградский пр-кт, д. 42 корп. 5. Цена в розницу договорная.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Курникова О.М. Город-порт Таман в торгово-экономической системе османской провинции Кефе в XVI–XVIII веках	5
Цвижба Л.И. А.П. Ермолов о Сухуме. 1818 год	10
Кадырбаев А.Ш. Время хана казахов Абиль-Мансура	14
Гоков О.А. Кавказское общество истории и археологии и участие в нём членов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества	19
Грушевой А.Г. История и внутренняя организация Иерусалимского патриархата в начале XX века	29
Борошко С.Л. Письмо командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина «О введении возрастного ценза и производстве на высшие командные должности офицеров с боевым опытом»	39
Кузьмин С.Л. Парта-ван и Алтайский округ в первой половине XX века (окончание)	52
Шмидт В. Миграция буров в Германскую Юго-Западную Африку	64
Хренков А.В. Россия и древнехристианские церкви Африки	71
Демченко А.В. Трансиордания в первые годы Второй мировой войны	78
Загородникова Т.Н. Новый источник по истории Индии времен Второй мировой войны	87
Бухерт В.Г. Н.Г. Аполлова о присоединении Алтая к России	94
Беляков В.В. Встречи с Г.К. Жуковым	98
Наши авторы	104

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-3-4

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Десятки лет выходит наш «Восточный архив», а его авторы практически всё те же. Конечно, появляются и новые, особенно из-за рубежа. И всё же большинство авторов присылает в журнал статьи регулярно.

Давайте пройдем по содержанию. Начинается нынешний номер со статьи О.М. Курниковой «Город-порт Таман в торгово-экономической системе османской провинции Кефе в XVI–XVIII веках». Это дополнение к её предыдущей статье, опубликованной в прошлом номере.

Пошли дальше. Л.И. Цвижба публикуется в нашем журнале нечасто. В этот номер она представила статью «А.П. Ермолов о Сухуме. 1818 год». Статья небольшая, основана на архивных документах.

Следующий материал принадлежит А.Ш. Кадырбаеву, члену редколлегии «Восточного архива». Он посвятил его времени хана казахов Абиль-Мансура. Александр Шайдатович – наполовину русский, наполовину казах, так что для него эта тема особенно интересна.

Три следующих материала представили хотя и не сотрудники Института востоковедения РАН, но наши постоянные авторы. Один из них, О.А. Гоков, живёт в Харькове, на Украине, где в последние годы запрещено писать и публиковаться на русском языке. Он выбрал «Восточный архив», и уже несколько лет присылает нам свои материалы.

В Петербурге живёт А.Г. Грушевой. Он исследует дореволюционные архивы, относящиеся к отношениям России с ближневосточными православными церквями. Архивы эти хранятся в Москве, куда регулярно приезжает автор. Видимо, наш журнал для его публикаций подходит.

С.Л. Борошко живёт в Ростове-на-Дону. Он рассказывает о письме командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина «О введении возрастного ценза и производстве на высшие командные должности офицеров с боевым опытом».

Вернёмся к сотрудникам нашего института. Вторую, заключительную статью «Парта-ван и Алтайский округ в первой половине XX века» публикует С.Л. Кузьмин. Он впервые представил свои статьи нашему журналу. Надеюсь, что эти публикации вызовут у автора удовлетворение.

Ещё одна статья нашего постоянного автора Вальдемара Шмидта. Он родился в Советском Союзе, а когда тот распался, переехал в Германию. Естественно, что этот автор интересуется германской историей. На этот раз он пишет о миграции буров в Германскую Юго-Западную Африку.

И вновь сотрудники нашего института. А.В. Хренков исследует христианские церкви Африки и отношения с ними России. Особое внимание он уделяет эфиопам, рассказывая об их попытках оторваться от подчинения египетской коптской церкви с помощью русских. А.В. Демченко рассказывает о положении в Трансиордании в начале Второй мировой войны.

А Т.Н. Загородникова знакомит нас с воспоминаниями русской семьи, находившейся в годы этой войны в Индии.

На этом закончу. Осталось всего два материала, нашего постоянного автора В.Г. Бухерта и мой. Посмотрите их сами.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-5-9

О.М. Курникова

ГОРОД-ПОРТ ТАМАН В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОСМАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ КЕФЕ В XVI-XVIII ВЕКАХ

Крепость Таман, расположенная на берегу моря и смотрящая на Таманский залив, с конца XV века входила в состав турецкой провинции Кефе, которая была образована на территории Крымского и Таманского полуостровов после завоевания этих земель войсками Османской империи.

В предыдущей статье автора «Крепость Таман в структуре османской провинции Кефе в XVI–XVIII веках», опубликованной в журнале «Восточный архив»¹, были исследованы демографический и административно-территориальный вопросы истории города-крепости Таман. Также была освещена оборонительная функция крепости Таман в структуре провинции Кефе, рассмотрены воинский состав гарнизона крепости и её вооружение.

В настоящей статье делается попытка представить коммерческую деятельность города-порта Таман, которая здесь была широко развита.

Как порт Таман был вовлечён в торгово-экономическую систему провинции Кефе и активно использовался для транспортировки продовольственной продукции и непродовольственных товаров из сопредельных регионов на территорию Крымского полуострова (Керчь, Кефе) и далее в Османскую империю – Стамбул, Анатолию и страны Европы. Турецкие и европейские товары через Таман поступали соседним народам.

Внутри провинции город Таман служил пунктом для распределения местных изделий.

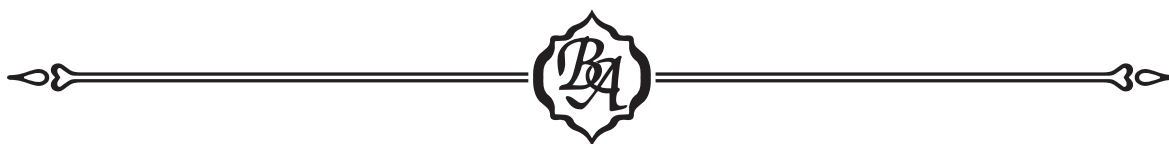
Провинция Кефе располагалась на стыке торговых путей, поэтому на прибрежных и приграничных территориях были организованы обширные таможенные зоны. Эти места выби-
рались из наиболее важных портов, которые занимали стратегически значимые, передовые позиции и как являлись опорными пунктами в военно-политическом значении, так и играли ключевую роль в торговых операциях провинции.

На территории провинции Кефе было несколько таможенных пунктов. Главной и основной, несомненно, являлась таможня столицы санджака, а позднее эялета, города-порта Кефе. Также таможни существовали в таких городах, как Керчь, Азов, Таман, Копя.

Здесь необходимо отметить, что и в Османской империи в целом, и в провинции Кефе таможенные органы занимали важное, значимое место в общей торгово-экономической и фискальной структурах государства. В связи с тем, что огромное количество товаров перемещалось морским путём, в портовых таможенных зонах взимались пошлины и сборы за разнообразные и многочисленные операции: не только при экспорте и импорте продукции, но и, например, при досмотре, взвешивании товаров, оформлении документации и при других действиях и процедурах.

Для каждой таможенной зоны были созданы свои правила, указанные в своде законов провинции – канун-наме. Здесь, с учётом разных региональных нюансов, было зафиксировано множество положений о таможенных сборах, пошлинах и видах операций, с которых они взимались; например, швартовка судна, его стоянка в порту, перегрузка продукции с одного судна на другое и т.д. И конечно, было представлено налогообложение, действующее на территории провинции Кефе при экспорте и импорте всевозможных товаров и изделий.

¹ Курникова О.М. Крепость Таман в структуре османской провинции Кефе в XVI–XVIII веках // Восточный архив. 2026. № 1 (53). С. 5-11.

Все товары, которые подлежали таможенной регистрации, собирались в специализированных караван-сараях, здесь их взвешивали, после этого выдавались специальные документы для дальнейших действий с ними, как то: продажа на местных рынках, последующее перемещение в сопредельные регионы и т.д.

В портовых таможенных зонах все манипуляции с товарами строго регулировались. Без специального разрешения ответственных за сбор таможенных пошлин лиц, которое было обязательным, не позволялись никакие операции с товарами, а также запрещалось покидать порт. Такие меры были направлены на предотвращение контрабанды, как для защиты торговцев, так и для контроля судов, следующих из одного порта в другой и для надёжного функционирования фискальной системы провинции. Существовала определённая очерёдность при перемещении грузов. Разгрузка стратегически важной продукции, такой, как, например, зерновые культуры, проходила в первую очередь.

Итак, город-порт Таман, расположенный на противоположной от Керчи стороне пролива, являлся одним из ключевых восточных форпостов провинции Кефе и выступал связующим звеном с землями Северного Кавказа.

«Порт [Таман. – *О.К.*] находится за этими воротами [Искеле-капу, ворота Пристани. – *О.К.*], все корабли пристают здесь. Этот порт широкий, тут хорошо держатся якоря, он защищён от пяти ветров»².

Порт Тамана оставался главным пунктом, связывавшим северо-западный Кавказ с Кефе. Все торговые суда, прибывавшие из Анапы, Копы и устья Кубани, регистрировались здесь, а взимаемые с них пошлины составляли важную долю доходов, распределявшихся в пользу центральной казны или местных наместников. Он также служил важным транзитным пунктом, поэтому здесь постоянно находились купцы, занимавшиеся экспортом товаров с Кавказа (включая кожи, воск и мёд) в Кефе и Стамбул.

Экономическая структура и налоговый потенциал каза Таман напрямую зависели от её географического положения. В дефтерах-реестрах 1520 и 1542 годов³ мы находим подробные записи, где отмечены статьи дохода, благодаря которым формировался доход провинции Кефе и пополнялась местная казна.

Основными экономическими статьями и налогами в этот период являлись:

- Портовые и таможенные пошлины: Таман выступал ключевым транзитным узлом для товаров, поступавших с Кавказа и Кубани. Пошлины взимались с торговли рыбой, икрой, солью, шкурами, кожами, мёдом и воском, строевым лесом и другим товарами, а также рабами.
- Сельскохозяйственные налоги: несмотря на то, что регион не отличался масштабным земледелием, в реестре зафиксированы налоги на производство зерновых (пшеница и ячмень), выращиваемых в близлежащих подконтрольных деревнях.
- Животноводство и пчеловодство: скотоводство являлось основным занятием местного черкесского и татарского населения округа. Османские власти облагали налогом крупный и мелкий рогатый скот, а также ульи.

Сравнение двух кадастровых книг XVI века показывает, что социально-экономическая жизнь Тамана постепенно обретала устойчивый османский характер. Налоговые статьи, зафиксированные в реестре 1542 года, отражают более глубокую интеграцию региона в фискальную систему Кефинской провинции по сравнению с 1520 годом. В дефтере 1542 года отмечается, что общая сумма налоговых поступлений от каза Таман возросла по сравнению с периодом двадцатилетней давности. Это свидетельствует как об усилении фискального контроля со стороны османской администрации Кефе, так и об относительной стабилизации торговых путей в регионе северо-восточного Причерноморья.

² Челеби, Эвлия. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008. С. 210.

³ ВОА. Tahrir defterleri. № 370, № 214; Перепись османских владений в Крыму 1520 года / Сост. Ефимов А.В. М., 2023.

Местное население занималось отдельными отраслями сельского хозяйства – животноводством, пчеловодством, разными видами ремесленного промысла, а также мелкой приграничной торговой деятельностью.

Отношения с черкесскими племенами, проживавшими в окрестностях Тамана, регулировались с позиции некоторого признания ими верховной власти султана. Зафиксированные налоги на скот и пастбища показывают, что отдельная часть этих общин имела коммерческие связи с провинцией Кефе через каза Таман. Постепенное медленное включение черкесских групп в налоговые реестры способствовало их вовлечению в общий процесс торгово-экономических отношений с Кефе и Стамбулом.

«Земля Черкесская граничит с севера с ногайцами, с юга — с Чёрным морем, с востока — с Грузией, а с запада — с Киммерийским Босфором и заливом, отделяющим её от Крыма. В сём заливе есть пристань, или морской порт, Тамань, ведущий довольно значительную торговлю кожами, икрой, медью, воском, мёдом и пр.»⁴.

Торгово-коммерческая деятельность каза Таман с населением черкесских территорий осуществлялась плодотворно и основательно. Все товары шли черкесским племенам через город Таман, а черкесы, в свою очередь, являлись одними из основных поставщиков разнообразных предметов торговли в провинцию Кефе и далее в Османскую империю.

Черкесские территории были вторым, после Крымского ханства, регионом-поставщиком провинции Кефе: полотно (фетр, войлок) везли в Кефе, в Копу — рыбу и икру; в Таман — рабов, шкуры, мёд.

«Торговля, которую они [черкесы. — О.К.] ведут в Тамани и Темрюке, только меновая. Они привозят сюда соль, мёд, воск, просо, шкуры лисиц, шакалов и куниц, бычьи кожи, шкуры баранов и ягнят, шерсть, плащи и покрывала из войлока, невольников и невольниц...»⁵.

Карл Пейсонель, французский учёный и дипломат, в середине XVIII века подтверждает процессы торгового взаимодействия черкесов через город Таман, заложенные османами с конца XV века: «Тамань является главным, или, вернее сказать, единственным пунктом транзита всего ввоза и вывоза Черкесии; сюда прибывают все товары, направленные в эту страну, и здесь же погружают всё то, что вывозят из данной страны; таким образом, импортная торговля этого города... фактически обнимает собой торговлю всей страны»⁶. Учёный в своём «Трактате о торговле на Чёрном море»⁷ приводит перечень товаров, которые через Таман экспортировались в Кефе и далее в Стамбул, а также импортировались в соседние регионы, главным образом черкесским и ногайским племенам.

Среди товаров, которые через провинцию Кефе поступали черкесским и ногайским народам, были: набивные ткани и ситец из Токата⁸ и Кастамбула⁹; белые льняные ткани из Кедиса¹⁰; шёлковые ткани, бокассины или бумажные крашенные ткани из Токата, Кастамбула и Амазии¹¹, которые использовались для пошивки кафтанов и как подкладка для шуб, и другие материи; тарпоши — женский головной убор, последние раскупались в Тамане в значительных количествах. Нитки разных видов пользовались большим спросом у черкесского и ногайского насе-

⁴ Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 году // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. 1974. С. 110.

⁵ Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 65.

⁶ Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 191.

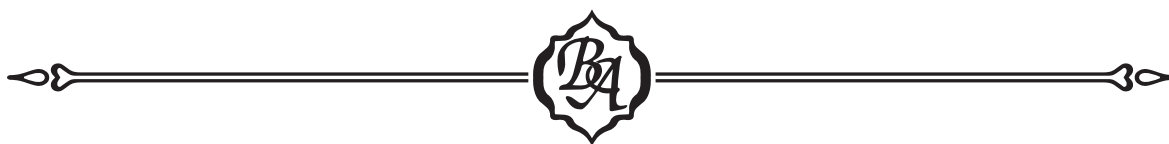
⁷ Там же. С. 179-202.

⁸ Город в округе Сивас в Малой Азии.

⁹ Турецкий город в северо-западной части Малой Азии.

¹⁰ Турецкий город в Малой Азии.

¹¹ Турецкий город в Малой Азии.

ления. До 3 000 кинталов¹² свинца в год через Таман поставлялось на черкесские территории, а также олово, железо, ртуть, строительный лес. Ладан, мыло хорошего качества, вдобавок к многообразным косметическим средствам (румяна, белила и т.д.), в Тамане приобретались для черкесских и ногайских женщин. Разного вида бумагу из портов Крыма транспортировали в Таман для дальнейшей продажи¹³. Из продуктов приобретались рис, кофе, разные специи — перец, имбирь и другие, а также виноград, орехи, маслины, табак. И это представлена только малая часть товаров и продуктов, которые поступали на черкесские и ногайские территории из провинции Кефе через город Таман.

С черкесских и ногайских земель через Таман на территорию Крымского полуострова ввозили шкуры и кожи — много бараньих, овечьих, но не меньше шкур волка, лисицы, куницы, а также пушнину; шерсть, материи из шерсти и разного вида шерстяную одежду: «от 80 до 100 тысяч кинталов шерсти из Черкесии и от кубанских ногайцев... Её отвозят в Тамань на телегах, откуда она поступает в Каффу и Константинополь; она вся мытая; перед тем, как стричь баранов, их моют... Вывозимая шерсть довольно хорошего качества, но редко можно найти из всего количества её более четверти шерсти белого цвета, три четверти же её обычно чёрного цвета»¹⁴.

Из Черкесии в Кефе через Таман поставляли воск в количестве от 50 до 60 тысяч *окка*¹⁵ и много мёда. «От 5 до 6 тысяч кинталов превосходного мёда, который привозится в Тамань на телегах, а в Атчу на кораблях по Кубани; невозможно определить его цену, так как на месте его продают только оптом, и нуждаемость в предмете, предложенном в обмен на него, определяет его стоимость; можно покупать его чистым или с воском в том виде, как его вынимают из ульев; в чистом виде он продается в Тамани»¹⁶. В Тамане также продавали до 500 кинталов мёда из Абхазии.

От ногайцев Кубани через Таман в Крым и далее в другие части империи и иные страны перераспределялось масло в больших количествах¹⁷. «Масло, по большей части нагружаемое в Тамани... главный порт Чиркасии, подвластный турецкому падишаху и управляемый кафским пашей. Это масло привозится из скифской Татарии...»¹⁸.

Но основной продукцией на протяжении многих веков оставался живой товар — невольники. «Продают рабов четырёх различных народностей — черкесов, грузин, калмыков и абазов¹⁹... Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всём мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также почти все высоки ростом и хорошо сложены... рабы встречаются на все возрасты — от детских лет до престарелого возраста; различные обязанности, к которым их предназначают, пол, красота, возраст, изящество, способности, сила, здоровье, удалённость — всё это определяет их цену»²⁰.

Отметим налоговые сборы и пошлины, действующие в Тамане на некоторые категории товаров.

При продаже в Тамане невольников, поставляемых черкесами, с покупателя взимается двести *акче*²¹. Если далее раб перемещается на Крымский полуостров (Керчь), взимается сбор

¹² Кинтал — турецкая мера веса, равен 46 кг.

¹³ Пейсонель К. Трактат о торговле на Чёрном море. С. 181-185.

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ Окка — турецкая мера веса, составляла 1,2828 кг.

¹⁶ Пейсонель К. Трактат о торговле на Чёрном море. С. 196.

¹⁷ Там же. С. 186-187.

¹⁸ Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. Т. 24. Одесса, 1902. С.100.

¹⁹ Абхазов.

²⁰ Пейсонель К. Трактат о торговле на Чёрном море. С. 187-188.

²¹ Акче — османская серебряная монета.

в пятьдесят четыре акче, при дальнейшей транспортировке в Кефе больше сборов не бралось. При продаже в Тамане раба, привезённого из Кефе, взималась плата в размере 38 *акче*: 34 с покупателя и 4 с продавца. При перемещении рабов между городами провинции взимались пошлины, например: если невольника перевозили из Керчи в Таман и Азов или обратно, в этом случае пошлина составляла 32 *акче*.

«Если невольник будет из черкесов, а кто-то из его родственников, приехав, найдёт его в Кефе или Керше, и захочет выкупить, и хозяин невольника назначит цену *китабета*²², и после заключения договора *китабета* освобождённый отбудет из Тамани на свою родину, с него взимается сбор четырёхста *акче*»²³.

На ткани, доставленные в Таман морем, взимался налог в двенадцать *акче*, в источниках не очень понятно, с какой меры веса, вероятно, за кусок ткани или тюк.

За лошадь, проданную в Тамане, брали восемь *акче* с покупателя и восемь *акче* – с продавца.

За проданную в Тамане соль сбор составлял одно *акче* за четыре *киле*²⁴.

Налогом с вина, купленного в Кефе и привезённого в Таман, являлась десятина, а также два с половиной *акче* с каждого *медре*²⁵. Если вино не покупалось в Кефе, а его на судах привезли в Таман, в этом случае взималась только десятина.

«Если от черкесов придёт повозка с мёдом, и, меряя читенами²⁶, с груза в двадцать читенов, взимается один читен. Один *читен* составляют семь-восемь *окка*. Когда товар будет продан по своей цене, с него взимается одно *акче*»²⁷.

Черкесские мёд, икра и пенька, привезённые в Таман на повозках и проданные здесь, налогом не облагались. Но если предполагалась дальнейшая транспортировка данных товаров в Крым (Керчь) на судах, в этом случае весь товар взвешивался в *кантарах*²⁸, и с каждого *кантара* взималась пошлина в размере двух *акче*.

Наравне с торговлей была развита и ремесленная деятельность. Так, например, можно отметить, что в Тамане располагались мастерские по изготовлению рукояток и ножен для ножей, в связи с этим в Таман поставлялось большое количество рогов диких баранов. В городе имелось двенадцать лавок-красилен, которые ежегодно потребляли около 500 *окка* индиго и красильного дерева различных сортов.

Таким образом, город-крепость-порт Таман хотя и находился за пределами Крымского полуострова, с административной точки зрения был напрямую связан с провинцией Кефе. К середине XVI века Таман окончательно закрепил за собой статус не просто изолированного военного форпоста, а полноценной административно-территориальной каза со своей устойчивой внутренней структурой и налаженной системой налогообложения.

Таман, обладая удобной гаванью и крепостными укреплениями, играл важнейшую роль в контроле над судоходством между Чёрным и Азовским морями, а также служил главными воротами для османского экономического присутствия и влияния на Северном Кавказе.

На протяжении XVI–XVIII веков Таман сохранял статус пограничной зоны, где хорошо налаженная торгово-экономическая активность тесно переплеталась с необходимостью постоянного военного присутствия и содержания оборонительных сооружений.

²² *Китабет* – договор об освобождении невольника за определённую цену, а договорная цена называется *китабета*.

²³ Перепись османских владений в Крыму 1520 года. С. 364.

²⁴ *Киле* – мера веса, применявшаяся главным образом для сыпучих тел. Размер *киле* в разных областях Османской империи был различен. Наиболее употребительный стамбульский *киле* в зависимости от рода зерна был равен 18–20 *окка*, т.е. около 25 кг.

²⁵ *Медре* – мера веса зерновых и сосуд для измерения количества вина. В различных частях Османской империи *медре* имел различную ёмкость. В Стамбуле *медре* составлял 6 *окка*.

²⁶ Сосуд и мера объёма.

²⁷ Перепись османских владений в Крыму 1520 года. С. 363.

²⁸ *Кантар* – мера веса, равная в Стамбуле 44 *окка* или около 56 кг.

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-10-23

Л.И. Цвижба

А.П. ЕРМОЛОВ О СУХУМЕ. 1818 ГОД

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фонде 37 – Канцелярия генерал-квартирмейстера Главного штаба с.и.в., 1810-1832 гг., в деле «Об усилении в Абхазии войск и об укреплении Сухума и Гагры. 1818 г.» хранится «всеподданнейший рапорт командира Отдельного Грузинского корпуса генерала от инфантерии [А.П.] Ермолова» за 1818 год.

В апреле 1816 года генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов был назначен командиром Грузинского корпуса (впоследствии переименованного в Отдельный Кавказский), главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Кавказском крае и Астраханской губернии. Прибыл он в Тифлис в начале ноября 1816 года. 18 апреля 1817 года направлен в Персию в качестве чрезвычайного и полномочного посла, возвратился в Тифлис 5 ноября 1817 года. «За благоразумное и успешное окончание возложенного на него посольства в Персии» 20 февраля 1818 года возведён в чин генерала от инфантерии.

26 марта 1818 года Ермолов пишет из Тифлиса своему другу А.А. Закревскому, что «на сих днях едет на Кавказскую линию»¹. В то же время, как следует из всеподданнейшего рапорта Ермолова, он по приезде на Кавказ обратил особое внимание на Черноморское побережье, в частности, на Абхазию, в которой основными важными стратегическими пунктами выделил Сухум-кале и Гагру. Кроме того, он отмечал ряд выгод, которые можно извлечь из Абхазии, как, например, строевой лес, которым «изобилуют» горы абхазские. Ермолов говорил и о возможностях улучшения благосостояния абхазов.

Документ публикуется в современной орфографии с сохранением особенностей языка источника.

28 марта 1818 г. Всеподданнейший рапорт командира Отдельного Грузинского корпуса генерала от инфантерии А.П. Ермолова об усилении войск в Сухуме и устройстве крепости в Гагре

Непомерная смертность в войсках вверенного мне корпуса скоро по прибытии моём в Грузию обратила моё внимание. Некоторые места особенно заметны были пагубным влиянием на здоровье людей. К ним принадлежат берега Чёрного моря, и потому прилежащие к оному земли поручил я начальнику корпусного штаба осмотреть во время отсутствия моего в Персию, дабы, собрав по мере возможности обстоятельные о местах и способах их сведения, сообразить, где непременно нужно иметь войско, нельзя ли вывести оные из самых нездоровых мест, как и где устроить постоянные для них жилища, каким образом доставить им продовольствие. Собранные им сведения полагают надежду достигнуть со временем желаемой цели, т.е. чтобы убыль людей не превосходила той, какая объективно в прочих корпусах армии бывает. Прошлый 1817 год усиливает сию надежду, ибо едва только положено начало устройству, которое должно существовать здесь, а число умерших уже вдвое менее того, какое было в 1816 году.

¹ РГВИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 128. Опубликовано: *Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816-1860* // СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. С. 118-119; Кавказская линия (Кавказская укрепленная линия) – система пограничных укреплений, возведённых русскими войсками на Кавказе в XVIII-XIX вв. в условиях Кавказской войны.

Я получил от начальника корпусного штаба сведения об Абхазии. Кроме сих сведений, которые были настоящим предметом обозрения, получил я от начальника корпусного штаба и другие, не менее полезные, кои при сём случае представил ему. Они относятся до Абхазии, находящейся под покровительством России и до сих пор ни малейшей пользы не приносящей. Полагая предмет сей заслуживающим внимания Вашего Императорского Величества, долгом поставляю всеподданнейше донести следующее:

Во время последней войны с турками², как известно Вашему Величеству, взята у них, между прочим, крепостца Сухум-кале на абхазском участке Черноморского моря, и как она есть главное место Абхазии, то владетель оной со всею областью вступил в подданство России, надеясь в военных силах её найти средства к обузданию дикого своего народа. Сухум-кале³ по положению своему не имеет почти никакой связи с владениями нашими по сию сторону Кавказа, и мы по причине хищничества абхазцев не имеем с ним сухопутного сообщения, а принуждены довольствоваться морским, от чего в некоторые время года, как то: в весенние и осенние равноденствия и вообще зимою, когда бури свирепствуют на Чёрном море, месяца по два не имели оттуда никакого известия. Содержа малочисленный гарнизон в Сухуме, который более пятисот человек и поместить не может, и кроме сего, не имея ни одного поста в Абхазии, не можем повелевать народом сим.

Владетель оного князь Георгий Шервашидзе⁴ человек слабый, если бы и чистосердечно желал владычества нашего, то не мог бы склонить на то народ, который худо ему повинуется и более расположен к туркам, как по причине единоверия, ибо большая из них часто следует закону магометову, так и потому, что продают им людей, похищаемых в Кавказе и прилежащих оному землям. Не имея ни хлебопашества, ни скотоводства, а тем ещё менее промышленности, Абхазии ничем, кроме пленных, и торговать не может, а потому, начиная с владетеля и родных его, торгует оными всякий. Таково состояние земли сей и отношения её к России и туркам.

Прекратить торг людьми, противный человеколюбивым намерениям Вашего Императорского Величества, привести в надлежащее повиновение дикий и хищнический народ, в случае разрыва с турками, удержаться в Абхазии и получить от земли сей ощутительную пользу не иначе можно, как умножив там значительные военные силы наши, приведя Сухум в хорошее оборонительное состояние и учредив посты ещё в некоторых местах Абхазии. Невозможно отделить туда войск ни из Грузии, ни с Кавказской линии, ибо корпус едва достаточен для охранения занимаемых им земель.

Итак, для Абхазии нужны особенные войска и не менее двух батальонов пехоты, которые из оной никуда не отлучат, по крайней мере, в течение весьма многих лет, что даст возможность значительно уменьшить издержки, потребные на содержание сих батальонов, кои не должны иметь обоза, совершенно для них излишнего. Батальоны сии должны занимать два главные места: Сухум и Гагру. Приведение в хорошее оборонительное состояние первого потребует издержек до пятнадцати тысяч рублей серебром, а устройство небольшой крепостцы в Гагре, может быть, и несколько более.

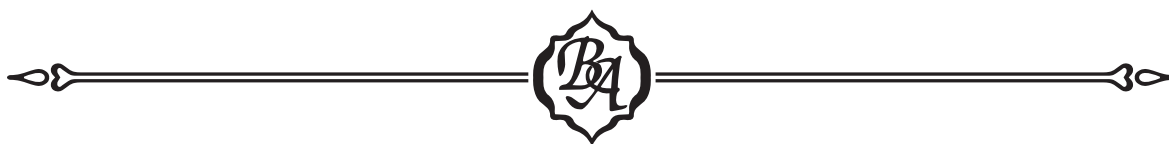
Занятием сего последнего места прервём прямое сообщение абхазцев с Анапою и вообще с народами закубанскими. Посты на берегу моря от Сухума до Редут-куле⁵ могут заняты

² Русско-турецкая война 1806-1812 гг. В июле 1810 г. из Сухум-кале был изгнан турецкий гарнизон десантом капитан-лейтенанта П.А. Додта, при этом погибли; турецких войск 300 чел., российских – 95 чел. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6186. Л. 240об.

³ В Сухум-кале в 1811 г. проживало 650 семей // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18494. Л. 1-2.

⁴ Сафарбей (Георгий по крещении) Шервашидзе (1780-1821) был владетелем Абхазского княжества с 1810 по 1821 г.

⁵ Редут-куле (укрепление) основано в 1804 г. на побережье Чёрного моря для защиты Мингрелии от турок. В 1846 г. переименовано в Кулеви.

быть войсками, принадлежащими корпусу. Тогда получим безопасное сухопутное сообщение с Сухумом и Гагрою⁶ и будем в состоянии прекратить торг людьми и хищничество абхазцев, улучшая постепенно благосостояние их.

Для достижения сей благодетельной цели нужны новые издержки, как единовременная, так и ежегодные. Абхазия, доселе никакой пользы не приносящая, должна и может вознаграждать за всё с избытком. Черноморский флот получает строевой лес за весьма дорогую цену и со всем тем никогда почти не имеет оного достаточно. Абхазия изобилует им. Начальник корпусного штаба, обзревая в прошедшем году берег оной, на каждом шагу слышал подтверждение сего, а в сухумской бухте нашёл неоснащённое ещё купеческое судно, роскошно построенное греком Скардеком в Бичвинской бухте, которая на морской карте названа Пицундою и лежит на северо-западе от Сухума верстах в пятидесяти. Командир крейсировавшего тогда у берегов сих фрегата Могубей-Супхана, капитан-лейтенант Карачинский⁷, показывая судно сие начальнику корпусного штаба, давал заметить измерения членов его, не уступающих большим военным судам.

Бичвинскую бухту гг[господа] морские полагают удобною и безопасною: весьма много строевого леса находится подле самой бухты, как говорил Скардек, и в окрестностях оной горы абхазские, по уверению всех вообще, изобилуют им.

Если таковы в самом деле леса, то, воспользовавшись ими, без сомнения, получили бы большие выгоды. Для подробного обозрения сих нужно перевести из Крыма в Абхазию батальон пехоты и под прикрытием воинских команд послать морских чиновников, которые удостоверились бы в количестве и доброте лесов. К сему можно с пользой употребить генуэзца Скасси⁸, коего посредством Херсонского военного губернатора легко отыскать в Одессе, где имеет он торговые дела. Мне известно, что иностранец сей имел уже сношения с Абхазиею и выменивал там строевой лес на разные произведения Европы, особенно на железо и соль, коими тамошний народ наиболее нуждается. Если абхазские леса признаны будут для строения кораблей годными и достаточно изобильными, тогда в Бичвинской бухте можно учредить или верфь, или только магазин для складки лесов под прикрытием воинского поста.

В том и другом случае полезно иметь в бухте сей несколько палубных канонерских лодок, кои под прикрытием небольших фрегатов или бриков беспрестанно крейсировали бы по всему протяжению берега от Анапы до Редут-куле и истребляли бы разбойничьи лодки закубанцев, разрезжающих для грабежа и продажи пленных.

Сие должно иметь благотворное влияние и на спокойствие Кавказской линии, ибо закубанцы и кабардинцы, будучи лишены таким образом способа продавать людей, не имели бы причины и увлекать их в плен.

Если уже нельзя предвидеть важной выгоды от строевых лесов Абхазии или подробное обозрение оных не оправдывает предполагаемого изобилия и доброты их, в таком случае излишние издержки, на укрепление и на полки для обладания Абхазиею нужные, будут совершенно бесплодны, по крайней мере, в продолжение весьма долгого времени.

А как при теперешнем состоянии войск, там находящихся, невозможно, в случае разрыва с турками, удержаться в Сухуме и в Абхазии, то лучше выйти оттуда заблаговременно, нежели

⁶ В 1830 г. экспедиционный отряд под командованием полковника А.Г. Пацовского прошёл от Сухума до Гагры, и были заложены на береговой линии Абхазии укрепления: в Бамборе, Пицунде, Гагре и соединены между собой промежуточными постами // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6239. Л. 15, 20-22.

⁷ Карачинский Семён Сергеевич, капитан-лейтенант.

⁸ Рафаэль Август де Скасси – генуэзский купец. В начале XIX в. занимался торговлей в Одессе и на Черноморском побережье Кавказа. Автор работы «Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году» https://aulassoki.ucoz.ru/load/biblioteka/rafaehl_skassi_izvlechenie_o_delakh_cherkessii/2-1-0-56?ysclid=mokjycufum131622355 (дата обращения: 10. 05. 2026).

быть к тому вынужденными. Но, приняв однажды область сию под своё покровительство, неприлично кажется достоинству сильной империи передать её во власть турков. Поступок сей представит здешним народам могущество Вашего Императорского Величества весьма в невыгодном виде или поселит в них недоверчивость к обещаниям нашим.

Генерал от инфантерии Ермолов

28 марта 1818 г.
г. Тифлис

РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Д. 166. Св. 13. Л. 1-4об. Подлинник.

ВРЕМЯ ХАНА КАЗАХОВ АБИЛЬ-МАНСУРА

В середине XVIII века ситуация в Центральной Азии резко меняется. Под натиском маньчжуро-китайских войск пали Джунгарское ханство и восточно-туркестанские княжества. Созданная на землях Маньчжурии, Восточной и Южной Монголии, а также Китая империя Цин в 1644 году завоевала эти земли. Маньчжурские богдыханы – правители империи Цин – вплотную подвинули границы своих владений к Казахстану и Средней Азии, где с начала XVIII века резко возросло влияние Российской империи. Угроза поглощения Казахстана и Средней Азии цинским Китаем была вполне реальной и могла быть нейтрализована лишь мощью России, считавшей этот регион сферой своих интересов.

Китайский фактор качественным образом менял обстановку в регионе. Потенциальная и вполне конкретная угроза со стороны цинского Китая была несопоставима с джунгарской. Джунгары, при всей конфронтации с казахами, были аналогичным, хотя и более централизованным кочевым обществом, и подчинение им, при всех ужасах войны, всё же не грозило казахам их полным истреблением как народа. А маньчжуры и китайцы, сокрушив государство джунгар, устроили массовую резню, физически уничтожив большую часть населения, известного как калмыки Джунгарии или ойраты (западно-монгольский народ), невзирая на пол и возраст, а это сотни тысяч, если не более миллиона людей. И это обстоятельство потрясло казахское общество, оказавшее своим вчерашним противникам помощь, дав приют в казахских кочевьях, в частности, Амурсане, предводителю ойратов, на этот раз против общего, более страшного врага – цинского Китая. Не с этого ли времени бытуют среди казахов и киргизов пословицы: «Акыр заман келер алдында, кара кытай кумырскадай каптап кетер» («Перед тем, как наступит конец света, чёрные китайцы, как муравьи, заполонят мир»); «Кара кытай каптасы, сары орыс акендей болар» («Если придет чёрный китаец, рыжий русский родным отцом покажется»).

Таковы были условия на восточных границах Казахстана, когда в 1771 году в городе Туркестане в мавзолее Ходжи Ахмада Яссави «ханы и султаны купно» подняли на белой кошке нового хана Серединного жуза – Аблая, чьё мусульманское имя было Абель-Мансур¹. Сам он считал себя ханом всех трёх жузов, и де-факто это соответствовало действительности.

Тернист был путь Аблай-хана к «кормилу государственного управления». С юных лет он испытал лишения, познал горечь неволи. Активно участвуя в войнах с джунгарами, он проявил храбрость и военное дарование, научился «толковать на колмацком (т. е. калмыцком или ойратском) и персидском разговоре» и даже мог «по-китайски читать и писать», не говоря уже о том, что «и разговор нарочито знает». Народное предание оставило свидетельство его единоборства с сыном джунгарского правителя-хунтайджи Чарчема, из которого Аблай вышел победителем, обезглавив противника. Это произошло в честном бою, и хунтайджи, пленив Аблая, всё же не рискнул его казнить, невзирая на требования своей жены – матери погибшего, проклинавшей пленника. Дабы не потерять своё лицо и в глазах своих врагов, и глазах своих подданных, Чарчем был вынужден соблюдать степной кодекс чести, как гласят казахские народные предания.

Всю свою сознательную жизнь Аблай провёл верхом на коне, разделяя со своими воинами лишения и тяготы походного быта. Он отличался физической силой, был широк в плечах и

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Киргиз-кайсацкие дела. 1778. Д. 1. Л. 43.

ростом выше среднего, был искусен в сабельном бою и джигитовке. Если султаном и затем ханом он являлся по праву рождения, то титул батыра получил за ратные доблести, заслужив его в сражениях.

Смелость Аблая и качества его как военачальника воспеты во многих героических казахских песнях и поэмах. И ещё он был щедрым ханом. Российские высокопоставленные чиновники А.М. Тевкелев (до крещения известный как мурза Кутлу-Мухаммед) и П.И. Рычков в донесении в Коллегию иностранных дел от 19 мая 1758 года сообщали, что Аблай «в воинских случаях, по киргискому (казахскому. – *Авт.*) обыкновению, ни себя ниже иждивения не жалеет, и что где добычь достанет, то ничего себе не оставлял, в народ раздаёт и тем у них весьма властительным учинился». В этом проявился менталитет казахских ханов, демонстрировавших подданным свою щедрость и презрительное отношение к богатству, поскольку традиция обмена дарами, шедшая от степного образа жизни, по сути, от доиндустриального общества, была универсальным средством установления отношений между индивидами. Символический обмен подарками, как между равными, так и между государем и подданными, позволял преобразовывать обмен материальными ценностями в отношения психологической зависимости, что, в свою очередь, давало возможность казахским ханам получать новые ресурсы и, раздаривая «подарки», увеличивать свой престиж.

По мнению представителей всех сословий кочевого казахского общества, наиболее важными добродетелями, которыми должен был обладать правитель, считались щедрость и справедливость. А щедрость, в их представлении, выражалась в раздаче богатых даров, захваченных в итоге военных походов, в организации пышных пиров, в народном сознании – в устройстве праздников и зрелищ, в раздаче обильных подаваний. Таким образом, повышение общественного статуса казахских ханов осуществлялось через механизмы «престижной экономики»: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых военная добыча демонстративно раздаривались, а с другой – через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответное подношение. «Престижная экономика» была одной из причин прихода казахских ханов к власти. Без уяснения сущности её механизмов трудно определить особенности властных отношений у казахов в эпоху Аблай-хана.

Вместе с тем русские источники показывают, что Аблай был освобождён из джунгарского плена в 1743 году при содействии российских пограничных властей, по требованию русского посла К. Миллера, направленного в Джунгарское ханство. Поэтому Аблай в это время, как гласят российские официальные документы, «противу прежних годов гораздо лучшее и к нам (России) был склоннее»². Он интересовался, почему российские власти не присылают казахам мастеров для строительства домов и специалистов по обучению хлебопашеству. Аблай сообщал русским властям, что засеял просом значительный участок. В 1764 году к Аблаю направили десять русских крестьян, которые обучили столько же казахов ведению хлебопашества и пользованию земледельческими орудиями³.

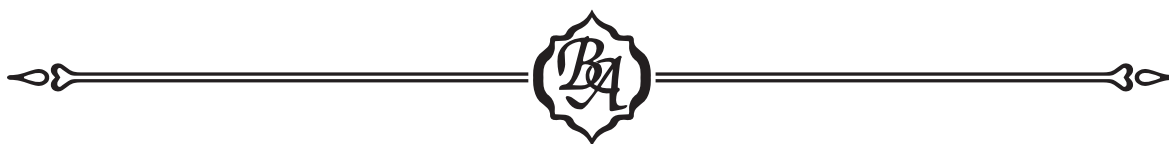
Что касается взаимоотношений с Цинами, то Аблай в присутствии многих казахов заявил российским послам, что от Цинов «никакого добра нет, и лучше-де нам, сообщаясь, к стороне нашей всемилостивейшей государыне (русской) жить, и китайцы-де через то им ничего не могут учинить»⁴.

Немалую роль в усилении пророссийских настроений сыграли упорно распространявшиеся слухи о стремлении цинских властей пригласить Аблая на переговоры, умертвить его, а затем разорить кочевья Серединного жуза. Султан Аблай считал себя истым мусульмани-

² Там же. Фонд Киргиз-кайсацкие дела. 1762-1775. Д. 14. Л. 183.

³ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 253.

⁴ АВПРИ. Фонд Киргиз-кайсацкие дела. 1762-1775. Д. 14. Л. 172; Абдиров М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость. Астана, 2000. С. 82-132; Андреев И.Г. Описание Средней Азии киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 24-110.

ном и апеллировал к исламскому миру, намереваясь обрести там поддержку в противостоянии с Цинами. Возможно, в определённой степени, этому способствовала и женитьба Аблая на иноплеменницах, большинство из которых были мусульманками. Среди жён Аблай-хана были дочь бека каракалпаков Сайман-ханум, мать старшего его сына Вали; Бабака-ханум – дочь правителя Кашгарии; племянница правителя Джунгарского ханства Галдан-Цэрэна-хунтайджи – Топыш-ханум, родившая Аблаю сына Касыма, впоследствии известного персонажа казахской истории.

В 1763-1764 годах Аблай, тогда правитель большей части родов Серединного и частично – родов Старшего жузов, а также ряда киргизских племён Прииссыккуля, поддержал идею правителя Афганистана Ахмад-шаха из династии Дуррани о создании антицинской коалиции на основе консолидации усилий мусульманских стран Центральной Азии, хотя она и осталась лишь декларацией о намерениях.

В свою очередь, в 1758 году Коллегия иностранных дел Российской империи инструктировала власти Оренбурга и Сибири о недопустимости развития контактов Аблая и других султанов с Цинами. По мнению русского правительства, такие взаимоотношения представляли угрозу безопасности границ Российской империи в Сибири и могли повлечь нежелательный для неё переход казахов Младшего и Серединного жузов в подданство Цинской империи, тем более, что цинские власти пытались принять в вассалитет казахов Серединного жуза.

Как одно из средств предотвращения перехода Аблая в цинское подданство русские власти рассматривали возможность возведения его в ханское достоинство. Казахи, со своей стороны, опасались возможности начала совместных военных действий против них Российской и Цинской империй. В такой ситуации им приходилось ориентироваться на одну из сторон, чтобы защититься от другой. Большинство казахов склонялись в пользу российского подданства.

Если российская политика была нацелена на реформирование своего колониального устройства, изменения статуса и хозяйственно-экономического состояния казахского населения, ставшего подданными России, то Цины, наоборот, полагали необходимым сохранение их первоначального состояния и их статуса «вай-гожэнь» – «иностранцев» в структуре своего государства.

Военные акции 1763-1764 и 1768 годов маньчжуро-китайских войск по выдворению родов Серединного жуза с их зимних пастбищ в Тарбагатайских урочищах также способствовали антицинским настроениям среди казахов. В одном из указов император Цин повелел: «Если они (казахи) действительно прикочевали в Тарбагатай, то объявить о грозящей каре. Объявить: местность покорена великой династией (Цин. – *Авт.*), в будущем планируем разместить там наши войска. Во время существования Джунгарского ханства вы не осмеливались переходить границы, как посмели прикочевать самовольно»⁵.

Следует отметить, что внешняя политика Аблая до и особенно после возведения его в ханское достоинство создавала весьма сложную и напряжённую обстановку в местах соприкосновения Российской империи с цинским Китаем. Так, в 1757 году Аблай совершил набег на киргизов, называемых тогда русскими кара-киргизами (чёрными киргизами) или дикокаменными китайцами – бурутами, захватив несколько сот так называемых джесырей, т.е. пленников. С тех пор потомки этих пленников, кочуя с казахами из племени аргынов из Серединного жуза, дали начало родам этого казахского племени под именем жана-киргиз и бай-киргиз⁶. В январе 1759 года трёхтысячный казахский отряд вернулся через Иртыш из набега на Горный Алтай, захватив в плен не менее 300 алтайцев, которые до падения Джунгарского ханства подчинялись его правителям, а к этому времени уже приняли российское подданство. Причём половина отряда осталась зимовать в горах Алтая и грабить местное население. Предводитель отряда старшина Кошкарбай подробно рассказал об этом русским властям, возможно, не зная

⁵ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Изд. 2-е. Алматы, 1996. С. 230.

⁶ Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Избранные произведения. М., 1986. С. 255.

о принятии алтайцами российского подданства. Как бы то ни было, казахи напали на алтайские айлы, «кои разбивали и полон брали».

Аблай-хан в политике в отношении России шёл по стопам хана Младшего жуза казахов Абулхаира, ставя ту же цель – своё господство в Казахской степи с помощью российского влияния. Тем не менее, какое-то время он скрывал в своих кочевьях мятежного башкирского предводителя Карасакала, бежавшего в Казахскую степь после подавления антирусского восстания. А когда российские власти стали настойчиво требовать выдачи башкирского бунтаря, переправил последнего в Старший жуз, где Карасакал стал недостижим для карающего русского суда.

После смерти Абулхаир-хана коронация казахских ханов, или «поднятие на белой кошме», утверждалась указом российского монарха. Ханам и султанам российские власти назначали государственное жалование. Уже в это время известно о казахских султанах на российской военной службе. Например, об адъютанте фаворита Екатерины II Платона Зубова – султана Ширгазы Каипове. Но Аблай-хан не относился к их числу. После традиционного обряда коронации по казахскому обычаю он «не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги»⁷ на верность Российской империи. Аблай-хан старался проводить независимую политику, лавируя между Россией и Китаем. Известно о посольствах Аблай-хана ко двору богдыханов, маньчжурских правителей Китая, о заложниках-аманатах при их дворе как выражении лояльности со стороны казахов. Однако все попытки цинского двора вынудить Аблай-хана принести присягу на подданство империи Цин оказались безуспешны. По мнению «Геродота казахской истории», знаменитого российского учёного и государственного деятеля А.И. Лёвшина, Аблай-хан «уклонился от сего требования», т.е. от присяги императору Цин.

В то же время Аблай понимал, что без признания российской императрицей Екатериной II его ханского звания он этим титулом не может «именоваться». Надеясь получить военную помощь, в 1778 году Аблай-хан обратился к российской государыне с просьбой признать его ханское достоинство и не получил отказа. Через год русские строители построили Аблай-хану деревянный дом «близ реки Ишима в горах Енгистау»⁸. Это, однако, не даёт основание думать, что Аблай-хан легко шёл на упрочение русского влияния. Уже одно то, что хан принял этот титул в 1771 году, а обратился к императрице лишь в 1778 году, говорит об обратном. Будучи уже утверждённым в Санкт-Петербурге в ханском достоинстве, он категорически отказывался от принесения присяги на верность российскому престолу в Петропавловске и принятия положенных подарков от российской стороны⁹.

Многозначителен и такой факт: Аблай ещё в 1759 году, когда был султаном, отказался от заманчивого предложения принять титул хана от российских властей. А в 1774 году Аблай-хан вступил в сговор со злейшим врагом Екатерины II, мятежником-«самозванцем» Е.И. Пугачёвым, выдававшим себя за российского императора Петра III. Переписка и обмен послами между Аблай-ханом и самозванцем начинаются с марта-апреля 1774 года. После долгих колебаний Аблай-хан принял решение о военном выступлении в поддержку мятежников против российских войск в апреле-мае того же года, за что Пугачёв обещал «отдать им всех сибирских дворян в подданство». По просьбе Пугачёва Аблай-хан во главе большого отряда атаковал и разорил ряд российских крепостей на Ново-Ишимской линии, о чём известно из рапорта российского генерала И.А. Деколонга и письма Аблай-хана к Пугачёву, где он просил разрешения взять в собственность, т.е. в рабство, захваченных им русских пленных, на что незамедлительно получил согласие¹⁰.

⁷ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 428.

⁸ Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (Сборник документов и материалов. 1771-1867 гг.). Алма-Ата, 1964. С. 89-91.

⁹ Там же. С. 96-99.

¹⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 103-104; Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995.

В 1774 году казахский отряд из Серединного жуза принимал участие в пугачёвской осаде Оренбурга, сражался с царскими войсками под Татищевой крепостью 2 марта 1774 года. Поэтому становится ясно, почему российский наместник Сибири и Башкирии И.В. Якоби, раздражённый противодействием Аблай-хана, писал, что последний «горд, изменчив, упрям и непостоянен»¹¹.

Однако ни запоздалый союз казахов с джунгарами против цинского Китая, ни дипломатическое искусство и власть в степи хана Аблая не могли изменить ход истории. Попутные ветры дули тогда в паруса колониализма. И вопрос утраты Казахстаном независимости в XVIII веке был исторически предрешён. Исходя из, разумеется, сомнительной теории «наименьшего зла», представляется, что подчинение России в тех исторических условиях было предпочтительным, поскольку в XVIII веке Россия была более передовой страной по сравнению с Китаем.

Аблай-хану удалось отсрочить неизбежное на несколько десятилетий, но после его смерти в 1781 году его сын Вали, ставший ханом, был вынужден отказаться от политики отца, усердствуя в выполнении своих обещаний о «верности» перед российскими властями¹².

Хан Аблай остался в памяти народной как символ независимой казахской государственности, который как правитель казахов был назначен не иноземным монархом, а «утверждён в своём достоинстве народным собранием (курултаем)», представленном всеми сословиями казахского общества. Аблай-хан был воспет своим современником, известным акыном, певцом-импровизатором Бухар-жырау, автором многих песен, получивших широкую известность в казахском обществе, который, будучи тесно связанным с Аблаем, поддерживал и одобрял его политику¹³.

Так де-факто произошёл, вероятно, по негласной договорённости, раздел Центральной Азии между двумя империями – Российской и Китайской. Хотя окончательно он оформился в XIX веке после захвата российскими войсками Таранчинского (Кульджинского) султаната в Илийском крае на северо-западе Восточного Туркестана, территория которого находилась под контролем России 10 лет, Кокандского, Хивинского ханств и Бухарского эмирата в Средней Азии и Южном Казахстане, а также после разгрома маньчжуро-китайцами в Восточном Туркестане Дунганского Урумчинского султаната и особенно Йетишаара (Семиградья), государства таджика Якуб-бека – выходца из незнатных слоёв общества, уроженца Коканда. Он временно восстановил восточно-туркестанскую независимость в Кашгарии и пользовался политической и материальной поддержкой Британской и Османской империй. Стамбул поставлял ему турецкое оружие и посылал военных инструкторов – османских офицеров, Лондон присылал оружие и инструкторов из Индии. Якуб-бек объявил своим верховным сюзереном османского падишаха и чеканил от его имени золотые, серебряные и медные монеты. Османский флаг стал знаменем и Йетишаара, что, однако, не помогло ему устоять в 1877 году перед военным натиском Цинского Китая, обеспечившего себе дипломатическую поддержку России¹⁴.

Таким образом, с этого времени будущее Центральной Азии решалось в изменившихся геополитических условиях: Казахстана и Средней Азии в составе Российской империи, а Восточного Туркестана и Монголии – в составе Китая, судьбы которых им и предстояло разделить.

¹¹ История Казахской ССР... Т. 3. С. 97.

¹² Сулейменов Р.Б., Моисеев В.В. Из истории Казахстана XVIII в. Алма-Ата, 1988. С. 34-40; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. С. 106.

¹³ Абуев К. Абылай хан. Современники и наследники. Кокшетау, 2013. С. 50-52.

¹⁴ Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII век). Алматы, 1999. С. 126-137; Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. М., 1940. Док. 110; Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (Вторая половина XIX – начала XX в.). Астана, 2000. С. 44-87.

КАВКАЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ И УЧАСТИЕ В НЁМ ЧЛЕНОВ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Одним из итогов 5-го археологического съезда, проходившего в Тифлисе 8–21 сентября 1881 года, стало учреждение 28 ноября 1881 года Кавказского общества истории и археологии. Археологический съезд высказался о необходимости иметь на Кавказе археологическое общество. Поэтому 5 октября 1881 года под председательством князя Д.Д. Джорджадзе прошло заседание Общества любителей кавказской археологии. Председательствующий предложил Обществу возобновить свою деятельность и избрать председателя, казначея и секретаря¹.

Председателем единогласно и без баллотировки избрали начальника Кавказского военно-народного управления, члена Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – КОИРГО или Отдел) генерал-лейтенанта Генерального штаба А.В. Комарова. По предложению последнего, также без баллотировки, секретарём выбрали столоначальника 2-го отделения Кавказского военно-народного управления А.В. Кацуцевича (Кацюцевича) (не являлся членом Отдела), а казначеем – состоявшего при Главном управлении наместника кавказского коллежского асессора князя Н.В. Аргутинского-Долгорукого. Была также избрана комиссия из пяти лиц для пересмотра Устава².

Членами Редакционного комитета также стали члены КОИРГО: Д.З. Бакрадзе, начальник 2-го отделения Кавказского военно-народного управления коллежский асессор Е.Г. Вейденбаум, чиновник 7-го класса для особых поручений при наместнике в звании камер-юнкера Двора его императорского величества коллежский асессор М.Н. Смирнов³.

Общество получило название «Кавказское общество истории и археологии»⁴. Устав его был утверждён наместником 25 ноября 1881 года, уже после того, как оно провело несколько заседаний⁵. «Кавказское общество истории и археологии, – говорилось в нём, – имеет целью изучение и распространение исторических и археологических сведений о Кавказе и сопредельных странах... Для достижения этой цели в круг занятий общества входит: а) собрание и описание всех остатков древности, открывающихся в пределах его деятельности или имеющих отношение к сказанным местам; б) отыскание, разбор и объяснение документов и актов, касающихся истории означенных мест, и группировка материалов для истории края; в) разбор

¹ До съезда в Тифлисе существовали сначала в 1871–1873 гг. Кавказский археологический комитет, а с 1873 по 1881 год – Общество любителей кавказской археологии. См.: Гоков О.А. Общество любителей кавказской археологии и участие в нём членов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // Восточный архив. 2025. Дополнения 3. С. 20–45.

² Кавказ. 1881. № 220. С. 3.

³ Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Тип. Главного управления главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1882. С. 183.

⁴ Кавказ. 1882. № 154. С. 3.

⁵ Устав Кавказского общества истории и археологии // Кавказ. 1882. № 283. С. 1. В некоторых источниках дана ошибочная дата 28 ноября [Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ИКОИРГО). 1882. Т. 7. № 2. С. 289; Кавказский календарь на 1882 год. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 30].

выходящих на русском, иностранных и местных языках сочинений по тому же предмету и чтение рефератов; г) поддержание и охранение, по возможности, от разорения и расхищения памятников и предметов древности на Кавказе; д) приобретение предметов древности»⁶.

От библиотеки Общества любителей кавказской археологии новое общество избавилось: она, «главным образом состоящая из книг покойного нумизмата Бартоломея», была передана в Тифлисскую публичную библиотеку⁷. Археологические материалы вошли в состав коллекций Тифлиссского музея.

Таким образом, съезд способствовал возрождению местной археологической организации. Судя по известным нам отчётам и объявлениям о заседаниях, на собраниях общества рассматривались результаты археологических работ его членов и исследований по смежным с археологией наукам. Активными докладчиками были такие члены Отдела, как А.В. Комаров, Д.З. Бакрадзе, Н.И. Цилюсани, А.Д. Ерицов, В.Н. Безменов, Ю.П. Проценко, Г.И. Радде⁸. В него же поступали археологические находки. Один из пионеров кавказской археологии Ф.С. Байерн в новом кавказском археологическом обществе по неизвестным нам причинам участия не принимал, хотя раскопками занимался. Публиковался он в Германии, а популяризаторами его работ были Р. Вирхов и Э. Шантр⁹.

Впрочем, нормально существовало общество недолго. В марте 1883 года А.В. Комаров был назначен начальником недавно образованной Закаспийской области и покинул Кавказ. После этого «общество вновь предалось летаргии», и «вот уже второй год, как оно существует лишь номинально, и вице-председатель его ни разу не созывал членов ни для занятий, ни для выборов администрации общества», – сожалел в 1884 году корреспондент «Кавказа»¹⁰. В декабре 1883 года в газете «Кавказ» появилась статья члена Кавказского общества истории и археологии Д.З. Бакрадзе с говорящим заголовком «Что нам делать с нашей археологией?», в которой он сам обращал внимание на серьёзные проблемы внутри общества.

Статья была вызвана варварским разрушением местным населением Топихской (Опизской) церкви в Артвинском округе. Как показал автор статьи, это был случай не исключительный. «Бесцеремонное отношение к археологическим остаткам составляет в нашем Крае обыкновенное явление: несмотря на существование закона, воспрещающего дотрагиваться до них; несмотря на двукратно сделанное великим князем, бывшим наместником, местным административным властям подтверждение о строгом присмотре за памятниками древней архитектуры, решительно никакие не приняты к тому меры, и всякий безнаказанно разбирает их для своих надобностей». Д.З. Бакрадзе сожалел, что масса памятников гибла в неумелых руках, пропадала для науки в собственности частных лиц, в церквях, монастырях: «Целая масса мало кому ведомых предметов археологии, и в течение сравнительно небольшого периода времени всё исчезнет, и наш Край, признаваемый пока одним из обильных историческою археологиею, окажется в сём отношении самым скудным»¹¹. Автор статьи задавался вопросом, как сохранить исчезающие памятники прошлого. «V-й археологический съезд, – писал он, – потолковал у нас о том, о сём, к делу мало идущем, и простился с Кавказом до имеющего быть когда-ни-

⁶ Устав Кавказского общества истории и археологии // Кавказ. 1882. № 283. С. 1.

⁷ Кавказ. 1882. № 8. С. 2.

⁸ Кавказ. 1881. № 270. С. 1; Кавказ. 1882. № 92. С. 3; Кавказ. 1882. № 152. С. 1; Кавказ. 1882. № 154. С. 3; Кавказ. 1882. № 194. С. 1–2; Кавказ. 1882. № 315. С. 1.

⁹ *Bayern F.* Bemerkungen und Ansichten über den kaukasus, und seine Vorhistorische Verhältnisse, sein Völker und deren industrie // Verhandlungen Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie, und Urgeschichte. 1882. S. 326–354; *Bayern F.* Untersuchungen über die ältesten gräber- und schatzfunde in kaukasien // Zeitschrift für Ethnologie. Berlin: Verlag von A. Asher, 1885. S. VII, 1–60; Zeitschrift für Ethnologie. 1882. Bd. 14. S. 326, 503; 1883. Bd. 15. S. 203, 256, 303.

¹⁰ Кавказ. 1884. № 197. С. 1.

¹¹ Бакрадзе Д. Что нам делать с нашей археологией? // Кавказ. 1883. № 291. С. 2.

будь нового съезда. А существующее в Тифлисе “Кавказское общество истории и археологии” почти не подаёт признаков жизни, след., с этой стороны надежды нет»¹². Д.З. Бакрадзе считал, что поддержку необходимо искать с двух сторон: от духовной власти и от самого общества при содействии администрации. «Требовать от администрации присмотра за древними памятниками архитектуры, — заключал он, — мы не вправе: она без того обременена служебными делами. Обязанность эту должно принять на себя само общество, которое могло бы образоваться, по особому уставу, в Тифлисе и иметь свои отделения или особых агентов во всех уездах. Агенты будут следить за сохранностью памятников и в случае необходимости обращаться к содействию местной власти или прямо, или же через посредство общества»¹³.

Впрочем, предложенная Д.З. Бакрадзе программа сохранения памятников старины реализована не была, как из-за упадка Общества истории и археологии, так и инертности большей части местной интеллигенции. К тому же для того, чтобы фотографировать памятники, копировать палеографическим способом, срисовывать исторические изображения, приобретать документы и предметы у частных лиц, нужны были деньги и помещение.

Д.З. Бакрадзе справедливо отмечал, что общество должно создать хранилище историко-археологических памятников и копий, каталоги к ним, издавать журнал¹⁴. Но для этого были необходимы средства и люди. К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы ответить на вопросы о том, какими финансами располагало общество, сколько было в нём членов и почему после отъезда А.В. Комарова вся его работа пришла в упадок. Характерно, что в июле 1884 года в газете «Кавказ» появилось сообщение о том, что «в скором времени в Тифлисе, по всей вероятности, будет основано ещё одно новое “Общество”. Как сообщает газета “Дрозба”, один из молодых грузин, любитель истории и археологии, замыслил основать у нас “Общество”, специально посвящённое изучению названных предметов, и уже приступил к составлению проекта устава. Через две-три недели, — добавляет газета, — состоится собрание, на которое будут приглашены все сочувствующие упомянутому вопросу лица, и, по одобрении ими проекта, последний будет представлен на утверждение правительства»¹⁵. Возможно, это стало своеобразным ответом на прекращение деятельности Кавказского общества истории и археологии.

Организаторы 6-го археологического съезда в Одессе Общество истории и археологии проигнорировали, «а на приглашения ...частным лицам не отозвался ни один из местных любителей археологии»¹⁶. Правда, программа с вопросами была получена и обсуждалась на общем собрании КОИРГО 20 декабря 1883 года. В ней было поставлено около 30 вопросов по обычному праву кавказских горцев, и С.А. Егиазаров обещал и сделал к ним пояснения¹⁷. Впоследствии он принял участие в съезде, подготовив доклады «Некоторые черты феодальных отношений на Кавказе. О сельской общине у армян» и «Адаты курдов»¹⁸.

Характерно, что на открытие 6-го археологического съезда с Кавказа никто не приехал, и была получена только одна телеграмма за подписью Старицкого, Проценко и Колянковского

¹² Там же.

¹³ Там же.

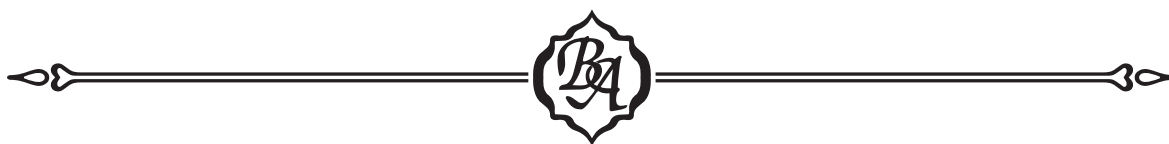
¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Кавказ. 1884. № 149. С. 2.

¹⁶ Кавказ. 1884. № 197. С. 1. По другой версии: «Тифлисское Общество истории и археологии не прислало своего представителя, и вообще на этом съезде не было никого из кавказцев» [Результаты VI-го археологического съезда по отношению к Кавказу // Кавказ. 1884. № 215. С. 2].

¹⁷ ИКОИРГО. 1884. Т. 8. № 2. С. 317, 320; Шестой Археологический съезд с 15 авг. по 1 сент. 1884 г. Вопросы, предложенные к обсуждению на съезде; Вопросы, по которым желательно получить сведения к съезду; пояснения С.А. Егиазарова к вопросам, поставленным Распорядительным комитетом съезда; От редакции «Известий» // ИКОИРГО. 1883 (1884). Т. 8. № 1. С. 205–222.

¹⁸ Шестой археологический съезд в Одессе. 15 августа 1884 года. Одесса: Тип. А. Шульце, 1883. С. 6.

из Кутаиса: «Как бывшие участники 5-го археологического съезда, из столицы древней Колхиды приветствуем открытие 6-го археологического съезда. Кавказ, как археологическая станция всех европейских народов, нуждается в повторении возбуждения на нём археологических исследований»¹⁹. Тем не менее, формально Общество истории и археологии существовало, о чём свидетельствует тот факт, что А.А. Бернацкий, нашедший в одной из пещер Шорапанского уезда массу ископаемых остатков, часть из них послал на имя председателя Кавказского общества истории и археологии²⁰.

29 декабря 1884 года в Москве скончался один из выдающихся деятелей российской археологии граф А.С. Уваров²¹. Это печальное событие и послужило толчком для возобновления работы Тифлисского общества истории и археологии. 4 января 1885 года в «Кавказе» появилась заметка, в которой предлагалось возобновить работу общества. «В 1881 году, – говорилось в ней, – было основано Тифлиское общество истории и археологии, которое, под председательством А.В. Комарова, энергично приступило было к своей работе: часто происходили общие собрания членов с чтениями по предметам, входящим в программу деятельности общества, издан был 1-й выпуск “Трудов” общества и пр. С отъездом А.В. Комарова в Закаспийскую область в 1883 году Общество истории и археологии прекратило своё существование. Так, надо полагать, потому что вице-председатель общества Д.З. Бакрадзе, заступивший место г. Комарова, ни разу не созывал общего собрания, с членов членские взносы не взыскиваются, о деятельности общества не имеется ни одного отчёта. Не мешало бы созвать общее собрание хоть для того, чтобы ликвидировать дела этого общества и постановить, куда направить его средства, если они у него имеются»²².

Призыв был услышан. «Нам сообщают, – писала газета «Кавказ» 10 января 1885 года, – что члены Тифлисского общества археологии и истории, официально ещё не закрытого, намерены почтить память скончавшегося почётного члена его, графа А.С. Уварова, для чего предполагается отслужить по усопшем панихиду. После неё предполагается собрание членов общества в зале Публичной библиотеки. По инициативе покойного открыто Тифлиское общество археологии и истории, и смерть его, быть может, вызовет общество к возобновлению и продолжению своей деятельности»²³.

9 января 1885 года в зале Публичной библиотеки общество под председательством Д.З. Бакрадзе впервые собралось после долгого перерыва на экстренное собрание по случаю смерти своего почётного члена графа А.С. Уварова. Однако помимо того, чтобы почтить его память, ничего больше решено на собрании не было. Просьба тифлиского губернатора избрать несколько делегатов в создаваемую архивную комиссию для разбора документов, предположенных к уничтожению, не была исполнена. Формально – из-за того, что неизвестно было, будет ли эта работа оплачиваться²⁴.

14 января газета сообщила, что «на днях вышел второй выпуск 1-го тома “Известий Кавказского общества истории и археологии”, изданный по примеру выпуска под редакцией Д.З. Бакрадзе и Е.Г. Вейденбаума. Выпуск содержит в себе семь статей, принадлежащих: А.В. Комарову (2), Д.З. Бакрадзе (1), Н.И. Цилоссани (1), В.Н. Безменову, С. Вейсенгофу и князю Т. Дадешкилиани. К выпуску приложены план местности Редькин Лагерь и карта местности Цалка. Появление в свет второго выпуска “Известий” показывает, что Общество истории и археологии, существующее в Тифлисе, возобновляет свою деятельность, чего, разумеется,

¹⁹ Результаты VI-го археологического съезда по отношению к Кавказу // Кавказ. 1884. № 215. С. 2.

²⁰ Бернацкий А. Ископаемые остатки пещерного человека и пещерных животных на Кавказе // Кавказ. 1884. № 255. С. 3.

²¹ Кавказ. 1885. № 4. С. 3.

²² Кавказ. 1885. № 3. С. 2–3.

²³ Кавказ. 1885. № 8. С. 2.

²⁴ Кавказ. 1885. № 9. С. 2.

желали все, кому дороги вопросы о разработке и собирании материалов для изучения нашей окраины в археологическом и историческом отношениях»²⁵.

7 февраля (планировалось на 6) 1885 года прошло общее собрание Тифлисского общества археологии и истории, на котором были зачитаны сообщение памяти умершего и исторический очерк Кавказского археологического общества (Тифлисского общества истории и археологии – в газетных отчётах и объявлениях использовались оба названия)²⁶. Это собрание показало, что было решено возродить деятельность общества. На заседании присутствовало более 30 человек. Л.П. Загурский прочёл на нём очерк жизни и деятельности покойного графа А.С. Уварова, а председательствовавший Д.З. Бакрадзе – очерк истории Общества любителей кавказской археологии и Общества истории и археологии. Прошли выборы должностных лиц. Председателем был избран начальник штаба КВО генерал-лейтенант Генштаба В.Н. Троцкий, его товарищем – Д.З. Бакрадзе, казначеем – князь Н.В. Аргутинский-Долгорукий, а секретарём – Е.Г. Вейденбаум (все – члены КОИРГО). Были избраны почётные члены из числа видных административных деятелей Кавказского края – князь А.М. Дондуков-Корсаков, С.А. Шереметев, экзарх Грузии Павел и два зарубежных учёных: Р. Вирхов, профессор антропологии, и помощник директора Лионского музея Э. Шантр. Был избран редакционный комитет, в который, в частности, вошёл и правитель дел КОИРГО Л.П. Загурский. Собрание постановило обратиться к главноначальствующему на Кавказе с просьбой о выделении средств на издание трудов 5-го археологического съезда, как от него, так и через него – от Министерства народного просвещения²⁷.

18 марта 1885 года в здании Публичной библиотеки состоялось второе полноценное общее собрание членов общества. Под председательством В.Н. Троцкого присутствовало 16 членов и несколько посетителей, а также почётные члены: князь А.М. Дондуков-Корсаков и С.А. Шереметев. Были зачитаны ответы на предложения принять звание почётного члена общества А.М. Дондукова-Корсакова, экзарха Грузии архиепископа Павла, С.А. Шереметева. Все они были позитивными. Закрытой баллотировкой в действительные члены избрали Н.А. Астафьева, В.В. Гурчина, А.С. Зеленого, С.О. Кишмишева, графа Ю.А. Борха, С.А. Шкуринского. Е.Г. Вейденбаум отказался от должности секретаря. Вместо него её принял В.И. Виддинов (Видинов).

К обществу поступила просьба тифлисского губернатора указать лиц, которые были бы способны и согласны исполнять обязанности членов учёной губернской архивной комиссии, которую планировалось открыть в ближайшее время для разбора архивных актов. Собрание постановило опросить членов общества по этому вопросу. Затем были заслушаны рефераты А.Д. Ерицова «О развалинах древней столицы Армении Ани» и Д.З. Бакрадзе «О необходимости изучения церковных архитектурных памятников на Кавказе» (оба являлись членами

²⁵ Кавказ. 1885. № 12. С. 1. Известия Кавказского общества истории и археологии. 1882. Вып. 1.: Комаров А.В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае; Иоакимов А.Я. Выписка из дневника археологических работ на Цалке; Байерн Ф.С. Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке; Ерицов А.Д. Новые находки в Лорийском приставстве; Бакрадзе Д.З. Об источниках и характере первоначальных преданий «Картлис-цховреба», или Грузинских летописей; Проценко Ю.П. Заметка о Куфических надписях в ауле Арзия и в развалинах Маджар, а также о Ширванских древностях; Бакрадзе Д.З. Об отношении Армении и Грузии к Византии вообще и в X веке в особенности; 1884. Т. 1. Вып. 2: Цицосани Н.И. Раскопки на могильнике Редькин Лагерь; Комаров А.В. Чеканилась ли в Грузии золотая монета; Бакрадзе Д.З. О вновь найденном отрывке из источников истории Грузии Вахушта; Безменов В.Н. Извлечения из сборника сведений о древностях и достопримечательностях Ширвана; Комаров А.В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г.; Дадашкелиани Т. Военная организация и боевой порядок грузинского войска в период 1089–1222 г.; Вейсенгоф С. Сведения о Милевской степи.

²⁶ Кавказ. 1885. № 33. С. 3.

²⁷ Кавказ. 1885. № 35. С. 2.

Отдела). «Этот реферат, – сообщал корреспондент газеты «Кавказ» о докладе Д.З. Бакрадзе, – заключает в себе, между прочим, и такие данные, которые показывают, что Кавказ мало знают в его памятниках древности; к сожалению, эти памятники в последнее время подвергаются самому бесцеремонному с ними обращению, вследствие чего гибнут и орнаменты, и надписи, и фрески. Против такого грубого обращения с дорогими памятниками древности бессильны и строгие циркуляры, иногда издаваемые надлежащею властью. Кавказское общество истории и археологии должно же что-нибудь сделать, чтобы дать науке возможность воспользоваться теми из памятников, которые ещё уцелели и держатся, для чего Д.З. Бакрадзе предложил собрать сведения обо всех памятниках древности, включая сюда и остатки мусульманства, с указанием местностей, где эти памятники находятся, их названий и характеристических особенностей. Затем, по получении этих сведений, предлагается войти в соглашение с фотографами, которые согласились бы содействовать целям общества. Г. Ермаков уже дал много снимков с различных памятников древности; г. Роинов, работающий теперь в Дагестанской области, сообщил, что он готов работать для общества. По выслушании реферата, общее собрание постановило: просить Д.З. Бакрадзе составить инструкцию относительно собирания сведений о различных памятниках древности. Постановлено приступить к изданию 3-го выпуска «Известий Кавказского общества истории и археологии»»²⁸.

В апреле 1885 года член-корреспондент Кавказского общества истории и археологии и КО-ИРГО А.Я. Иоакимов обратил внимание общественности и общества на находку каменщиками в каменоломне неподалёку от Эривани «странных могил». Осмотр привёл его к мнению, что это захоронение бронзового века²⁹. В результате, 4 июня Эриванская городская дума выдала А.Я. Иоакимову свидетельство на «беспрепятственное производство раскопок на городской земле, в местности, отстоящей в трёх верстах к югу от города»³⁰.

Отчасти стала реализовываться и программа Д.З. Бакрадзе по привлечению к сохранению древностей лиц духовного звания и верующих. Сам он вступил в Православное братство Грузинского экзархата. Им было спроектировано создание церковного музея, где важное место должны были занимать археологические коллекции. «Высокая и священная задача Братства – изучение древне-православных памятников Края, при тёплом и энергичном участии специалистов-археологов, может способствовать скорейшему осуществлению организации церковно-исторического музея, – отмечалось в заметке «Кавказа». – Богатые археологические сокровища, скрывающиеся в настоящее время под спудом в разных исторических храмах и развалинах, выплывут тогда на свет Божий и явятся под сводами этого нового храма просвещения ...представляя взору наблюдателя и посетителей вообще широкое поле для научных исследований и размышлений»³¹. Публиковался Д.З. Бакрадзе в «Известиях Кавказского общества истории и археологии» («Об отношениях Армении и Грузии к Византии вообще и в X в. в особенности», «Об источниках и характере первоначальных преданий “Картлис-Цховреба”, или грузинских летописей»), изданиях Императорской академии наук, КОИРГО. Под его редакцией вышел «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI», была издана «История Грузии Вахушта с комментариями» и 1-й том «Истории Грузии с древнейших времён до X в. включительно» (обе на грузинском). В 1888 году он был командирован в Константинополь для снятия копий хранившихся в константинопольском главном архиве поземельных актов Батумского и Артвинского округов. Одновременно он добыл там ценные документы по истории Грузии.

В 1889 году Д.З. Бакрадзе находился в командировке для содействия члену Императорской археографической комиссии профессору Н.П. Кондакову, который составлял опись церковных

²⁸ Кавказ. 1885. № 75. С. 3.

²⁹ Кавказ. 1885. № 111. С. 2.

³⁰ Кавказ. 1885. № 187. С. 2.

³¹ Кавказ. 1885. № 343. С. 3.

и монастырских древностей Кавказского края. В конце 1889 году Д.З. Бакрадзе приступил к описанию рассмотренных древних памятников в монографии «Археологическая экскурсия по Кутаисской губернии в 1889 г.»³².

В 1886 году почётными членами Кавказского общества истории и археологии были: кавказский главноуправляющий князь А.М. Дондуков-Корсаков, его помощник генерал-адъютант С.А. Шереметев, экзарх Грузии Павел, германский профессор Р. Вирхов, французский археолог Э. Шантр. Председательствующим общества являлся глава штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Генштаба В.Н. Троцкий, помощником его был действительный статский советник Д.З. Бакрадзе. При обществе имелся редакционный комитет, членами которого состояли М.Н. Смирнов, Л.П. Загурский и Е.Г. Вейденбаум. Казначеем являлся С.А. Вейс-фон-Вейсенгоф, а секретарём – В.И. Виддинов³³.

В 1887 году сменился экзарх Грузии, а, соответственно, и почётный член Общества. Им стал новый глава Грузинского экзархата Палладий. В связи с переводом в 1889 году на должность командующего 16-го армейского корпуса, базировавшегося в Виленском военном округе, в «Кавказском календаре» на 1890 и 1891 годы В.Н. Троцкий числился главой общества, находясь в Витебске. Однако на самом деле он сложил с себя полномочия председателя «по случаю выбытия своего из Тифлиса»³⁴. Его обязанности исполнял помощник председателя Кавказского общества истории и археологии Д.З. Бакрадзе.

В «Календаре» на 1891 год должность помощника председательствующего значилась вакантной, поскольку 10 февраля 1890 года Д.З. Бакрадзе скончался. С того же года в редакционном комитете значились только Л.П. Загурский и Е.Г. Вейденбаум³⁵. Всё руководство Кавказского общества истории и археологии, кроме В.И. Виддинова, будучи членами Общества, одновременно входило и в состав КОИРГО.

С 1887 года Кавказское общество истории и археологии, по-видимому, снова постепенно «затихает». Планировавшийся 3-й выпуск «Известий» в свет так и не вышел. Глава Императорского московского археологического общества графиня П.С. Уварова, в связи с открытием новых памятников на Черноморском побережье, через «Кавказ» обратилась в феврале 1887 года не к Кавказскому обществу истории и археологии, а к кавказскому образованному обществу в целом. «Археологическому обществу, – сообщала она, – нужен постоянный корреспондент для нашего побережья, снабжённый достаточными денежными средствами для поездок с целью разведок и приобретения всего, заслуживающего внимания в археологическом отношении»³⁶. Правда, «председатель общества» (так было написано в тексте; на деле он был исполняющим обязанности) Д.З. Бакрадзе прислал в Управление Кавказского учебного округа 100 экземпляров сочинения графини П.С. Уваровой «Кавказ. Путевые заметки». Сделано это было по просьбе автора, чтобы вырученные от продажи деньги поступили в пользу беднейших учащихся в тифлиских гимназиях³⁷. Таким образом, отношения между гр. П.С. Уваровой и Д.З. Бакрадзе сохранялись.

³² Кавказ. 1890. № 79. С. 1.

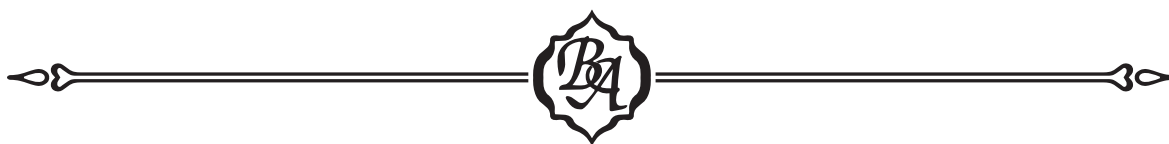
³³ Кавказский календарь на 1887 год. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. С. 110.

³⁴ Кавказ. 1889. № 282. С. 2.

³⁵ Кавказский календарь на 1888 год. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. С. 227; Кавказский календарь на 1889 год. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. С. 237; Кавказский календарь на 1890 год. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. С. 241; Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 315.

³⁶ Кавказ. 1887. № 46. С. 2.

³⁷ Кавказ. 1887. № 83. С. 3.

4 февраля 1889 года члены Кавказского общества истории и археологии присутствовали на панихиде умершего их сочлена, члена КОИРГО М.Н. Смирнова³⁸. Смерть Д.З. Бакрадзе в феврале 1890 года совсем обезглавила общество. По словам Н.К. Зейдлица на общем собрании КОИРГО 22 марта 1890 года, «наш Отдел лишился одного из старейших и деятельных своих сочленов, а Край – лучшего своего археолога»³⁹. Через него кавказские археологи были связаны с Императорской археологической комиссией и Императорским московским археологическим обществом. Сотрудничество нового кавказского археологического общества с Императорской археологической комиссией, наладившееся после Тифлисского археологического съезда, в частности, характеризовалось установлением тесных взаимоотношений между новым председателем Комиссии А.А. Бобринским и товарищем председателя Кавказского общества истории и археологии действительным статским советником Д.З. Бакрадзе⁴⁰. Так, для Императорской археологической комиссии Д.З. Бакрадзе в 1886 году в селе Полтавском Сухумского округа Кутаисской губернии открыл остатки древнего храма, а также составил записку об осмотре вещей и церквей св. Феодора, в имении Воронова, у селения Ольгинского. Он же представил отчёт об археологических находках 1886 года на Кавказе, преимущественно в Сухумском уезде, и рукописи: «Сухумский округ в его древностях и проект программы их исследования», «Отчёт об археологических находках 1886 г. на Кавказе, преимущественно в Сухумском округе», «Летопись кавказской археологии за 1885–1886 гг.»; фотографии находок и архитектурных остатков (капителей, рельефов)⁴¹.

После отъезда В.А. Комарова в Закаспийскую область в 1883 году именно Д.З. Бакрадзе фактически возглавлял на Кавказе всю археологическую работу почти до самой своей смерти в 1890 году. Как отмечалось в его некрологе, «Край лишился в нём добросовестного и неутомимого исследователя, Грузия выдающегося своего историографа и археолога»⁴². «Дм. Зах. был не только патриархом истории и археологии Грузии, – писал А.С. Хаханов, – ...но он был и дорогим отцом грузинской палеографии»⁴³. «Несмотря на массу служебных работ», Д.З. Бакрадзе успевал быть «не номинальным, а деятельным» членом-корреспондентом Императорской академии наук, действительным членом Императорского московского археологического общества, Общества древнерусского искусства, членом Императорской археологической комиссии, Петербургского археологического института, вице-председателем Кавказского общества истории и археологии, членом Распорядительного комитета КОИРГО, членом совета Братства Пресвятой Богородицы, вице-председателем созданного по его инициативе Церковно-исторического музея при тифлисском Сионском соборе, членом Тифлисского юридического общества, членом-основателем Общества распространения грамотности среди грузинского населения, членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе и других обществ⁴⁴.

Как отмечала газета «Кавказ» в 1890 году, председательница Императорского московского археологического общества графиня П.С. Уварова, в связи со смертью Д.З. Бакрадзе, была «озабочена в настоящее время вопросом о дальнейшем существовании Кавказского общества

³⁸ Кавказ. 1889. № 33. С. 2.

³⁹ Общее собрание КОИРГО // Кавказ. 1890. № 79. С. 1.

⁴⁰ Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 676.

⁴¹ Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. С. 11.

⁴² Хаханов А. Д.З. Бакрадзе (Некролог) // Труды Императорского московского археологического общества. Т. 15. Вып. 2. С. 21.

⁴³ Там же. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 24–25.

истории и археологии. Существует предположение, что последнее общество сделается отделением московского»⁴⁵.

В ноябре 1890 года через газету «Кавказ» было высказано пожелание найти в Тифлисе помещение для всех научных обществ города, чтобы оно стало своеобразным научно-исследовательским центром и хранилищем⁴⁶. В ответе на это предложение указывалось, что «бездомных» обществ имелось только три: КОИРГО, техническое и Общество истории и археологии. Но «о нашем археологическом обществе давно уже ничего не слышно, и, собственно, неизвестно даже, где оно помещается»⁴⁷. Чуть позже, в том же месяце была опубликована статья о библиотеках кавказских научных обществ, в которой указывалось, что «в техническом обществе состав библиотеки неизвестен, точно так же, как и в обществе истории и археологии. Секретари этих обществ почему-то замалчивают этот весьма интересный вопрос. Впрочем... в обществе истории и археологии, как известно, не бывает и заседаний»⁴⁸.

В 1886 году скончался главный двигатель полевой археологии Края – Ф.С. Байерн. В новом кавказском археологическом обществе он участия не принимал, хотя раскопками занимался. По всей видимости, это было связано с ухудшением материального положения Ф.С. Байерна и разочарованием в коллективной работе. Как отмечал Н.К. Зейдлиц, характеризуя деятельность Г.И. Радде на посту директора Тифлисского музея, «предварительно скажем несколько слов о покойном Фр.С. Байерне, замечательнейшем кавказском коллекторе, заслуги которого оценил надлежащим образом наш знаменитый зоолог К.Ф. Кесслер (см. его «Путешествие по Закавказскому краю в 1875 году», стр. 31, 34). Байерн-то, строго говоря, положил основание Кавказскому музею, учреждённому при КОИРГО. На музей отпускалась ничтожная сумма, но, благодаря любви к своему делу тогдашнего его консерватора, Ф.С. Байерна, он стал более и более обогащаться коллекциями, собранными главным образом им же. В 1865 г., когда музей был преобразован в особое учреждение, снабжённое значительными денежными средствами, тогда коллекции г. Байерна попали в другие руки. Бедный Байерн принялся за раскопки древних могильников и сделал весьма ценные археологические находки. Но, находясь в крайней нужде, он принуждён был передать в музей г-на Радде богатую свою археологическую коллекцию, состоящую почти из 13 500 предметов, за ничтожную сумму»⁴⁹. Раскопки Ф.С. Байерн вёл ежегодно до 1879 года, а потом – периодически⁵⁰. Свои исследования он продолжал и в 1880-х годах, знакомя с ними Берлинское археологическое общество через профессора Р. Вирхова⁵¹. «Многие интересующие ныне исследователя местности, – писал тот, – впервые расследованы г-ном Байерном. Понятно, что, большею частью, многое появилось благодаря случаю. Но он отправлялся туда для обследования дела на месте, собирал предметы и со-

⁴⁵ Кавказ. 1890. № 62. С. 1.

⁴⁶ Бутыркин В. К вопросу о деятельности КОИРГО (Письмо в редакцию) // Кавказ. 1890. № 304. С. 2.

⁴⁷ Кавказ. 1890. № 309. С. 3.

⁴⁸ А.М. Музеи и библиотеки наших учёных обществ // Кавказ. 1890. № 317. С. 2.

⁴⁹ Зейдлиц Н. В ответ на заметку г. Радде, помещённую в № 57 «Кавказа» // Кавказ. 1889. № 91. С. 2.

⁵⁰ Contribution à l'archéologie du Caucase, par Frédéric Bayern. Précédé d'une introduction biographique, par M. Ernest Chantre. Lyon: Imprimerie Pitrat Aine, 1882. P. XIII. «Ф. Байерн с 1871 по 1876 г. производил раскопки Самтаврского могильника у Мцхета, давшего громадный материал по древнейшей культуре Закавказья. В Армении, около Дилижана, на р. Акстафе был исследован могильник, ставший известным под названием «Редькина Лагерь». Предметы из раскопок поступали в музей общества, организованный в 1874 г. и просуществовавший до 1878 г., когда собранные коллекции влились в Кавказский музей (ныне музей Грузии)» [Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000123/st002.shtml>; Байерн Ф.С. Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке (перев. Е.Г. Вейденбаум) // Известия Кавказского общества истории и археологии. 1882. Т. 1. Вып. 1. С. 10–23].

⁵¹ Археологические находки на Кавказе // Кавказ. 1884. № 222. С. 2–3.

хранял материал находок. Если при том принять во внимание, что г. Байерн живёт в весьма бедной обстановке, что он в продолжение многих лет только с самыми большими лишениями в состоянии был оставаться в связи с литературою Европы, что ему недоставало многого, что для нас считается обыденною пищею, то нельзя не признать, что он совершил изумительное. Он возбудил внимание правительства, он приобрёл доисторическим трудом друзей, даже собрал Археологическое общество. Наконец, своими трудами... обратил внимание заграничных учёных на это важное поприще наук»⁵². Популяризатором работ Ф.С. Байерна за рубежом был также Э. Шантр⁵³.

Во второй половине 1880-х годов в развитие археологического общества активно включился правитель дел КОИРГО Л.П. Загурский. Сам он был лингвистом, но интересовался древней историей и археологией Края. Л.П. Загурский был членом редакционного комитета Кавказского общества истории и археологии. Он скончался в 1891 году.

Достойных сменщиков В.Н. Троцкому, Д.З. Бакрадзе, Л.П. Загурскому и Ф.С. Байерну в Крае не нашлось. Авторы коллективной монографии по истории древних государств Кавказа и Средней Азии определяли Тифлисский съезд как рубеж между 1-м и 2-м этапами изучения Закавказья. Окончился этап первичного ознакомления с археологическими памятниками. «После 1881 г. устанавливаются тесные связи кавказских научных учреждений с Московским археологическим обществом, а затем и с Археологической комиссией», – писали авторы книги⁵⁴. Однако это утверждение нуждается в уточнении. Оно применимо для общероссийских обществ, но не для кавказских. Как мы уже видели, дальнейшее развитие кавказской археологии свидетельствовало о том, что большинство представителей местного образованного общества на Кавказе, в том числе и члены КОИРГО, не прониклось идеями археологического изучения Кавказского края. Сведения о Кавказском обществе истории и археологии с «Кавказского календаря на 1892 год» исчезают «из Кавказских календарей». Скорее всего, это было связано с тем, что общество прекратило существование. Как отмечал, описывая коллекцию археологических предметов Кавказского музея⁵⁵, побывавший в августе 1895 года в Тифлисе Ф.П. Кёппен, «можно очень сожалеть о том, что со времени V археологического съезда, который собрался в Тифлисе в 1881 году, прекратились все местные археологические разыскания. Не достаёт для этого подходящих личностей и необходимых денежных средств. То, что случайно поступает в музей, заботливо сохраняется, а определения таких предметов делаются посредством корреспонденции с компетентными специалистами»⁵⁶.

⁵² Вирхов о Кавказе // Кавказ. 1882. № 89. С. 2.

⁵³ Contribution à l'archéologie du Caucase, par Frédéric Bayern. Précédé d'une introduction biographique, par M. Ernest Chantre. Lyon: Imprimerie Pitrat Aine, 1882. 122 p.

⁵⁴ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985. С. 10.

⁵⁵ «Скажу ещё несколько слов об отделении музея, предназначенном для хранения древностей Кавказа. За недостатком специалиста-археолога, коллекции древностей пока размещены в четырёх залах, по 4-м речным бассейнам Кавказа (Кубани, Терека, Риона и Куры), в которых они были найдены; а небольшая комната уделена для нумизматической коллекции. В центральной зале мы находим копии с кавказских надписей; по стенам красуется персидская майолика; тут же надгробные камни, клинообразные надписи, архитектурная орнаментика древних и новейших образцов. К этому присоединяется богатая коллекция фотографий, изображающих знаменитые монастыри и церкви Кавказа, а также магометанские светские здания» [Кёппен Ф.П. Несколько слов о Кавказском музее. СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1896. С. 10].

⁵⁶ Там же.

ИСТОРИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПАТРИАРХАТА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. Предыстория

Ниже рассматривается официальный документ, регулирующий взаимоотношения иерусалимского патриарха Дамиана с его православной паствой¹. Он является ответом на претензии православного населения, которые в итоге были переданы главе общеимперского Дивана Османской империи для решения всех вопросов православного населения и самому патриарху².

Эта история подробно изложена П.И. Ряжским в его выступлении в марте 1915 года на совете Палестинского общества³. Сюжет был для П.И. Ряжского второстепенным, ибо его занимали перспективы деятельности Общества в ближайшем будущем, представлявшиеся ему прекрасными ввиду скорой победы России над Османской империей⁴. Завышенные ожидания скорой победы русского оружия привели, на наш взгляд, к тому, что в рассказе П.И. Ряжского нет ни одной ссылки на те источники, которые он использовал. Судя по всему, и для автора доклада⁵, и для его слушателей подобные детали могли казаться несущественными ввиду скорой – как казалось весной 1915 года – победы над Османской империей.

В основе конфликта 1909-1910 годов в Иерусалиме лежало недовольство православной паствы отстранением от церковного управления и влияния на церковные и благотворительные учреждения. Арабам был также закрыт путь в Святогробское братство и монашество.

Целью арабов было стремление заменить греков у Святых мест и в Святогробском братстве. Арабы хотели также добиться восстановления арабского присутствия в иерархии в Иеру-

¹ Патриарх Иерусалимский Дамиан (1848-1931). Годы патриаршества – 1897-1918; 1918-1931. О патриархе Дамиане и его роли в политической жизни в регионе на рубеже XIX-XX вв. см.: Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М., 2013. С. 215-220.

² О сложных взаимоотношениях местного православного арабского населения с греческими иерархами как в Иерусалимской патриархате, так и в Антиохийском см.: Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 198-212.

³ Ряжский Павел Иванович (1867-1929) – действительный член Императорского Православного Палестинского общества, инспектор палестинских учебных заведений Палестинского общества, председатель Строительного комитета по возведению Николаевского подворья в Иерусалиме, управляющий подворьями Палестинского общества в Святой Земле, статский советник.

⁴ Документ существует в двух версиях. См. подробно: Бутова Р.К. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. Т. 7. М., 2023. С. 1-164.

⁵ Мы не знаем точно, как именно источники использовал или мог использовать П.И. Ряжский. Вероятнее всего, это архивы Святогробского братства, остающиеся недоступными для исследователей. Весьма вероятно, что П.И. Ряжский принимал личное участие в заседаниях Смешанного совета – основного результата преобразований управления Иерусалимской патриархией. Судьба протоколов заседаний Смешанной комиссии неизвестна. Вероятнее всего, они существуют, но остаются опять же вне доступа для исследователей.

салимском патриархате по примеру Антиохийского патриархата, участия в контроле над всеми недвижимыми имуществами и денежными доходами в Иерусалимском патриархате.

Иными словами, в основе иерусалимского конфликта 1909-1910 годов лежали как идеологические, так и имущественные проблемы.

Под влиянием воздействия всех этих факторов в 1909 году в Иерусалиме начались волнения среди арабов-христиан. Патриарх Дамиан призывал святогробцев уступить по наиболее значимым для арабов моментам. Обращение патриарха не было услышано. Патриарх был низложен, но за него вступились арабы. При поддержке османских властей арабы-христиане добились восстановления Дамиана в его правах.

После восстановления мира между патриархом и братством состоялось соглашение и с арабскими церковными общинами.

Анализируемый далее документ фиксирует это итоговое соглашение.

Согласно договорённостям, Святогробское братство и Иерусалимская патриархия обязались уплачивать на церковные и благотворительные учреждения арабов-христиан по 30 000 наполеонов (225 000 рублей). Распоряжение этими деньгами, контроль над целесообразностью их расходования, обсуждение всех вопросов по организации, расширению и улучшению церковных, просветительских и благотворительных учреждений должны были принадлежать специально образованному Смешанному совету, состоящему из шести святогробцев и шести светских лиц из числа арабов-христиан.

Обе стороны не были полностью удовлетворены компромиссом. За 1910-1914 годы 30 000 наполеонов ни разу не были внесены в кассу Смешанного совета, в 1914 году деятельность совета была фактически парализована. Начало войны автоматически прекратило действия Смешанного совета в любых формах, ибо в условиях военных действий даже не могло быть и речи о каких-либо денежных взносах на нужды Совета. Так в принципе хорошо продуманная идея по реорганизации жизни Иерусалимской патриархии завершилась фактически ничем.

При характеристике рассматриваемого документа необходимо учитывать также положение арабов-христиан в соседней патриархии, Антиохийской. В июне-июле того же 1910 года проходила вторая сессия заседаний Синода Антиохийской церкви⁶. Сообщество митрополитов – как и в случае с Иерусалимским патриархатом – решало общие вопросы действия правовых норм на территории, находящейся под духовным авторитетом патриарха. Во время заседаний этого Синода речь шла в основном о завещаниях и имуществе, передававшихся по завещанию. Несколько позже, во второй половине 1913 года, патриарх Григорий IV Хаддад предпринял попытку радикальной перестройки принципов внутренней организации Антиохийского патриархата путём резкого усиления власти патриарха. Это предложение, сопровождавшееся ослаблением роли митрополитов, вызвало их естественные протесты. Их недовольство было поддержано генеральным консулом Российской империи князем Б.Н. Шаховским. Опытный дипломат, хорошо знакомый с митрополитами Антиохийского патриархата, умирил страсти и сделал всё от него зависящее для того, чтобы внутренняя реорганизация Антиохийской патриархии не состоялась⁷.

Иными словами, в один и тот же год оба патриархата занимались упорядочиванием вопросов внутренней жизни на зависевшей от них территории. В обоих случаях попытка перестройки внутренней жизни в патриархиях по разным причинам не удалась.

При подведении итогов хотелось бы отметить, что перед Первой мировой войной у арабов-христиан Сирии и Палестины начинали формироваться общественные отношения, которые можно было условно назвать «протогосударственными».

⁶ Петрунина О.Е., Герд Л.А. Антиохийский патриархат и Россия в XVIII – начале XX в. Исследования и документы. М.: Индик, 2023. 1085 с. Документ 642.

⁷ Петрунина О.Е. Кризис в Антиохийской патриархии в 1913 г. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Вестник МГУ. Серия 21. Управление (Государство и общество). 2021. № 4. С. 88-103.

В эти годы оба патриархата, являясь областями в составе Османской империи, фактически имели международное признание. Само существование обоих патриархатов во многом определялось регулярной финансовой поддержкой Российской империи и Эллинского королевства⁸.

2. Описание документа⁹

Рассматриваемый ниже документ составлен на трёх языках – греческом, турецком (османском) и арабском. Исходным языком документа является турецкий (османский), арабская и греческая версии являются переводами с турецкого (османского). Документ хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

По формальным внешним признакам данный документ делится на небольшие разделы, являющиеся пересказом текста значительно – судя по всему – более длинного изложения, содержащего подробные описания отдельных претензий, высказанных православными арабами и переданных в конечном счете патриарху Дамиану. По содержанию в рассматриваемом документе выделяются три больших вопроса: 1) характеристика владений патриарха Дамиана; 2) подробное описание организуемого Смешанного совета Иерусалимского патриархата¹⁰, правил его формирования; 3) подробное перечисление полномочий Смешанного совета.

Исследуемый далее греческий текст (и его перевод) анализировался современниками дважды¹¹. Публикации же текста и перевода до настоящего времени не было. О патриархе Дамиане и его взаимоотношениях с Османской империей и Российской империей есть несколько страниц в работе М.И. Якушева¹².

Следующий далее перевод текста документа основывается во многом на версии П.И. Ряжского, составленной в 1910 году. Оно точно и адекватно передает содержание оригинала. Изменены некоторые стилистические особенности языка переводчика. Изменены или уточнены переводы некоторых терминов, употреблённых для характеристики административного аппарата Османской империи.

Филологические тонкости, судя по всему, не представляли для П.И. Ряжского особого интереса, а исторический комментарий в задачи автора не входил.

Турецкая (османская) версия текста специально не изучалась и не комментировалась. Эта версия текста стала основой для арабского и греческого переводов.

Арабская версия данного текста доступна на русском языке благодаря двойному переводу. Сперва С. Хури и Н. Хури, сотрудничавшие с Палестинским обществом, перевели с турецкого (османского) сборник документов, имеющих отношение к Иерусалимскому патриархату. В сборнике был и текст о регламентации взаимоотношений патриарха Дамиана со своей паствой.

М.И. Якушев перевёл из этого сборника с арабского ряд документов, в том числе и изложение требований арабов к патриарху Дамиану. В приложениях в его книге об Антиохийском и Иерусалимском патриархатах есть этот перевод¹³.

⁸ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 329-342.

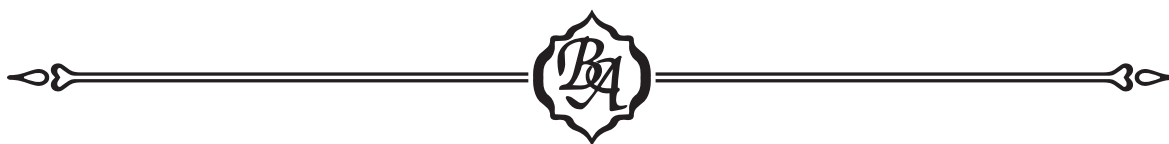
⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 514. Л. 93-99, 100-102об.

¹⁰ Грушевой А.Г. Смешанный совет в истории Антиохийской патриархии. Факты и интерпретация // Ориенталистика. Т. 6 (5). С. 896-899.

¹¹ Померанцев С. Примирение Иерусалимской Патриархии с туземной паствой // СИППО. 1910. Т. 21. Вып. 4 (окт. – дек. 1910 г.). С. 620-639; Леонтьев А. Реформа церковного управления в Иерусалимском Патриархате // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. 22, вып. 2 (апрель – июнь) 1911. С. 192-228. Вып. 3 (июль – сентябрь). С. 382-393.

¹² Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 217-220.

¹³ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты... С. 429-430.

Сопоставление перевода П.И. Рязского и перевода «из вторых рук» М.И. Якушева показывает, что в основе обеих версий лежит один прототип. Этим оригиналом является турецкий (османский) текст.

Сопоставление греческой и арабской версий показывает, что анализ текста следует делать на основании греческого текста, ибо в доступной для анализа арабской версии отсутствуют описания хозяйства иерусалимского патриарха и характеристики организации жизни Иерусалимского патриархата, присутствующие в греческой версии. Видимо, эти детали не интересовали того, кто переводил текст с турецкого (османского). Между тем именно они являются самой ценной с исторической позиции информацией этого документа.

3. Перевод греческой версии документа, сделанный П.И. Рязским. Редакция текста и комментарии А.Г. Грушевого

Краткое изложение заключения Высшего совета¹⁴ представителей по требованиям местных ромеев в Св. Иерусалиме, их претензиям и вопросам, касающимся патриархии ромеев в нём¹⁵.

Притязания отечественных ромеев заключаются в шести пунктах и некоторых дополнительных требованиях, изложенных в письменном заявлении, поданном от лица их депутатов комиссии, заседавшей под председательством начальника Императорского Дивана¹⁶, согласно постановлению самой комиссии, включавшему изыскания и мнения, происходившие по поводу требований отечественных¹⁷ ромеев в Св. Иерусалиме, а также по поводу вопросов и решений, имеющих отношение к Патриархии¹⁸.

Первый пункт притязаний ромеев касается составления общинных советов, которым было бы поручено и вменено в обязанности исполнение функций, указанных в сто одиннадцатой статье Основного Закона¹⁹. Эти советы должны иметь вытекающие отсюда права, должны быть признаны со стороны тех, кому подобает²⁰.

Такое требование местных православных основательно и согласно с Канон²¹. Поэтому, когда в будущем будет составлен правительством устав, касающийся порядка выборов упомянутых советов и отправления ими своих обязанностей, и когда такой устав будет приведён

¹⁴ Видимо, здесь имеется в виду совет, специально собранный христианским населением для выработки формулировок своих претензий к высшей власти. О сложностях взаимоотношений с общеимперскими властями речь в документе идёт несколько ниже.

¹⁵ Вводная часть: все слова, предшествующие первому пункту основного изложения, в доступном тексте арабской версии отсутствуют.

¹⁶ В тексте речь идёт об «Августейшем Диване». Титул главы Дивана передан в документе словом Βελέκτοη, что близко к бейлербею, названию одной из должностей Османской бюрократии. Неясно, насколько возможно говорить об идентичности слов Βελέκτοη и Бейлербей.

¹⁷ Буквальное значение употребления здесь термина ἐντόπιος – «тутошний, здешний». П.И. Рязский переводил «православные», что формально правильно. Однако речь идёт не о территории Российской империи, а о христианском населении, воспринимавшем самих себя как православных.

¹⁸ Имеется в виду Иерусалимская патриархия.

¹⁹ В документе употреблено слово σύνταγμα. Имеется в виду Конституция Османской империи, действовавшая в периоды 1876-1878 и 1908-1922 гг.

²⁰ Подразумевается кто-то из высших должностных лиц Османской империи. Иными словами, автор документа всячески подчёркивает свою лояльность и приверженность государственным устоям Османской империи.

²¹ Имеется в виду «согласно канону иерусалимской церкви». Несколько ниже, со специальной оговоркой, речь будет идти в том числе и о соответствии требованиям Константинопольской церкви.

в исполнение²², то естественно, что требуемые учреждения будут введены с соблюдением условий, относящихся к «вакуфу», в Иерусалиме, его окрестностях, как это бывает и в прочих местах, и у всех общин.

Второй пункт²³ содержит (требование) согласования устава Иерусалимской патриархии с уставом Константинопольской, а равно и образования Смешанного совета под председательством Его Блаженства Патриарха с тем, чтобы одна треть его состава была бы из монахов, а две остальные трети – из мирян, выбираемых из числа местных жителей²⁴, обитающих в Иерусалимской патриархии и подчиненных её духовной юрисдикции²⁵. Этому Смешанному совету предоставляется право наблюдения за школами, церквами и всеми «вакуфами», а также и право проверки разных доходов и распоряжения ими; к совету должно обращаться со всем, что относится к епархиям, принадлежащим патриархии.

В Высочайших бератах, издавна дарованных Иерусалимским патриархам²⁶, находятся следующие достопримечательные места²⁷:

«Патриарх управляет и распоряжается всем, что касается патриархии, как управляли и распоряжались его предшественники. Он же охраняет религиозные обряды, согласно древним обычаям; управляет и распоряжается виноградниками, садами, посевами, мельницами, полями, лугами, домами, лавками, плодовыми и неплодовыми деревьями, св. источниками (известными под названием Ачiasма)²⁸, монастырями и всем подобным из вещей и животных, посвящённых церкви, согласно издревле принятому порядку распоряжения. Воспрещается же кому бы то ни было препятствовать всему этому или вмешиваться в этот порядок, будет ли он из понимающих в этом деле или других».

Так как монастыри и места поклонения в Иерусалиме не принадлежат конкретно кому-то одному, а касаются местных и всех османских православных, и так как составление такового совета в Иерусалиме и соучастие мирян в управлении монастырями, местами поклонения и доходами с них противоречит древним обычаям и ясным указаниям Высочайших бератов²⁹, то и вышеприведённое требование нарушает привилегии упомянутой патриархии. А так как устав Иерусалимской патриархии соответствует тому исключительному её положению, которое она занимает издревле, будучи основана наподобие монастыря, то соответственно этому и получает она некоторые льготы, каких не получает ни одно из других близлежащих духовных учреждений³⁰; и так как такой устав вполне и со всех сторон гарантирует интересы

²² Важное свидетельство стремления регламентировать на общегосударственном уровне все юридические моменты, касающиеся избрания и полномочий всех сторон деятельности духовных руководителей христианского, православного населения.

²³ Второй пункт в арабской версии много короче, по сравнению с греческой.

²⁴ В данном случае отсутствует уточнение о конфессиональной принадлежности. В тексте только прилагательное *ἐντόλιος*.

²⁵ Имеется в виду попытка создать орган внутреннего самоуправления в рамках Османской империи, деятельность которого выражала бы интересы христианского населения Османской империи.

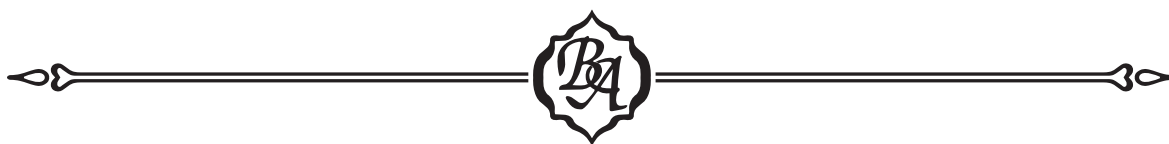
²⁶ Иными словами, в высочайше утверждённых законах Османской империи об Иерусалимской патриархии находятся следующие особо важные утверждения.

²⁷ В переводе П.И. Ряжского здесь «достопримечательные места». Речь идёт не о туристических достопримечательностях, а о выделении наиболее значимых для читателя мест в связи с описанием хозяйства патриарха. Обращает на себя внимание отсутствие указаний на размеры площадей, занятых той или иной культурой. Видимо, это объясняется тем, что современникам такие уточнения не были нужны.

²⁸ Это греческое слово *ἀγίασμα*, адаптированное турецким (османским) языком.

²⁹ Имеются в виду законы, определявшие правовой статус Иерусалимской патриархии в рамках Османской империи.

³⁰ Речь идёт о том, что Храм Вознесения имеет некоторые льготы, которых лишены остальные духовные учреждения региона.

местных православных, – поэтому требование пересмотреть и изменить его не обосновано на праве и на действительной нужде. Но ввиду того, что в числе прочих жалоб есть и такая, что начальные школы и больницы, основанные и управляемые Иерусалимской патриархией, находятся в расстроеном состоянии, и что суммы, которые должны быть назначаемы бедным, подвергаются злоупотреблениям, то, согласно первому пункту устава патриархии (а именно, что «патриархи обязаны заботиться о школах и больницах, принадлежащих монастырям, а также и о бедных, насколько позволяют это доходы монастырей») и для обеспечения точного исполнения упомянутых обязанностей, а также для улучшения больниц и школ местных православных, учреждённых с целью лечить бедных и распространять просвещение, – надлежит составить Смешанный совет, состоящий из 12 членов, под председательством патриарха или его заместителя, которого сам патриарх выберет. Шесть членов такого совета должны быть из монахов при таком же председателе, причём их назначает сама патриархия; шестеро же других членов выбирают сами жители из среды своих нотаблей, согласно правилам выборов, кои будут выработаны по соглашению между Патриархией и представителями общества.

По истечении первого года по составлении этого совета одна половина всех его членов сменяется новыми, причём каждый новый член выбирается по жребию; на следующий год сменяется остальная половина членов по вышеуказанному порядку. Особым формальным заявлением со стороны Патриархии извещается местное правительство как о новом составе совета при его выборе в самом начале, равно и при смене его членов.

Функции упомянутого совета таковы:

а) Рассмотрение и исследование всего, что ни произойдёт среди жителей, из дел, подлежащих ведению как Патриархии, так и Синода, вроде брачных дел, определения приданого и т. п. Сообщение Патриархии о своих постановлениях по упомянутым вопросам посредством формального заявления также входит в число обязанностей совета.

б) Наблюдение за правильным ведением дела по распоряжению деньгами и управлению недвижимыми имуществами, пожертвованными и предназначенными для удовлетворения нужд местных больных, больницами и церквями в селах и уездах, согласно указаниям Высочайших грамот, нарочно приведённых в своде законов от 7 сафара 1278 г.³¹, а равно и наблюдение за школами местных православных, управлением и преподаванием в них, улучшение больниц соответственно нуждам жителей. Наконец, совет обязан наблюдать и за раздачей пособий бедным и нуждающимся, предоставлением им помещений для жительства, за расходами на них по мере нужды.

Затем выделяется одна треть доходов Патриархии размером не менее 30 тысяч лир, принимаемая в расчёт теперешние доходы, за исключением, конечно, тех случаев, когда в Патриархии произойдёт что-нибудь такое, что помешает ей выполнить сие требование. Выдача означенной суммы Патриархией Смешанной комиссии должна происходить ежегодно, по частям, для расходования на школы, больницы, принадлежащие местным жителям, на наём приюта для бедных и для удовлетворения других нужд. Что же касается управления церквями, школами и прочими учреждениями, находящимися в сёлах и уездах, подчинёнными Патриархии и принадлежащими местным жителям, а также заведования доходами и расходами оных учреждений, то необходимо поручить всё это опытным руководителям, которых бы выбирали местные жители, а утверждала их, равно как и самый способ их выборов, упомянутая выше Смешанная комиссия; при этом оные руководители должны находиться под начальством духовных лиц из монахов, известных под именем игуменов.

Третий пункт касается приёма подходящих и достойных лиц из местных православных, живущих в пределах Иерусалимской патриархии, в монашество с соблюдением полного равенства между ними и остальными монахами; возведения их в духовный сан и абсолютного неприёма в монашество кого бы то ни было без согласия на то Смешанного совета³².

³¹ Имеется в виду 1861 год по современному летоисчислению.

³² Имеющиеся в доступности источники не дают возможности сказать, насколько соблюдалось это требование по контролю над избранием в состав монашества.

Патриархия уже выяснила, что монастырское братство никогда не отказывало и даже намёком в приёме желавших принять монашество из местных жителей, удовлетворявших требуемым качествам, согласно особым законам, относящимся к внутренним распорядкам монастыря. Ввиду этого оказалось, что целесообразно будет передать теперь это дело Патриархии для лучшего и справедливого исполнения ею своего обещания и обязательства по сему делу. Назначение же монахов и возведение их в духовный сан суть дела, коими ведают духовные начальники, согласно Высочайшим бератам и установленным законам. Выражений же мнений составленными из мирян советами и их согласия в данном вопросе не требуется (не имеет места) ни в одной из православных патриархий, а потому просьба местных жителей в данном пункте тоже не может быть удовлетворена.

Четвёртый пункт трактует об изменении устава Иерусалимской патриархии по вопросу о выборе патриарха в смысле расширения прав на участие и вмешательство в эти выборы жителей подведомственных Патриархии местностей и об ограничении прав церковного Синода в духовных вопросах и о приёме священников в члены Синода.

Так как устав Иерусалимской патриархии с самого своего начала был составлен соответственно нуждам, обусловленным её местоположением и потребностями жителей, то признано, что нет надобности требовать его изменения. Хотя в Шестом пункте упомянутого устава оставлен неразъяснённым вопрос об участии священников в первом собрании для выбора Патриарха, зато из телеграмм, посланных Высокой Портой в Иерусалимский мутасаррефлик³³ по поводу недоразумений, происходивших по этому вопросу, явствует, что закон даёт священникам право принимать участие во втором выборном собрании, которое важнее первого, а потому нет сомнения, что участие их и в первом собрании разрешается. Кроме того, так как на двух первых заседаниях, происходивших недавно для выбора патриарха, они, т. е. священники, присутствовали, то такое явление сделалось с тех пор обычным. Следовательно, не остается ни одного пункта, который бы нуждался в разъяснении, а посему просьбы по данному вопросу не могут служить основанием для изменения устава. В последнем разъяснено, что Синод состоит из митрополитов и архимандритов, а потому участие в заседаниях Синода лиц в сане священников не допускается во всех ромейских патриархатах. Ввиду этого требование об участии священников в упомянутом Синоде, само собою разумеется, не соответствует ни требованиям закона, ни общим порядкам.

Пятый пункт – об ограничении каждого митрополита пределами его епархии, для которой он был избран, и о воспрещении назначать митрополита, архимандрита, священника или диакона без выбора местных жителей.

Иерусалимская патриархия разъяснила, что митрополиты, подчинённые ей, не могут быть сравниваемы с митрополитами, подчинёнными другим патриархатам, так как они не имеют Высочайших бератов и не имеют от своей паствы доходов, и что их должности в некотором роде почётные только³⁴. И пока митрополиты живут в местах своих назначений и соблюдают точно свои духовные обязанности, всякий повод для недоразумений и жалоб исчезает. Это оказалось соответствующим порядку, вытекающему из смысла **пятого** пункта упомянутого устава, а потому найдено необходимым дать надлежащие установления по данному вопросу Иерусалимской патриархии. Но так как выборы греческих духовных должностных лиц зависят от патриархов и синодских советов, то требование, чтобы выборы происходили с ведома жителей, не соответствует привилегиям и религиозным обычаям, а потому решено дать ответ местным жителям в таком смысле.

Шестой пункт относительно запрещения монахам заниматься мирскими делами, согласно церковным канонам, а также относительно соблюдения равенства во всяких случаях и запрещения делать какие-либо преимущества одной нации перед другой между православными оттоманами.

³³ Мутасаррефлик – термин, обозначающий административно-территориальную структуру в Османской империи.

³⁴ Такова одна из важнейших специфических особенностей именно Иерусалимской патриархии.

Вопросы, кои можно удовлетворить по данному пункту, разумеется, будут удовлетворены по составлении советов и соблюдении вышеуказанных мер.

Остальные же требования, изложенные в особом заявлении, поданном недавно комиссии представителями жителей, таковы:

1) Безусловное уничтожение всяких привилегий, кои приписывают себе монахи, и окончательное запрещение не-османам вступать в монашество.

Так как привилегии монахов отмечены в особом пункте Основных законов и в Высочайших фирманах, то понятно, что об отнятии и уничтожении их не может быть и речи; вступление же иностранцев в монастырь ромеев в Иерусалиме, который с самого своего основания есть учреждение, принадлежащее османским подданным, не разрешается, согласно правилам. И так как в пятнадцатом пункте устава упомянутой патриархии указано, что митрополиты должны быть с самого рождения своего оттоманскими подданными, и так как вступившие в число старцев монастыря суть, конечно, кандидаты в митрополиты, то отныне и далее следует окончательно воспретить приём не-османов в упомянутый монастырь.

2) Объединение доходов, поступающих из разных источников, и ежегодное издание печатного отчёта по ним.

Если будут распределены части доходов по установленному порядку, предназначены ли они для нужд братства или для нужд общин, всё равно, нет надобности для нового порядка, да и интерес общества не требует этого. На всякий случай наказано Патриархии, чтобы поступать согласно третьему пункту её устава относительно разумного управления доходами и расходами, о которых уже была речь выше.

3) О том, чтобы не отставлять патриарха – в случае, если заставят обстоятельства низложить его, – прежде чем не будут исследованы и приведены достаточные для его низложения поводы, и чтобы ни избрание, ни низложение патриарха не происходили без изъявления мнений и согласия священников и представителей общин.

Способ избрания Иерусалимских ромейских патриархов изложен в их специальном уставе, в котором указана и степень участия священников в выборах. О низложении же патриарха нет точных указаний, и оно не поручено какому-либо определённом учреждению. Принимая же во внимание то огромное значение и авторитет, которыми пользуется означенная патриархия, постановили, что изменение упомянутого порядка, т. е. предоставление права низлагать или возводить патриарха какому-нибудь учреждению или общине вовсе не соответствует интересам дела. Поэтому и в силу примечаний, разъясняющих необходимость оставления старого порядка в его силе, вовсе нет нужды останавливаться на этом вопросе и заниматься его рассмотрением и исследованием.

4) Учреждение хора, который бы исполнял церковные песнопения на арабском языке в Храме Воскресения и в других церквах вообще во время исполнения богослужения на греческом языке.

Способы организации и время проведения общих между греками и другими народностями молитв в храмах и местах поклонения определены Высочайшими фирманами Неизменного³⁵. Перемена же Неизменного, на котором зиждется порядок и способ совершения богослужений

³⁵ В тексте τῶν ὑψηλῶν Φιρμάνιων τοῦ Καθεστῶτος. П.И. Ряжский переводит это словосочетание «высочайшими ферманами и Statusquo» Отметим прежде всего то, что первое слово написано в оригинале через «и» (Φιρμάνιων но не Ферμάνιων). Кроме того, в оригинале написанное слитно слово statusquo стоит в скобках после Καθεστῶτος как своего рода толкование этого слова, что представляется не совсем правильным. Сущность дипломатического понятия status quo состоит в том, что отдельные вероисповедания имеют определённые права у Св. Гроба Господня и прочих святынь. Права эти опираются отчасти на турецкие фирманы, иногда противоречивые, но главным образом создались путем обычая. *Фонвизин Г.С. Записка о Святой Земле // Иерусалимский Православный Семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 185-202.*

на ромейском³⁶ языке в упомянутых св. местах, невозможно. Несмотря, однако, на это, Патриархия уведомляет, что в церквах, принадлежащих местным жителям, в Иерусалиме, селах и уездах моление совершается издавна на арабском языке; службы же, которые совершаются специально для местных жителей, но в общих с греками церквах и св. местах, совершаются также на арабском языке, за исключением только особо определённых времен. Поэтому установившаяся практика должна оставаться в прежнем виде.

5) Запись вакуфов на имя народа³⁷ (общины).

Это зависит от преобразования действующих Канонов³⁸, относящихся к управлению имуществами и их записи на имя отдельных лиц. Когда же будут введены нужные изменения, тогда же можно будет записать эти земельные владения, и будут записаны подобные вакуфы должным образом на имя тех, кому они принадлежат. Если такие вакуфы принадлежат Церкви и св. местам, то на их имя они и будут записаны. Если же эти земли и доходы будут записаны на имя Общин, то и записаны они будут на имя Общины. По этой причине нет необходимости что-либо предпринять в этом вопросе вопреки установившейся практике.

Согласно переводу с турецкого, согласно канцелярии³⁹ Патриарха

1.1910 года⁴⁰

4. Приложение

Арабская версия того же документа. Издание перевода арабской версии – Якушев М.И.

«Требования арабской общины к Иерусалимскому патриарху Дамиану в 1909 году

Первое. Сформировать общинный совет (маджлис миллий) с делегированием ему разнообразных полномочий, признанных властями и предусмотренных в соответствии со ст. 111 османской конституции.

Второе. Изменить систему патриархата в соответствии с порядком, существующим в Константинопольском патриархате. Сформировать Смешанный совет (маджлис мухталыт) во главе с патриархом, $\frac{1}{3}$ членов которого составят монахи, а $\frac{2}{3}$ – миряне. Последние должны избираться местным православным населением из числа прихожан Иерусалимского патриархата. Предоставить этому совету право надзора за школами, местами поклонений и всей недвижимостью (вакфом), а также права контроля и управления различными видами материальных поступлений. Этот орган должен стать властной инстанцией при решении всех вопросов, касающихся епархий патриархата.

Третье. Принимать в монашеский орден Святогробского братства достойных этой чести православных, проживающих на территории Иерусалимского патриархата и подчиняющихся принципу равенства перед остальными монахами. Постриженные в монахи (арабы. – М.Я.) могут также продвигаться по служебной церковно-иерархической лестнице. Никто не может быть принят в Святогробское братство без одобрения Смешанного совета.

³⁶ В предыдущем абзаце в сходном контексте речь идёт о молитвах на греческом языке. Здесь – о молитвах на ромейском. В обоих случаях описывается одинаковая ситуация, и в результате мы лишены возможности понять, является ли эта замена случайной, или же здесь имеется в виду какая-то остающаяся нам неизвестной характеристика богослужений.

³⁷ В греческом тексте ἐλ' ὀνόματι τῆς Κοινότητος – «во имя сообщества», то есть народа, образующего паству Иерусалимского патриарха.

³⁸ П.И. Рязский переводит «законов». Что формально возможно, но представляется неправильным, ибо речь идёт о законодательных актах, регулирующих не светскую жизнь, но жизнь Иерусалимской патриархии.

³⁹ Употребление здесь слово Γραφεῖον многозначно. Вероятнее всего, речь идёт о составлении документа в традиции канцелярии патриарха, по нормам составления таких документов.

⁴⁰ Этой даты в тексте греческой версии нет. Иными словами, это, вероятнее всего, дата оформления П.И. Рязским этого документа.

Четвёртое. Изменение устава Иерусалимского патриархата, в части, касающейся выборов патриарха, за счёт предоставления и расширения прав мирянам Иерусалимского патриархата участвовать в избирательном процессе. Ограничить полномочия Синода сугубо духовными делами и включить в его состав представителей приходского духовенства.

Пятое. Обязать каждого митрополита (епископа) постоянно проживать на территории митрополии (епархии), которой он управляет. Официальное назначение митрополита (епископа), архимандрита, священника или диакона должно осуществляться лишь после избрания их местным православным населением.

Шестое. Монахам запрещается заниматься мирскими делами, как того требует церковный закон. Введение повсеместно в империи принципа равенства между православными османлы. Ни одна из этнических групп (рум миллети. – *М.Я.*) не должна иметь привилегий над другими этносами.

Седьмое. Полностью отменить все привилегии, на которые претендуют монахи, а также запретить неосманским подданным вступать в Святогробское братство.

Восьмое. Сместить или низложить патриарха можно лишь при наличии убедительного доказательства его виновности. Более того, для этого необходимо заручиться на этот счёт мнением и согласием представителей общины (милла) из числа поместного духовенства. Подобное согласие требуется как при избрании патриарха, так и его отстранении от должности.

Девятое. Объединить все виды поступлений из различных источников с одновременной ежегодной публикацией отчёта о доходах и расходах.

Десятое. Разрешить хору певчих исполнять по-арабски песнопения в церквях – как в храме Гроба Господня, так и других церквях, где совершается служба на греческом языке.

Одиннадцатое. Вся недвижимость в виде вакфа должна быть зарегистрирована на имя общины (таифы)».

**ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А.Н. КУРОПАТКИНА
«О ВВЕДЕНИИ ВОЗРАСТНОГО ЦЕНЗА И ПРОИЗВОДСТВЕ
НА ВЫСШИЕ КОМАНДНЫЕ ДОЛЖНОСТИ ОФИЦЕРОВ С БОЕВЫМ
ОПЫТОМ»**

Во второй половине XIX века проблема обновления командного состава Русской императорской армии приобрела особую значимость в контексте стремительного развития военной техники, трансформации форм и методов вооружённой борьбы, а также усложнения оперативно-стратегических задач, стоявших перед вооружёнными силами. Эти изменения обусловили необходимость не только технической модернизации, но и пересмотра кадровой политики. На первый план вышли вопросы профессиональной компетентности, физической пригодности и моральных качеств офицеров. В условиях, когда система чинопроизводства по-прежнему базировалась преимущественно на принципе выслуги лет, всё более настойчиво обсуждалась необходимость введения возрастного ограничения для командных должностей и перехода к более гибким критериям оценки служебной состоятельности.

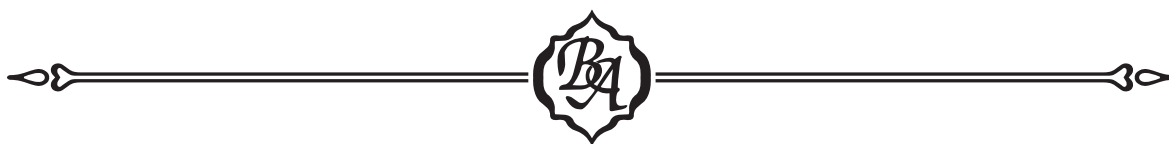
Одной из особенностей кадровой политики Русской императорской армии в XIX веке была система чинопроизводства по выслуге лет. Основанная на принципе старшинства, она предполагала автоматическое продвижение по службе по мере нахождения в строю. Такая модель обеспечивала формальное равенство, но вела к застою в офицерском корпусе: «Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигаясь по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда добивались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей»¹. Плохое материальное обеспечение и низкие пенсии вынуждали офицеров оставаться на службе до предела возможностей, что снижало боеспособность армии.

Необходимость модернизации армейского руководства стала следствием накопившихся противоречий между результатами военных реформ 1860–1870-х годов, проведённых под руководством военного министра Д.А. Милютин², и консервативной политикой конца XIX века, ориентированной на сохранение стабильности и ведомственной иерархии. Система, сложившаяся в эпоху Великих реформ³, предполагала определённую гибкость в подходах к отбору

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М.: Мысль, 1973. С. 38.

² Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — генерал-фельдмаршал (с 1898), граф (с 1878). Окончил Императорскую военную академию (1836). Участник Кавказской войны (1839). С 1845 г. — профессор Военной академии, автор фундаментальных трудов по истории военного искусства и военной статистике. В 1861–1881 гг. — военный министр; провёл масштабные реформы — ввёл всеобщую воинскую повинность (1874), реорганизовал систему военного образования, отменил телесные наказания в армии, реформировал интендантскую и санитарную службы.

³ Эпоха Великих реформ — период масштабных преобразований в Российской империи в правление Александра II (1861 – начало 1870-х гг.), направленных на модернизацию государства. Началом считается отмена крепостного права (1861), пик приходится на 1860–1874 гг. Ключевые реформы: судебная, земская, городская, образовательная, военная (введение всеобщей воинской повинности, сокращение

и продвижению офицеров, однако в последующие десятилетия её принципы были частично свёрнуты в пользу формализованной выслуги и возрастного старшинства.

Одной из особенностей русской армии рассматриваемого периода являлось крайне замедленное чинопроизводство, особенно в основном роде войск — армейской пехоте: «Как правило, служба в обер-офицерских чинах продолжалась 25-30, а в отдельных случаях и более лет. Командование ротами длилось нередко более 10 и даже 20 лет»⁴. Система, сложившаяся после реформ Милютин 1860–1870-х годов, постепенно утратила гибкость и стала жёстко опираться на выслугу лет и старшинство, что приводило к застою кадрового продвижения.

Общая тенденция старения командного состава вызывала обеспокоенность как внутри армейской среды, так и среди высших чинов военного ведомства. Инициативы, направленные на ограничение предельного возраста для офицеров, стали предметом внутренней дискуссии.

К концу XIX века проблема приобрела системный характер. В военной прессе всё чаще звучали призывы к реформе, отмечая, что выслуга лет в существующем виде губительна для армии. Один из наиболее авторитетных военных педагогов своего времени, генерал-адъютант М.И. Драгомиров⁵ в своём отчёте командующего Киевским военным округом за 1893 год писал: «Заботясь о соблюдении очереди на всякое назначение, производство и награду, мы парализуем энергию деятельных людей и на опыте убеждаем, что работать от сердца не стоит, так как и без работы, только бы дожил и был терпим, получит то же»⁶.

Отдельные предложения по изменению принципов комплектования офицерского корпуса были сформулированы крупными военачальниками в конце XIX века, на раннем этапе, предшествовавшем военным реформам начала XX века. На этом фоне особый интерес вызывают два архивных документа, обнаруженные автором в РГВИА и впервые вводимые в научный оборот. Первый документ — датированное 13 апреля 1897 года письмо генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина⁷, занимавшего в 1897 году должность командующего войсками Закаспийской области, направленное военному министру П.С. Ванновскому⁸. Письмо с грифом «Се-

срока службы, реорганизация армии). Эти меры создали основу системы подготовки и отбора офицеров, которую позднее предлагал реформировать Куропаткин.

⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия. С. 186.

⁵ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) — генерал от инфантерии (1891), генерал-адъютант. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1856). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награждён орденом Св. Георгия III ст. Начальник Николаевской академии Генштаба (1878–1889), автор «Учебника тактики» (1879). Командующий Киевским военным округом (1889); Киевский, Подольский, Волынский генерал-губернатор (1898–1903). Член Государственного совета (с 1903).

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Канцелярии Военного министерства. Оп. 2. Д. 506. Л. 7.

⁷ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902). Окончил 1-й кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Участник туркестанских кампаний, награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. (1873). Командовал Ахал-Текинской экспедицией (1880–1881), начальник Закаспийской области (1890). Военный министр (1898–1904), провёл реформы армии. Главнокомандующий на Дальнем Востоке в Русско-японскую войну (1904–1905), затем командующий Северным фронтом в Первую мировую войну. Туркестанский генерал-губернатор (1916–1917). После 1917 г. преподавал в сельской школе, автор военно-исторических трудов.

⁸ Ванновский Пётр Семёнович (1822–1904) — российский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник Венгерской кампании (1849), Крымской и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Награждён орденом Св. Георгия III ст. Военный министр (1881–1898), провёл реформы: перевооружение армии (винтовка Мосина), реорганизацию военного образования и систему мобилизации. Министр народного просвещения (1901–1902).

кретно» озаглавлено: «Характеристики, составленные Куропаткиным А.Н., на лиц командного состава по Закаспийской области»⁹.

Второй документ — датированное 23 июля 1899 года конфиденциальное письмо генерала С.М. Духовского¹⁰, служившего в 1899 году в чине командующего Туркестанским военным округом. Оно адресовано военному министру (с 1898 г.) генералу Куропаткину и озаглавлено «О необходимости назначать на высшие командные должности не только людей с боевым опытом, но и лиц с исключительными способностями и службою мирного времени обративших на себя особое внимание»¹¹. Анализ писем Куропаткина и Духовского позволяет взглянуть на проблемы реформирования армии и введения возрастного ценза через призму внутреннего осмысления ситуации самими военачальниками.

В советской историографии причины и следствия проведения реформ в Русской императорской армии рассматривались как часть общего кризиса самодержавия. П.А. Зайончковский¹² писал, что реформа армии в 1890-х годах не принесла каких-либо серьезных изменений¹³ и не затронула главных причин кадровой инерции, а сам Куропаткин характеризовался как министр, склонный к бюрократическим методам управления, не способный довести реформы до конца¹⁴. Зайончковский говорил о притуплении инициативы и ответственности вследствие бюрократизации верховного управления, что вело к непоследовательности и половинчатости мер в военном ведомстве. Он указывал на «возрастной перекос» в высшем звене командования, когда «возрастной состав офицерского корпуса, начиная от командиров рот и эскадронов, был далеко не молодым, что крайне скверно отражалось на его качестве»¹⁵.

Постсоветские исследования подтверждают, что к концу XIX века проблема возрастного старения армии была действительно системной. С началом 1990-х годов в историографии оформились новые подходы к оценке военной реформы в Российской империи, основанные на систематической работе с архивными источниками. Переосмысление деятельности Куропаткина в вопросе необходимости возрастного ценза осуществлялось в исследованиях В.В. Шульги¹⁶,

⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 431. Л. 10–16.

¹⁰ Духовский Сергей Михайлович (1838–1901) — генерал от инфантерии. Выпускник 1-го кадетского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба. Участник Кавказской и Русско-турецкой войн, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1877). Начальник штабов Кавказского и Московского военных округов. Приамурский генерал-губернатор (1893–1898), затем Туркестанский генерал-губернатор (1898–1900). С 1901 г. — член Государственного совета, автор военно-исторических работ.

¹¹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 577. Л. 1–2.

¹² Зайончковский Пётр Андреевич (1904–1983) — советский историк, специалист по истории России XIX – начала XX века, доктор исторических наук, профессор МГУ. Исследовал реформы Александра II, государственный аппарат и социально-политическую жизнь эпохи. Автор фундаментальных трудов, включая «Правительственный аппарат самодержавной России XIX века» и «Отмена крепостного права в России».

¹³ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия. С. 193.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Шульга Владимир Владимирович — российский историк, специалист по истории военной организации Российской империи XIX – начала XX века, военному управлению и реформам вооружённых сил. Исследует кадровую политику, систему чиновничества и деятельность военных министров. Автор научных публикаций о реформе армии в период Александра II и Александра III.; см.: Шульга В.В. Политика в области военного образования в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. 2009. № 1. С. 115–119.

С.С. Ольденбурга¹⁷, А.В. Ганина¹⁸, П.А. Режепо¹⁹, А.В. Репникова²⁰ и др.

По мнению западных исследователей, на рубеже XIX–XX веков Российская империя заметно отставала в военном отношении от ведущих европейских держав. Российская армия сохраняла жёсткую иерархию и слабое обновление кадров, оказавшись в ситуации, когда многие перемены не касались основных правил комплектования и оценки командных кадров. Д. Стоун²¹ отмечает, что русская армия оставалась огромной, но всё более устаревшей, страдая от медленной мобилизации, неадекватной логистики и жёсткой иерархии, отдававшей приоритет старшинству перед компетентностью, утверждая, что российская система продвижения, почти целиком основанная на выслуге, порождала стареющий командный состав, сопротивлявшийся переменам²². Схожие оценки даёт Дж. Паркер²³, подчёркивая, что по сравнению с армиями Германии и Франции, где были введены отбор по служебным заслугам и возрастные ограничения, Россия по-прежнему опиралась на иерархическую лояльность и старшинство, а раздутый военный бюрократический аппарат при Куропаткине ещё более ограничивал оперативную гибкость и тормозил принятие решений в критические моменты, особенно в условиях военных конфликтов²⁴.

¹⁷ Ольденбург Сергей Сергеевич (1863–1934) — российский государственный деятель, востоковед и историк, академик РАН (с 1903 г.). Исследовал политику Российской империи в Средней Азии, проблемы государственного управления и культуры. Автор трудов по истории Российской империи, член Государственного совета, занимался организацией научных экспедиций и развитием востоковедения; см.: *Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М.: Аграф, 1991. Т. 1. С. 276–279.*

¹⁸ Ганин Алексей Валерьевич (р. 1975) — российский историк, доктор исторических наук, ведущий специалист по истории офицерского корпуса и гражданской войны в России. Сотрудник Института российской истории РАН. Автор многочисленных монографий и статей о кадровой политике армии Российской империи, биографиях генералитета и проблемах формирования командного состава в конце XIX – начале XX века; см.: *Ганин А.В. Офицерский корпус российской гвардии в 1914–1917 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 72–74.*

¹⁹ Режепо Павел Александрович — российский историк, кандидат исторических наук, специалист по истории российской армии конца XIX – начала XX века, кадровой политике и военной реформе. Автор публикаций о деятельности военных министров и развитии офицерского корпуса, исследует архивные материалы по истории Военного министерства и вооружённых сил Российской империи.

²⁰ Репников Андрей Владимирович — российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Специализируется на политической истории России конца XIX – начала XX века, проблемах государственного управления, военной политики и реформ. Автор монографий и статей по истории правительственного аппарата и кадровых процессов в Российской империи; см.: *Режепо П.А., Репников А.В. Служебные судьбы офицеров российской армии (1881–1914 гг.) // Исторический архив. 2021. № 1. С. 77–89.*

²¹ Стоун Дэвид (David R. Stone; род. 1968) — американский военный историк, специализирующийся на истории России и СССР. Получил степень бакалавра истории и математики в Wabash College и докторскую степень по истории в Yale University. Занимает должность William Eldridge Odom Professor of Russian Studies в U.S. Naval War College, ранее преподавал в Hamilton College и Kansas State University.

²² *Stone D. A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. Westport: Praeger Security International, 2006, p. 112.*

²³ Паркер Ноэл Джеффри (Noel Geoffrey Parker, род. 1943) — выдающийся английский историк, специалист по военной истории раннего Нового времени, особенно истории Испании и Европы XVI–XVII вв.; редактор *The Cambridge History of Warfare* (Cambridge University Press, 2005). Получил ступени BA (1965), PhD (1968) и LittD (1981) в Кембридже; преподавал в университетах Сент-Эндрюс, Иллинойса, Йеля, а с 1997 г. занимает кафедру истории Европы в Ohio State University. Одна из ключевых фигур в военно-исторической науке, автор десятков книг и многочисленных академических наград.

²⁴ *Parker G. (ed.) The Cambridge History of Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 228–229.*

Во второй половине 1890-х годов вопрос обновления офицерского корпуса перестал быть предметом общих рассуждений и приобрёл характер конкретных предложений со стороны высшего военного руководства. В письме Куропаткина Ванновскому²⁵ отражены практические меры, направленные на повышение эффективности командного состава. Основным критерием пригодности к службе он считал не выслугу лет, а состояние здоровья и умственные способности, при этом выступал за введение возрастного ценза. Он представил детальную характеристику офицеров, включённых в кандидатские списки на командные должности, и обоснование причин их исключения или выдвижения. Куропаткин указывал, что эффективность армии невозможна без строгого отбора командиров, способных исполнять возложенные обязанности с достаточной физической энергией и выносливостью, и настаивал на необходимости «очищения списков» для предоставления возможности продвижения более молодым и деятельным офицерам.

Анализируя кандидатские списки, Куропаткин отмечал ряд офицеров, таких, как подполковник Соловьёв²⁶, генерал-майор Е.В. Шпицберг²⁷, генерал-лейтенант П.Д. Паренсов²⁸, генерал-майор В.К. Худяков²⁹ и генерал-лейтенант граф Н.Я. Ростовцев³⁰, которых предлагал исключить из-за физической неспособности продолжать службу. Куропаткин также указывал на престарелых офицеров, утративших активность и способность к управлению войсками, таких, как генерал-майор А.М. Свечин³¹ и генерал-майор М.В. Певцов³². Особую категорию, по мнению Куропаткина, составляли офицеры с дисциплинарными нарушениями — полковник Дейбель³³ и полковник В.П. Жолтановский³⁴.

²⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 431. Л. 10–16.

²⁶ Соловьёв (даты не установлены) — подполковник армейской пехоты, в 1900 году занимал должность Романо-Борисоглебского уездного воинского начальника. Согласно Высочайшему приказу по военному ведомству от 24 декабря 1900 года, опубликованному в журнале «Разведчик», № 533 от 2 января 1901 г., был произведён в полковники с одновременным увольнением от службы по болезни с мундиром и пенсией.

²⁷ Шпицберг Евграф Владимирович (1843 – до 1916) — генерал от кавалерии (1909), участник польской кампании (1863) и туркестанских походов (1866–1870). Командовал Самаркандским отделом (1874–1877), 1-й Туркестанской казачьей дивизией (1896–1906), затем 7-м армейским корпусом (1906–1909).

²⁸ Паренсов Пётр Дмитриевич (1843–1914) — генерал от инфантерии (1901), военный советник Болгарского княжества (с 1879). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и туркестанских кампаний. Командир 6-й кавалерийской дивизии (1890–1898) в составе Туркестанского округа. Награждён Золотым оружием «За храбрость».

²⁹ Худяков Владимир Корнеевич (1835–1908) — генерал-лейтенант (1900), командир 4-й стрелковой бригады (1896–1900) в составе Туркестанского округа. Участник Крымской и Русско-турецкой войн. Награждён орденом Св. Георгия 4-й ст.

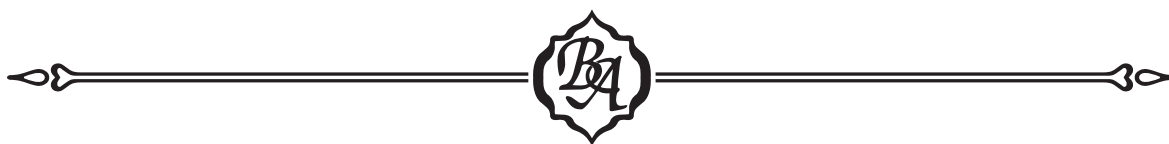
³⁰ Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) — генерал-лейтенант, военный губернатор Самаркандской области (1891–1897). Умер в 1897 г. от гангрены.

³¹ Свечин Андрей Михайлович (1838–1903) — генерал-майор (1886), выпускник Михайловской артиллерийской академии и Николаевской академии Генштаба. Участник подавления Польского восстания (1863–1864), служил в Генеральном штабе. Командир 2-й бригады 18-й пехотной дивизии в Туркестане (1897–1900). После выхода в отставку произведён в генерал-лейтенанты.

³² Певцов Михаил Васильевич (1843–1902) — генерал-майор (1891), российский военный топограф, исследователь и путешественник, член Русского географического общества. Руководил экспедициями в Центральную Азию, включая Тибет, Монголию и Кашгарию. Возглавил знаменитую тибетскую экспедицию (1887–1890).

³³ Дейбель (даты не установлены) — полковник, командир 7-го Закаспийского стрелкового батальона, служил в Туркестане. Исключён из списков как умерший (1897).

³⁴ Жолтановский Василий Петрович (1854–1906) — генерал-майор (с 1902), выпускник Екатеринославского кавалерийского училища (1877) и Николаевской академии Генерального штаба (1881). В 1900–

Куропаткин предлагал установить возрастной ценз для командных должностей на этапе формирования списков кандидатов, в том числе 55 лет для командиров кавалерийских дивизий, бригад и полков и 60 лет для начальников пехотных дивизий, бригад и командиров отдельных батальонов. По расчётам Куропаткина, введение возрастных ограничений привело бы к исключению из кандидатских списков не менее 149 чел., при этом он замечал, что «с основания поступивших ходатайств 20% подлежащих исключению, как исчислено выше, будут оставлены в кандидатском списке, всё же придётся исключить из него сто двадцать человек. Такое очищение кандидатского списка даёт ход многим достойным штаб-офицерам нашей армии, чрезмерно долго ожидающим самостоятельного командования»³⁵. Он признаёт, что значительное число этих ходатайств будет основано на человеческих вообще, а не на служебных соображениях, замечая: «Мы, славяне, склонны к чувствительности, и даже суровых из нас можно разжалобить»³⁶.

Наряду с этим Куропаткин обращал внимание на другую проблему, затрагивавшую офицеров, проявивших героизм во время русско-турецкой войны 1877–1878 г., но за двадцать лет так и не получивших возможности занять высокие командные должности. Он писал: «Некоторые из офицеров, командовавшие ротами двадцать лет тому назад, заслужившие Георгиевские кресты и имена коих стали известны всей армии, всё ещё, к 1 мая 1896 года, не вошли в очередь на получение отдельных частей»³⁷. Среди них подполковник А.С. Борзов³⁸, полковник П.К. Домбровский³⁹, подполковник М.И. Охотин⁴⁰, капитан И.Г. Моторный⁴¹, подполковник В.П. Зыков⁴², подполковник Н.Н. Подобедов⁴³ и подполковник А.Г. Макроплио⁴⁴. Особое место в письме занимает история майора Ф.М. Горталова⁴⁵ из 61-го Владимирского пехотного полка, героя 1903 гг. — командир 13-го стрелкового полка, затем Екатеринославский генерал-губернатор (1903–1906). Погиб в результате покушения в Екатеринославе.

³⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 431. Л. 13–14.

³⁶ Там же. Л. 14 об.

³⁷ Там же. Л. 15.

³⁸ Борзов Аполлон Семёнович (даты не установлены) — поручик 63-го Угличского пехотного полка, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился при штурме Шейново (28.12.1877), награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. К 1897 г. — подполковник.

³⁹ Домбровский Павел Каэтанович (1848 – после 1907) — генерал-лейтенант, выпускник Аракчеевского кадетского корпуса и 1-го Павловского военного училища (1867). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., был тяжело ранен при штурме Елены. С 1897 г. — командир 36-го Орловского полка, позднее Харьковский уездный воинский начальник. Участвовал в Китайском походе (1900–1901) и Русско-японской войне, с 1907 г. — начальник 40-й пехотной дивизии.

⁴⁰ Охотин Михаил Иванович (1842 – после 1906) — генерал-майор (1904), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился на Шипкинском перевале (05.09.1877), награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. Вышел в отставку в 1906 г.

⁴¹ Моторный Иван Григорьевич (даты не установлены) — офицер Русской императорской армии, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился при переправе через Дунай (1877), командуя стрелковой ротой. К 1897 г. — капитан 54-го Минского пехотного полка.

⁴² Зыков Виктор Павлович (1854 – после 1923) — генерал-лейтенант (1914), герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился при штурме Карса (06.11.1877), награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. Участник Русско-японской и Гражданской войн, в 1923 г. — на службе в РККА.

⁴³ Подобедов Николай Николаевич (даты не установлены) — подполковник 30-го пехотного Полтавского полка (1897). Данных о дальнейшей службе и биографии не выявлено.

⁴⁴ Макроплио Александр Георгиевич (1842 – после 1905) — генерал-майор (1905), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился при штурме Карса, награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. Уволен в отставку в 1905 г.

⁴⁵ Горталов Фёдор Матвеевич (1839–1877) — майор 61-го Владимирского пехотного полка, герой Рус-

Севастопольской кампании, который, отказавшись оставить захваченный редут, погиб при штурме Плевны, «поднятый турками на штыки»⁴⁶.

Письмо Куропаткина демонстрирует его замысел будущих реформ, основанных на общем правиле по возрастному цензу и физическому состоянию командира, разумные исключения в особых случаях, обязательный учёт здоровья и силы, а главное — прогнозируемое освобождение мест для тех, кто давно готов к самостоятельному командованию. Это показывает, что Куропаткин ещё до службы в военном министерстве предлагал ясные критерии реформирования армии.

Очевидно, что данное письмо Куропаткина, направленное министру Ванновскому, и подкреплённое расчётами, безусловно усиливало его репутацию как человека, который умеет выявлять проблему, предлагает понятный способ обновления армии и заранее думает о возможных возражениях, отстаивая свою точку зрения и демонстрируя при этом умение и желание идти на разумный компромисс для достижения желаемой цели.

Письмо Духовского⁴⁷ представляет собой важное дополнение к предложенной Куропаткиным концепции кадровой реформы армии. Поддерживая общий курс на введение возрастного ценза, Духовский придавал особое значение профессиональным качествам офицеров, подчёркивая, что на высшие командные должности следует назначать не только людей с боевым опытом, но и тех, кто в мирное время проявил исключительные способности и отличился на службе⁴⁸.

В отличие от Куропаткина, который делал акцент на установлении предельных возрастов и оценке физического состояния кандидатов, Духовский предлагал более гибкий подход, включавший целенаправленное выдвижение талантливых командиров, и настаивал на том, чтобы при распределении высших должностей учитывать не только заслуги прошлого, но и актуальную способность кандидата к управлению. Особое значение Духовский придавал профессиональной подготовке офицеров: *«Из лиц, хотя и не осчастливленных боевым опытом, могут выдаваться и должны быть призываемы к высшим командованиям и те, кто своей подготовкой, исключительными способностями и службою мирного времени обратили на себя особенное внимание»*⁴⁹.

Письма Куропаткина и Духовского представляют собой взаимодополняющие программные документы. Если Куропаткин предлагал обновлять корпус старших офицеров за счёт установления предельных возрастов и исключения лиц, утративших физическую пригодность, то Духовский усиливал эту линию, подчёркивая необходимость выдвижения достойных командиров, демонстрировавших способности не только в боевой, но и мирной обстановке. В совокупности их предложения формировали единую концепцию кадровой реформы, включавшей отказ от механического чиновничества по старшинству, установление возрастных ограничений и внедрение системы отбора, основанной на профессиональной пригодности, личных качествах и результатах службы.

Эти инициативы были частично реализованы при подготовке временных правил о предельном возрастном цензе (1899)⁵⁰. По статистическим данным, в 1900 году в отставку ушли 341 генерал и более 400 полковников — при общем дефиците кадров, что указывает на прак-

ско-турецкой войны 1877–1878 гг. Погиб при отражении атак под Плевной (31.08.1877), отказавшись оставить позиции. Посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й ст.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 431. Л. 15об.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 577. Л. 1–2.

⁴⁸ Там же. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 2.

⁵⁰ Документы и основные материалы по введению в нашей армии Временных правил о предельном возрастном цензе. СПб.: Б.и., 1899.

тический эффект реформы⁵¹. Однако попытки Куропаткина кардинально обновить армию во многом упирались в сопротивление Главного штаба и силу привычных порядков, основанных на «дослуживании до чина». Инициативы Куропаткина сталкивались с существенными препятствиями, такими, как преклонный возраст многих заслуженных и влиятельных генералов, разросшаяся бюрократия, слабость процедур отбора и оценки командиров и зависимость военного ведомства от решений верховной власти. Сопротивление ряда представителей высшего военного состава и неполное понимание конечных целей реформы военного ведомства сдерживали прогресс. Большое значение имела социальная мотивация, так как многие офицеры оставались на службе до крайних лет из-за незначительного пенсионного обеспечения при выходе в отставку.

Значимым контекстом дискуссий среди высшего командного состава конца XIX века служат и другие проекты, появившиеся в то же время. В 1897 году Драгомиров поставил вопрос о введении предельного возраста: «Введение предельного возраста, при соответствующем обеспечении увольняемых, считаю мерою, необходимой для улучшения состава начальствующих лиц»⁵².

Куропаткин, в отличие от Драгомирова, подходил к вопросам реформирования армии с позиций администратора и практика. Его предложения были подкреплены конкретными примерами из служебной практики, свидетельствуя о стремлении Куропаткина продемонстрировать системный характер проблемы, опираясь на конкретные служебные биографии офицеров Закаспийской области. Куропаткин не только критиковал существующий порядок, но и выдвигал чёткие возрастные и административные предложения, ориентированные на повышение боеспособности армии.

Беседуя в декабре 1897 года с императором Николаем II по поводу своего назначения на пост военного министра, Куропаткин озвучил два вопроса — о недостаточной обеспеченности офицеров и о командном составе: «Я позволил себе также указать государю, что многие служат в рядах армии чрезмерно старыми, больными, негодные к службе. Их не выгоняют, чтобы не сделать нищими. Мы слишком сердобольны. Аттестуем легко. Попадают в начальники негодные к тому же люди. Замедляют ход способным»⁵³.

По назначении в 1898 году в чин военного министра, Куропаткин добился увеличения содержания для обер-офицеров от 22 до 61%, установления новых квартирных окладов, издания закона о предельном возрасте и новых правил производства обер- и штаб-офицеров. Однако некоторые из этих мер фактически почти не были реализованы. Сопротивление военной реформе исходило как от придворных кругов, опасавшихся утраты влияния, так и от генералитета, воспринимавшего введение возрастного ценза как покушение на сословные привилегии.

Николай II занял сдержанную позицию, ограничившись частичными увольнениями наиболее пожилых командиров. К началу русско-японской войны высший командный состав оставался по-прежнему престарелым. Это в большой степени зависело не от Куропаткина, а от Николая II, который на словах хотя и признавал необходимость омоложения генералитета, на деле же молчаливо противодействовал ему. Так, в своём дневнике 21 июля 1898 года Куропаткин записывает: «Докладывал государю о введении в нашей армии возрастного ценза. Государь горячо высказал мнение, что желает удержать за собою право делать отступления от ценза, дабы сохранить для службы полезных служаек»⁵⁴.

Русско-японская война 1904–1905 годов прервала намеченные Куропаткиным реформы. Назначение главнокомандующим вывело его из военного министерства, а неудачи армии заслонили частичные достижения его министерских инициатив. Объяснение поражений ис-

⁵¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 219.

⁵² РГВИА. Ф. Канцелярии Военного министерства. Оп. 2. Д. 510. Л. 4-5.

⁵³ РГВИА. Ф. Куропаткина. Д. 1871. Л. 8-9. Запись 24 декабря 1897 г.

⁵⁴ РГВИА. Ф. Куропаткина. Д. 1871. Л. 24. Запись 21 июля 1898 г.

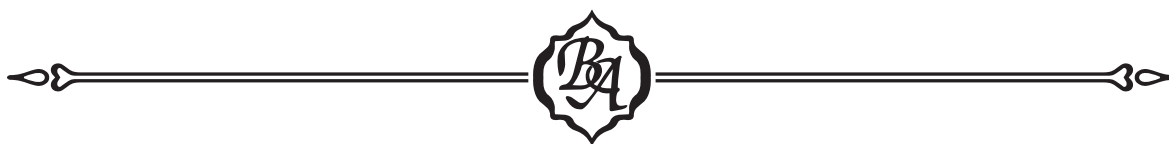
ключительно действиями Куропаткина, предпринятое рядом его современников⁵⁵, упрощает картину, поскольку глубокие причины кризиса крылись в состоянии военного ведомства и всей системы управления. Пяти лет его службы военным министром в условиях внешнеполитического давления и сопротивления внутри армии оказалось недостаточно для проведения серьёзных преобразований.

В рамках последующих военных реформ 1905–1912 годов, проведённых под руководством военного министра А.Ф. Редигера⁵⁶, была введена новая система аттестации, предусматривавшая коллегиальный отбор кандидатов на командные должности и установление возрастного ценза как критерия не только для пребывания на службе, но и для включения в кандидатские списки. Значительные изменения коснулись системы военного образования: кадетские училища были преобразованы в военные с единым учебным стандартом, программы академий и училищ обновлены и ориентированы на прикладную подготовку, ужесточён отбор преподавателей. Одновременно расширялись социальные гарантии для строевых офицеров, включая повышение окладов, надбавок и пенсий. Эти меры стали логическим развитием предложений Куропаткина, Духовского, Драгомирова и других военачальников, объединив идеи возрастного ценза, аттестации и выдвижения профессионально подготовленных офицеров, что положило начало переходу от механического старшинства к принципу компетентности в кадровой политике русской армии.

Письма Куропаткина и Духовского дают возможность проследить, как внутри военной среды зарождались представления о необходимости перемен. Куропаткин предстаёт как реформатор, действовавший в условиях ограниченных возможностей, но стремившийся сочетать административные задачи с заботой о социальной справедливости внутри армии. Его усилия, равно как и предложения Драгомирова и Духовского, можно рассматривать как основу той внутренней реформаторской линии, которая, хотя и частично, но определила вектор изменений в российской военной системе в начале XX века.

⁵⁵ Апушкин В.А. Куропаткин: Из воспоминаний о Русско-японской войне. СПб.: Рус. скоропеч., 1908.

⁵⁶ Редигер Александр Фёдорович (1853–1920) — российский военный деятель, генерал от инфантерии, военный министр Российской империи (1905–1909). Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На посту министра проводил реформы армии: ввёл возрастной ценз, усовершенствовал систему аттестаций, обновил военное образование и улучшил социальное обеспечение офицеров.

№ 1

Характеристики, составленные Куропаткиным А.Н. на лиц командного состава по Закаспийской области. 13 апреля 1897 года⁵⁷

Секретно.

Командующий войсками Закаспийской области.
13 апреля 1897 г., № 151. Гор. Ашхабад.
На № 109 от 20 января сего года.

Его Высокопревосходительству П.С. Ванновскому.

Милостивый государь Пётр Семёнович.

К числу известных мне лиц, подлежащих, по моему мнению, исключению из списка кандидатов на должности⁵⁸, отношу следующих:

Из кандидатов на отдельные батальоны:

Романо-Борисоглебский воинский начальник, подполковник Соловьёв, служивший ранее в 8-м Закаспийском стрелковом батальоне, по расстроенному здоровью более не способен к командованию строевой частью.

В командиры стрелковых полков:

Командир 7-го Закаспийского стрелкового батальона, полковник Дейбель. Был отличный штаб-офицер, но с лета прошлого года по несколько раз пил запоем.

Предупредил его, что при первом повторении приступов этой болезни вынужден буду представить его к отчислению от должности.

В командиры пехотных полков:

Командир 13 стрелкового полка, полковник Жолтановский.

Командуя 2-м железнодорожным батальоном, пользовался для личных целей казёнными материалами и рабочими.

В командиры Кавалерийской бригады:

Генерал-майор Шпицберг. Получил военное назначение начальствовать всей канцелярией в Туркестане. Ныне мало пригоден к этому командованию. Страдает болезнью сердца. Частые обмороки. Недавно видел его в Красноводске и удивился произошедшей в нём перемене. Хороший, но слабый человек и был отличный боевой офицер.

Знаю его с 1866 года.

В начальники Штабов Округов:

Генерал-майор Певцов:

Человек исключительно высоких нравственных качеств и отличный знаток Азии, но к административной и особенно строевой службе не пригоден.

Командир 2-й бригады 18-й пехотной дивизии генерал-майор Свечин.

Ослабел последнее время здоровьем, что отразилось и на состоянии умственных способностей.

Генерал-лейтенант Паренсов.

По неудовлетворительному состоянию здоровья. В кандидатском списке значится увечность, хотя и продолжает командовать кавалерийской дивизией. Генерал этот был отличных боевых качеств и отличный человек.

В начальники пехотных дивизий:

Начальник 4 стрелковой бригады генерал-майор Худяков. В прошлом году за время совместной (случайно) поездки в Москву он произвёл на меня впечатление человека, значительно расслабленного физически и умственно.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 431. Л. 10-16.

⁵⁸ Исправленного по 1 мая 1896 года.

Военный губернатор Самаркандской области генерал-лейтенант граф Ростовцев. По состоянию здоровья и возрасту уже мало пригоден для занятия строевой должности.

Признаю, что не столько возраст, сколько сохранённые силы, умственные и физические, должны служить мерилom способности к занятию той или другой должности. Поэтому при введении ожидаемого всей армией возрастного ценза для строевых должностей желательно предоставить старшим начальствующим лицам, начиная от корпусных командиров, право делать представления об изъятиях для тех или других лиц из установленных правил.

Вместе с сим представляется необходимым и в командирские списки не допускать лиц, кои, по получению тех или других строевых должностей, могут с первого же года оказаться непригодными исполнять возложенные на них обязанности с достаточной физической энергией и выносливостью.

С этой точки зрения, позволю себе высказать мнение, что при включении в кандидатские списки следовало бы тоже установить возрастной ценз первоначально в следующий постепенности:

Для кандидатов в начальники Кавалерийской дивизии предельный возраст определить 55 лет.

В командиры Кавалерийских бригад ... 55 лет.

В командиры Кавалерийских полков ... 50 лет.

В начальники пехотных дивизий ... 60 лет.

В начальники отдельных бригад ... 60 лет.

В командиры бригад ... 60 лет.

В командиры пехотных полков ... 55 лет.

В командиры отдельных батальонов ... 55 лет.

Принимая этот весьма льготный возрастной ценз к лицам, помещённым в список кандидатами на должности, исправленной по 1-е мая 1896 года, пришлось бы исключить из всего списка следующее число лиц:

Из кандидатов на должности:

В начальники Кавалерийских дивизий — 12 чел.

(в возрасте от 55 до 64 лет)

В начальники пехотных дивизий — 22 чел.

(в возрасте от 60 до 64 лет)

В командиры Кавалерийских бригад — 6 чел.

(в возрасте от 55 до 61 года)

В командиры пехотных бригад — 14 чел.

(в возрасте от 60 до 67 лет)

В командиры Кавалерийских полков — 22 чел.

(в возрасте от 50 до 60 лет)

В командиры пехотных полков — 32 чел.

(в возрасте от 55 до 64 лет)

В командиры резервных полков — 11 чел.

(в возрасте от 55 до 65 лет)

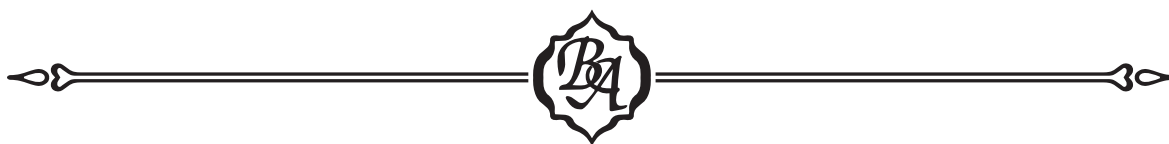
В командиры отдельных батальонов — 19 чел.

(в возрасте от 55 до 58 лет)

Всего будет подлежать исключению из списка кандидатов на должности — 149 человек.

Наши старшие начальствующие лица, несомненно, будут ходатайствовать об оставлении в списках значительного числа лиц, подлежащих исключению при введении проектируемого возрастного ценза для кандидатского списка.

Несомненно, однако же, и то, что значительное число этих ходатайств будет основано на человеческих вообще, а не на служебных соображениях. Мы, славяне, склонны к чувствительности, и даже суровых из нас можно разжалобить.

Представляем поэтому часто недостаточно основательно.

Был в этом грешен и я, представив генерала Свечина в кандидаты на должность начальника дивизии. Получил за дело справедливый и весьма полезный разнос от вас в прошлом году.

Допускаю, что с основания поступивших ходатайств 20% подлежащих исключению, как исчислено выше, будут оставлены в кандидатском списке, всё же придётся исключить из него сто двадцать человек.

Такое очищение кандидатского списка даёт ход многим достойным штаб-офицерам нашей армии, чрезмерно долго ожидающим самостоятельного командования.

Достаточно сказать, что некоторые из офицеров, командовавшие ротами 20 лет тому назад во время русско-турецкой войны, заслужившие Георгиевские кресты и имена коих стали известны всей армии, всё ещё, к 1 мая 1896 года, не вошли в очередь на получение отдельных частей.

Из числа таких лиц укажу на помещённых в списки кандидатов на отдельные батальоны:

- 1) 163 пехотного Ленкоранского полка подполковник Борзов⁵⁹. Командуя ротой, он в бою под Шейновым первым вошёл в турецкий редут.
- 2) 36-го пехотного Орловского полка полковник Домбровский 20 лет тому назад в том же полку на Шипке, командуя ротой, бросился впереди роты с оружием в руках на ворвавшиеся в наши передовые ложементы турок, выбил их и удерживал позицию. Аттестуется вне очереди.
- 3) Обоянский уездный воинский начальник, подполковник Охотин. 20 лет тому назад, командуя в чине капитана ротой Житомирского полка, при отражении атаки турок на Шипке на гору Св. Николая, примером отчаянной храбрости увлёк за собой роты Волинского, Подольского и Житомирского полков и во главе этих рот выбил турок из занятых ими наших ложементов.
- 4) Капитан 54 Минского полка Моторный. 20 лет тому назад, в чине поручика в том же Минском полку в бою при их переправе через Дунай у Систова, командуя ротой, атаковал и взял почти неприступные неприятельские позиции.
- 5) По армейской пехоте, подполковник Зыков. 20 лет тому назад, командуя ротой 158 Кутаисского полка, первый, при штурме Карса, бросился на батарею Хафис-паша-тоби, выбил турок из бастиона и овладел орудием⁶⁰.
- 6) 30-го Полтавского полка подполковник Подобедов. 20 лет тому назад, командуя ротой во время атаки деревни Манглышь (26 декабря 1877 года), первым ворвался в неприятельский редут.
- 7) 76-го Кубанского полка подполковник Макроплио. 20 лет тому назад, в чине штабс-капитана, командуя ротой при штурме Карса, первым ворвался в неприятельский редут. Ныне сему штаб-офицеру 55 лет.

Мне несколько вспоминается один из героев прошлой войны, майор Горталов. Он служил до войны 1877-78 годов более 25 лет в 61 Владимирском полку. Во время Севастопольской кампании Горталов участвовал в многочисленных вылазках, командуя охотниками, имел штыковые раны. В полку считался одним из отличных офицеров. Через 22 года после Севастопольской кампании Горталов делал компанию 1877 года, командуя только ротой. В день штурма Плевны, 30 августа, Горталов получил известие о производстве его в майоры, но через меня просил Скобелева оставить его в день штурма во главе роты, которой командовал 15 лет. После взятия турецкого редута (№ 1) Горталов был назначен Комендантом, дал слово не сдавать его туркам, отказался отступить и поднят турками на штыки.

Несомненно, что прошлая война наметила многих офицеров и кроме вышеперечисленных, которые способны к таким же подвигам, как и подвиг Горталова. Неужели мы их забудем,

⁵⁹ Аттестуется вне очереди. В конце прошлого года назначен командиром резервного батальона, ныне развёрнутого в полк.

⁶⁰ В кандидатском списке значится вне очереди.

неужели затеряем их в общей массе кандидатов? Неужели ни их особые боевые отличия, сделанные 20 лет тому назад, ни их Георгиевские кресты, не даже аттестации «вне очереди» не достаточны, чтобы пробить бронь из старших по службе многочисленных кандидатов?

Года идут. Уходят с ними надежды и энергия. Офицер, не имеющий отдельного командования в 48-50 лет, кроме исключительных случаев, уже не может рассчитывать сделать сколько-нибудь выдающуюся военную карьеру.

Заканчиваю настоящее письмо покорной просьбой простить мне смелость и откровенность, с каковыми я высказываюсь по настоящему вопросу. Вопрос этот имеет жгучий интерес для всей армии, и армия ждёт от Вашего Высокопревосходительства благожелательного почина и в этом трудном вопросе, как ждала и уже дожидалась справедливого и мудрого решения многих важных вопросов на укрепление и величие нашей славной армии.

Примите удовлетворение в глубоком и искреннем уважении и таковой же преданности от покорного ученика Вашего.

Подлинный подписал А. Куропаткин.

С подлинным верно.

Генерального штаба полковник (ропись)

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-52-63

С.Л. Кузьмин

ПАЛТА-ВАН И АЛТАЙСКИЙ ОКРУГ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: РОССИЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. ЧАСТЬ 2

Палта-ван и положение в Алтайском округе после его назначения правителем

Назначению князя Палта-вана правителем Алтайского округа Синьцзяна предшествовала нестабильность и быстрая смена власти там, вызванная Синьхайской революцией и провозглашением Китайской республики, предъявившей претензии на все территории бывшей империи Цин.

Основатель центра Алтайского округа – крепости Шара-сумэ кобдоский амбань (цинский резидент) Си Хэн умер в июле 1910 года во время служебной поездки. Его преемником был назначен заменявший его Чжун Жуй¹. Ходил слух, что Си Хэн умер от самоотравления из-за растраты казённых денег. По другим сведениям, смерть последовала от гнойного заражения язвы на ноге. Чжун Жуй, который долго находился в русско-китайской комиссии в г. Чугучак, был известен обходительностью и справедливостью².

Однако вскоре после провозглашения независимости Монголии (с центром в Халхе), узнав «от урянхайских амбаней и торгутского цзюнь-вана (Палты. – *Авт.*) о присоединении к Халхе... из страха перед нашествием монгол и возможного бунта испросил отпуск и спешно покидает Шара-сумэ, сдав дела маньчжуре Янь Няню, человеку слабовольному и недалёкому». Из-за дезертирства солдат гарнизон Шара-сумэ уменьшился с 800 до менее 300 человек. Янь Нянь был назначен в Шара-сумэ вместо Чжун Жуя в марте 1912 года³ – вскоре после Синьхайской революции.

Есть любопытный документ от 1 ноября 1910 года, согласно которому проживавший в Пекине Палта-ван по поручению дербетского князя Садыка-Джамцо просил у российских властей оружие для борьбы «против притязаний китайских властей» (см. приложение к ч. 1 данной статьи).

Нечто похожее повторилось примерно через год. Управляющий МИД России А.А. Нератов получил 24 ноября 1911 года телеграмму от российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского: «Посетивший меня сегодня известный министерству староторгутский князь Палта просил довести до сведения императорского правительства о своём желании использовать последние затруднения Китая, чтобы поднять восстание в своём хошуне, двинуться на Тарбагатай и заручиться содействием олозов. Конечной целью было бы движение на Илийский край и образование автономной области под покровительством России, доходящей на восток до Алтайского округа. Для осуществления этой задачи Палта просит выдать ему 1000 руб. с запасом патронов, а равно несколько пулеметов, при которых было бы соответствующее количество русских инструкторов. Ему необходимо было бы получить денежную субсидию, для начала около 100 000 руб. На это время Палта просил бы поместить свою семью под наше

¹ Архив внешней политики Российской Империи (далее АВПРИ). Ф. Китайский стол (далее КС). Оп. 491. Д. 617. Л. 76.

² АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 617. Л. 89-90.

³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 3083. Л. 75.

покровительство в Омске. <...> Я ограничился ответом, что передаю это предложение на усмотрение императорского правительства и о последствиях дам ему знать»⁴.

Очевидно, Палта говорил с Крупенским перед самым своим отъездом из Пекина. Он оттуда выехал экспрессом 18 ноября 1911 года – в Алтайский округ через Россию. В январе 1912 года Палта был назначен и.о. старшего кобдоского амбана с резиденцией в столице округа Шара-сумэ⁵. Затем он был назначен главным управителем Северо-Западного края и правителем Алтайского округа. Возможно, в связи с этим он получил повышение в титуле – от цзюнь-вана (князь 2-й степени) в цинь-вана (князь 1-й степени).

25 января 1912 года «князю Палта предоставлен вагон для бесплатного проезда его с семейством и чиновниками от Куанченцзы до Омска». По его словам, он планировал выехать из Пекина 10/23 апреля 1912 года в Мукден⁶. Однако выехал раньше.

Находясь проездом в Харбине, Палта-ван дал интервью газете «Новая жизнь». Он сказал, что поедет в Шара-сумэ не через Внешнюю Монголию, а через Сибирь, Семипалатинск и Зайсан. По его мнению, Халха не может существовать как самостоятельное государство, а среди её князей преобладают сторонники отказа от независимости. По его словам, в Шара-сумэ он пока не бывал, а теперь в его ведении будут 10 хошунов урянхов и ново-торгутов, и 12 хошунов казахов. В случае осложнений с провозгласившей независимость Монголией Палта собирался действовать миролюбиво, во всём действуя по распоряжениям правительства в Пекине⁷.

К тому времени Монголия провозгласила независимость. В 1912 году, после провозглашения Китайской республики, для удержания Монголии в Пекине был создан Китайско-Монгольский союз. В числе его «членов-соревнователей» был и «старо-торгутский князь 2-й степени Палта»⁸. Сообщалось, что он выехал на родину в Алтайский округ, чтобы «возвратить Монголию Китаю без посредничества России». Через своих монгольских агентов он вёл прокитайскую пропаганду⁹. В «Чжэн-фу гун-бао» от 14/27.02.1913 был опубликован список князей Алтайского и Кобдоского округов, проживающих в Пекине, которым было выдано жалованье по ходатайству Алтайского правителя Палты, в том числе – князьям Урянхайских Левого и Правого крыла¹⁰. Очевидно, это ходатайство в Пекин он послал уже из Шара-сумэ.

28 мая 1912 года Палта принял печать и дела от своего предшественника Янь Няня, назначенного хэбэй-амбаном в Кобдо. Палта отмечал недокомплект гарнизона Шара-сумэ и хотел довести его до нормального состава в 1500 человек путем набора китайских солдат в Синь-цзяне¹¹.

Палта-ван застал в Шара-сумэ не только недокомплект и дезертирство солдат. Там ещё в начале 1912 года наблюдались признаки возможных беспорядков, поскольку жалованье гарнизону не выплачивалось. Во всем Илийском крае царила анархия, многочисленная китайская армия была деморализована. Опасаясь наступления монголов из Кобдоского округа, Палта стал организовывать оборону, выставлять посты по границе. В 1913 году он вытребовал из Урумчи четыре горных орудия, из Чугучака несколько сот ружей, 500 солдат и учредил военные пикеты для быстрой связи Алтая с Кульджой и Чугучаком¹².

⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине (далее МП). Оп. 761. Д. 363. Л. 50а-50б.).

⁵ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 363. Л. 50; Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 72.

⁶ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 645. Л. 225; Оп. 761. Д. 363. Л. 56; Ф. МП. Оп. 761. Д. 363. Л. 65.

⁷ Новая жизнь (Харбин). 18.04.1912.

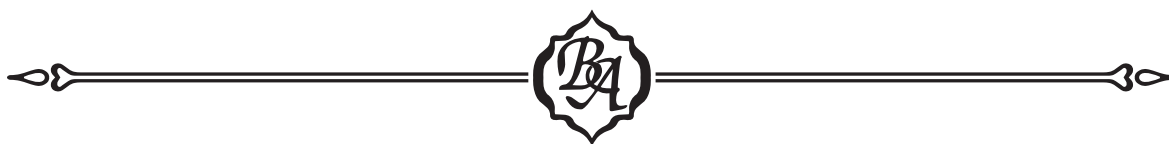
⁸ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 3083. Л. 52об.-53.

⁹ Забайкальская новь (Чита). 23.08.1912.

¹⁰ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 376. Л. 89-91.

¹¹ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 632. Л. 12-14.

¹² Новая жизнь (Харбин). 12.01.1912, 25.08.1913, 25.06.1913.

В июле 1912 года Палта получил частное известие, что в соглашение между илийским и урумчинским делегатами включена статья о необходимости изъятия из его компетенции заведования военными делами и сношениями с иностранцами и передачи такового урумчинскому губернатору. Палта ходатайствовал об оказании давления на китайское правительство для сохранения административной независимости Алтая. Судя по российским дипломатическим документам, Палта-ван выражал недовольство уменьшением своей власти над Алтайским округом в пользу синьцзянского генерал-губернатора, сообщал русским о перемещении китайских войск и в то же время вооружал казахов против монголов¹³.

Палта пытался использовать казахов для противодействия попыткам монголов воссоединить Алтайский округ с Кобдоским, включённым в независимую Монголию. Кроме того, в Алтайском крае был китайский отряд, посланный для захвата Кобдо. Он остановился в местности Цаган-Тункэ у юго-западной границы Кобдоского округа.

В ноябре 1912 года Палта просил передать Крупенскому, что китайское правительство велело Палте не допускать движение войск на Кобдо, и, если халхасцы не нападут на него, то и он не нападёт на них¹⁴.

Российский разведчик М.И. Хоранов отмечал разрыв между жителями Кобдо и Алтайского округа. Из последних многие – как он полагал, под влиянием Палты – стали переходить на сторону китайцев, что препятствовало присоединению Алтайского округа к Монголии¹⁵.

Более того. «Отчасти из-за инертности монгольского правительства, отчасти под влиянием китаефила Палта-вана многие кобдосцы начали проявлять некоторую неприязненность в отношении халхаского правительства и, уступая давлению со стороны пользующегося большим почётом на Западе князя Палта, стали переходить на сторону китайцев». Это создавало угрозу отпадения Кобдоского округа от Монголии¹⁶.

В конце декабря 1912 года Палта подтвердил, что не только не двинет войска к Цаган-Тункэ, но и сделает всё, чтобы число стоящих там не увеличилось за счёт новых пополнений из Синьцзянской провинции, но он не может отозвать войска из Цаган-Тункэ обратно. Они были более склонны подчиняться урумчинскому губернатору, а последний не считал их перешедшими в подчинение Палте¹⁷. Тем не менее, Палта вёл активную переписку с начальниками этих войск. По его словам, они подчиняются только его распоряжениям и не двинутся против монголов, если те не перейдут перевал Улан-дава на южную сторону Алтайского хребта и не нападут первыми.

Пекин продолжал рассчитывать на Палту. Он был награждён китайским орденом Тучного Колоса. От пекинских друзей он получил известие, что если Пекину удастся заключить тайное соглашение с Германией, то весной можно будет ожидать более энергичных действий Китая к Монголии, и в этом случае Палте будет предложено командовать западным и южным отрядами¹⁸.

В начале 1913 года, в связи с приготовлениями монголов к вступлению в Алтайский округ, по распоряжению урумчинского ду-ду стоявшие в Цаган-тункэ три ина войск были перемещены на р. Булган неподалёку, а на их место прибыли два новых ина из Урумчи. Оттуда ожидалось прибытие ещё четырёх инов в Цаган-Тункэ¹⁹. В связи с этим глава 4-го политического отдела МИД Г.А. Козаков телеграфировал управляющему консульством в Шара-сумэ А.И. Успенскому 20 февраля 1913 года, чтобы тот проинформировал Палту, что движение ки-

¹³ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 901. Л. 1; Ф. КС. Оп. 491. Д. 631.

¹⁴ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 630. Л. 25.

¹⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 630. Л. 77.

¹⁶ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 3-6.

¹⁷ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 15-18.

¹⁸ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 14-17об.

¹⁹ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 90.

тайских войск на р. Сансай вызовет ответные меры России вплоть до занятия Шара-сумэ и Алтайского округа²⁰.

Тем не менее, в марте движение китайских войск к Шара-сумэ продолжалось. У китайцев там истощился запас серебра. Они стали рассчитываться «бумажными и полотняными ассигнациями грубой работы, по курсу 10 коп. за рубль»²¹.

В апреле 1913 года Дамбиджанцан, возглавлявший один из монгольских отрядов в Кобдоском округе, послал Палте письмо с предложением объединить Алтайский и Кобдоский округа с некоторыми другими территориями монголов и создать независимое от Урги государство ойратов. Палта отказался²². Очевидно, он понимал бесперспективность этой затеи.

Весной 1913 года дунганские солдаты из лагеря в Булун-Тохое направились в Шара-сумэ. При этом были слухи и о движении монголов в Алтайский округ. В ночь на 8 мая в Шара-сумэ по приказу Палта-вана был казнён прибывший из Кобдоского округа турецкий подданный Абдуллах Ибрагимов с казахом Алдаяром по подозрению в шпионаже в пользу монголов²³. Российский консул в Шара-сумэ М.Н. Кузминский телеграфировал Крупенскому 17 мая 1913 года: «Ввиду слухов о передвижении монголов к границам округа более половины жителей покинуло Шара-сумэ. Киргизы бегут в горы. Среди солдат брожение и озлобленность против русских и дезертирство. Дунганский отряд будет возвращён в Или. Князь Палта, ссылаясь на ведущиеся в Пекине переговоры (России и Китая. — *Авт.*), усиленно настаивает на исполнении принятого нами будто бы обязательства остановить монголов от вторжения в Алтай, пытаюсь запугать угрозами, что в противном случае он принуждён принять меры к активной обороне и двинуть войска в Кобдоский округ, для каковой цели в пополнение к местным войсками из Синьцзяна выступило, по словам князя, 2000 чел.»²⁴.

Это был отряд дунган. Направляясь в Шара-сумэ, они имели и другие цели. Кузминский сообщал, что у китайцев были преувеличенные представления о запасах серебра, хранившихся в Шара-сумэ, чем отчасти объяснялась готовность дунган под командой генерала Ма Тэньюня на командирование в Алтай. Но средств на содержание округа и солдат не хватило, алтайское казначейство выпустило те самые ассигнации, истощив хранившийся в нём неприкосновенный фонд на постройку нового города. Пекин, отпустив 140 тыс. лан серебра, после его исчерпания больше не присылал. Кроме того, прекратился подвоз кирпичного чая. Выпущенные алтайским казначейством ассигнации более чем на 200 тыс. лан после полного истощения серебра упали по отношению к русской валюте почти в три раза. У русских торговцев на руках было таких ассигнаций примерно на 40 тыс. лан. Попытки Палты организовать приток медной и серебряной монеты были безуспешны²⁵.

К концу мая 1913 года отряд Ма Тэньюня пополнялся и сосредоточивался в Шара-сумэ. По словам казахов, 4 000 монголов собирались в конце мая перейти хребет Урмогайту и в начале июня осадить Шара-сумэ. Дунгане были крайне враждебно настроены не только к русским, но и к Палта-вану. Наблюдения российского консульства в Шара-сумэ показали, что дунгане составили заговор против русских как тайных союзников монголов²⁶.

К концу мая власть над Алтайским округом фактически перешла от Палта-вана к Ма Тэньюню. Из китайских источников поступали сведения о том, что дунганский отряд в три

²⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4260. Л. 62.

²¹ Вестник (Верхнеудинск). 31.03.1913.

²² Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 1. С. 99.

²³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 191.

²⁴ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 194.

²⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 210-215.

²⁶ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 631. Л. 207.

ина кавалерии, один ин пехоты и один ин артиллерии выступил из Булун-Тохоя к Шара-сумэ к переправе через Чёрный Иртыш. Появились сведения, что, по сосредоточении всего отряда в Шара-сумэ, дунгане намерены вырезать китайцев во главе с Палтой и русских во главе с консулом²⁷.

В конце июня солдаты Ма Тэньюня заняли переправу через Чёрный Иртыш близ устья Бурчума. Они вымогали у всех проезжающих русских взятки за разрешение пропуска через Иртыш, забирали насильно у них товары, расплачиваясь потерявшими ценностью и не принимаемыми в Шара-сумэ к обмену на серебро бумажными банкнотами Алтайского казначейства. На Бурчуме задерживались все, кто не имел пропуска от Ма. Задержана была даже жена Палты. Дунгане «не без оснований подозревали», что она тайно увозит из Шара-сумэ все деньги и серебро, печати и секретные дела правителя. От обыска и насильственных действий в отношении княгини дунган остановило лишь присутствие секретаря российского консульства в Шара-сумэ Мецлера и казаков. Задержание княгини остановило начавшийся выезд из Шара-сумэ других чиновников²⁸.

К концу июня Палта потерял контроль над обстановкой в Шара-сумэ и не показывался. Всё было в руках Ма. Жителей в городе почти не осталось²⁹. В районе Шара-сумэ дунгане были фактическими хозяевами положения. Они считали Палту изменником. Переправу на Бурчуме охраняли 70 дунган. Главы казахских родов просили Мецлера принять их в подданство России, жаловались на притеснения со стороны китайских начальников и войск, отбравших у них всё. Бесчинства дунган прекратились с приходом на Бурчум российской полусотни и занятием ею переправы³⁰.

В соседнем Кобдоском округе происходили вооружённые конфликты между казахами и монголами. Тысячи казахов откочевали из Алтайского и Кобдоского округов в Россию³¹. Летом 1913 года около 100 семейств, живших на восточном склоне Алтая (обращённом к Кобдо), пожаловались Палте, что подверглись погрому со стороны монгольских солдат. Палта ходатайствовал перед президентом Юань Шикаем об оказании им материальной помощи и получил для них 20 тыс. лан серебра³².

В июне Кузминский заявил Палте, что Россия введёт в Шара-сумэ отряд в 500 чел. Слухи о движении этого отряда сразу прекратили враждебные выходы солдат и мусульманского населения против русских³³. По-видимому, это способствовало и восстановлению власти Палты, но не встретило поддержки Пекина. Крупенский телеграфировал 4/17 июня 1913 года, что получил записку от Вайцзябу (МИД), где со ссылкой на заявление Кузминского Палте о посылке российского отряда в 500 чел. в Алтайский округ сказано, что «Алтайский правитель при движении ургинских мятежников на запад примет все необходимые для охраны меры. <...> Охрана русских в Алтайском округе возложена, согласно договорам, на китайские власти, и Россия не имеет никаких оснований посылать самостоятельно какие-либо воинские силы для защиты своих интересов»³⁴.

²⁷ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 654. Л. 11.

²⁸ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 99-100.

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4260. Л. 114-115.

³⁰ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 101-104; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4260. Л. 114-115.

³¹ Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия. С. 101. Белов Е.А. Поддержка Россией алтайских и кобдоских казахов в 1913 г. (по неопубликованным русским архивным документам) // Общество и государство в Китае. М., 1995. С. 85-89.

³² Дальний Восток. Сведения из периодической печати. Издание Штаба Иркутского военного округа. 1913. № 27.

³³ Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия. С. 101-102; АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 141-143.

³⁴ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 654. Л. 22.

В начале июля Палта вновь заверил в своих симпатиях к России и заявил, что постарается принять меры к удалению из округа дунган, являющихся главными виновниками беспорядков. Если они не подчинятся приказу президента – он имеет полномочия прибегнуть к вооружённой силе для изгнания их при содействии синьцзянских и тарбагатайских войск³⁵.

10 июля дунганский солдат напал на Кузминского, прогуливавшегося по главной улице Шара-сумэ с двумя охранниками. Он хотел заколоть Кузминского штыком, но один из охранников успел оттолкнуть его, консул был ранен в голову. Палта посетил его, принес извинения, арестовал и обещал казнить нападавшего³⁶.

Однако политика Палты в отношении присоединившегося к Монголии Кобдоского края оставалась враждебной. В августе 1913 года российские дипломаты в Монголии сообщали, что Палта организовал разбойничьи шайки казахов («алтайских киргизов») для набегов на Кобдоский край, где они занимались массовым угоном скота, убивали монголов. Так, 3 августа 1913 года Кузминский телеграфировал Козакову, что, несмотря на заявления о готовности вступить с монголами в переговоры относительно перемирия, Палта не прекращал неприязненную политику к ним, открыто способствовал образованию из «киргизов» Алтайского округа разбойничьих шаек под видом вооружённой милиции для набегов на пограничные хошуны Кобдоского округа. По словам Кузминского, разжигая жадность «киргизов» в отношении скота монголов, поддерживая их оружием и командированием дунган, Палта создал из них грозную силу против пограничных урянхов. Организатором набегов был угурда (помощник губернатора) Мамий, собравший более 3 000 казахов, часть которых к тому времени уже перешла Алтай. Проводником у них был угурда Сугурбай, за год до этого покинувший свои кочевья в Кобдоском округе. Пути проникновения в округ для сосредоточения на р. Саксай проходили главным образом через перевал Сундайрык, верховья Бурчума, перевалы Урмогайту, Кийтын-Арчи, Джангыз-Агач. Ходили слухи, что повсюду по границе алтайские казахи формировали отряды, которые Палта снабжал оружием; он раздал более 500 винтовок (не считая имевшихся у казахов русских бердан, ранее скупленных у границы); однако патронов не хватало.

Набеги были удачны для казахов: в монгольских хошунах в то время оставались старики и женщины, а все мужчины ушли в войска; на перевалах не было постоянного охранения. В набеге на урянхайские кочевья в истоках Кабы в урочище Эмэгэйтү казахи разгромили до 40 юрт, убили и ранили около 200 чел., угнали около 1 500 овец, более 100 голов крупного рогатого скота. При наличии монгольских пикетов набеги были не столь удачны. Например, когда к перевалу Урмогайту направились около 50 казахов для угона лошадей, в живых осталось только восемь из них, остальные были перебиты.

В Шара-сумэ состоялся съезд угурд алтайских казахов – сторонников Палты: Мамий, Джакуб, Сугурбай. Было решено образовать казахский отряд в 3 000 чел., который должен был под водительством Мамия отправиться на монголов до закрытия перевалов. В заключение Кузминский указывал, что необходимые ружья и патроны Палта обещал выдать из своих запасов³⁷.

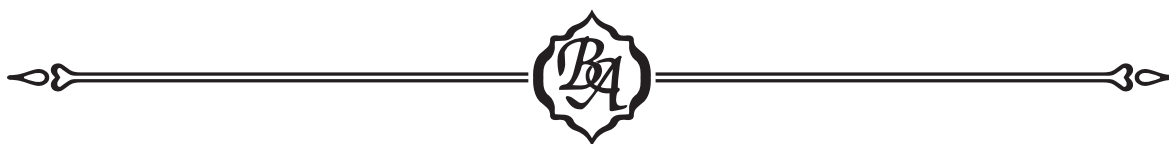
Незадолго до 20 августа 1912 года Палта через торговца П.А. Сечжилова закупил в г. Зайсан чёрное сукно для брюк, мундиров и фуражек, готовую обувь и прочее для солдат своего гарнизона. Всё это было отправлено из Зайсана на 20 подводах. Кроме того, он заказал 400 сёдел образца российской кавалерии и шесть керосиново-калильных фонарей для Шара-сумэ, где, кроме того, собирался установить электростанцию³⁸.

³⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 107.

³⁶ Восток (Харбин). 01.08.1913; Новая жизнь (Харбин). 01.08.1913.

³⁷ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 635. Л. 32-33об.

³⁸ Сибирская жизнь (Томск). 30.06.1912.

16 августа Кузминский телеграфировал Козакову, что Ма Тэнъюнь 14 августа покинул Шара-сумэ, выехал в лагерь на Кемерчике, сформировал обоз; дунганский отряд намеревается двинуться на Кульджу через Сархулусунскую переправу на Чёрном Иртыше близ устья р. Кран. По словам Кузминского, в результате того, что двойственная политика Палты потерпела крушение, он ходатайствовал перед Пекином о шестимесячном отпуске, мотивируемом болезнью.

Одной из причин набегов киргизов на Кобдоский округ были слухи о предстоящем усилении мусульманского элемента там. По словам Палты, враждебные чувства к монголам питали в основном казахи угурдаев Бакрая, Чжувангана и Абдурахмана в долинах Чингиля и Булугуна, откуда монголы весной угнали у казахов много скота, разграбили имущество и перебили население нескольких аулов. Другая причина набегов – желание освободить население казахских волостей «в монгольском плену» за Улангомом³⁹.

Дунганские солдаты были уволены из гарнизона Шара-сумэ и покинули город. Их отъезд ознаменовался рядом убийств и грабежей, грозил опасностью для Палты. Более 300 дунган рассеялись мелкими партиями на главных дорогах между Алтайским округом и остальным Синьцзяном. Они превратились в разбойников, стали грабить и убивать кочевников и китайцев. На Сархуксунской переправе через Чёрный Иртыш в 60 верстах от Шара-сумэ было убито 14 китайцев, затем в 30 верстах избиты и ограблены два урянха. В 15 верстах от Шара-сумэ в урочище Тулта был убит и ограблен китайский торговец. Говорили, что были убиты 25 китайских чиновников и офицеров на путях дунган из Шара-сумэ в Манас и Гучен. Отъезд дунган из Шара-сумэ был связан с расформированием дунганских вспомогательных войск по всему Синьцзяну⁴⁰.

Россия ввела в Алтайский округ, главным образом в Шара-сумэ, усиленный консульский конвой в 4 роты пехоты, 3,5 сотни казаков с 2 пулемётами и 2 орудиями в сентябре 1913 года⁴¹. Прибывших встретили Палта-ван, Кузминский и почётный караул. Русские купцы поднесли хлеб-соль, китайцы благодарили за водворение порядка. «Состоялся парад с провозглашением здравницы за Государя и обе нации»⁴².

Для защиты от казахских шаек и китайских войск в Кобдоский округ прибыли российские войска. Вместе с монголами они участвовали в борьбе с этими шайками и возвращении скота. Казахи стали уходить обратно в Алтайский округ⁴³.

Организатор одной из шаек, аульный старшина, через несколько дней после прибытия российского отряда был арестован Палтой, когда управляющий российским консульством в Шара-сумэ объяснил ему, что одна из главных задач российского отряда – уничтожение этих шаек. Грабители, боясь, что монголы рано или поздно отобьют свой скот, бросили свои кочевья по рекам Чингиль и Булугун и спустились к Булун-Тохю, собираясь двинуться на юг в Синьцзян, в Богдо-Шань между Гученом и Урумчи. Для приостановки этого Палта выслал кавалерийский отряд в 200 чел. Эти «киргизы» составили главный контингент шайки, имевшей столкновение с казачьей сотней в Кобдоском округе, причём в шайке действовали также дунганские солдаты в качестве инструкторов. Имела место и вражда среди «киргизов». Палта вызвал в Шара-сумэ всех угурд на совещание для устранения взаимных недоразумений и принятия мер против краж и грабежей, «явившихся, собственно, результатом политики самого князя»⁴⁴.

³⁹ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 141-143.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 640. Л. 61-64.

⁴¹ Белов. Царская Россия и Западная Монголия. С. 102; Белов Е. О вводе русских военных отрядов в Китай в 1911-1913 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 1. С. 120, 122.

⁴² Дальний Восток. 1913, № 37.

⁴³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 635. Л. 32-33об.; Д. 655. Л. 108-109об.; Л. 171-174об.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 1006. Л. 44-45.

В районе Цаган-Тункэ стояли китайские войска, присланные для захвата Кобдо у монголов. Еще 9 марта 1913 года Успенский сообщал, что Палта согласен содействовать установлению границы между Монголией и Алтаем и вообще служить России, но при условии денежного вознаграждения⁴⁵. Палта предложил заключить перемирие между китайскими войсками в Цаган-Тункэ и монголами, но к 26 июля 1913 года не получил полномочий из Пекина на это⁴⁶. Полномочия на переговоры о перемирии с монголами и разграничение Кобдоского и Алтайского округов он получил 30 августа⁴⁷.

8/21 декабря 1913 года Кузминский и Палта, наконец, подписали договор (соглашение) о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов⁴⁸. 3 января 1914 года Кузминский телеграфировал из Шара-сумэ, что Палта официально уведомил его о том, что прелиминарный договор о демаркационной линии Пекином утверждён, и просил известить об этом монгольские власти⁴⁹. Хотя этот договор был подписан правителем Алтайского округа не с монголами, а с российским консулом, монголы его поддержали.

В ноябре 1913 года Палта попросил отозвать российский отряд, вошедший в Шара-сумэ, «вследствие затруднений для местных жителей», хотя порядок и спокойствие в округе установились лишь благодаря присутствию российских войск⁵⁰. По-видимому, он считал, что отряд больше не нужен, так как дунгане Ма Тэньюня оттуда ушли.

По донесению Кузминского от 18 декабря 1913 года, Палта чувствовал охлаждение отношения к нему центрального правительства во главе с президентом Китая, их надежд он не оправдал. Поэтому Палта стал искать поддержки России. По приезде в Пекин он собирался обратиться в российскую миссию с просьбой поддержать его кандидатуру на пост синьцзянского ду-ду или правителя Илийского края. В связи с этим, он высказал готовность «стать во главе монгольского движения в Застенном Китае и образовать автономное царство из торгоутских, калмыцких, чороских, олетских и других народов, составлявших некогда Джунгарское царство и ныне разбросанных в Застенном Китае от Кульджи до Алтая. По расчётам князя, он может по прибытии в Урумчи в самом непродолжительном времени собрать вокруг себя под джунгарскими знаменами до 5 000 монгольских солдат, если Россия окажет ему помощь оружием и деньгами. Необходимость вооружения Джунгарии князь Палта усматривает из опасности, грозящей монгольскому населению Застенного Китая в случае взрыва мусульманского восстания среди дунган, сартов и киргизов, неизбежного, по мнению князя, в самом ближайшем будущем. Ожидая, что диктатура нынешнего президента Китайской республики Юань Шикая завершится новым государственным переворотом и обращением Китая в империю, князь Палта опасается больших бедствий для джунгарского народа, связанных с означенным переворотом. <...> В случае неполучения или задержек в получении содержания дунгане, составляющие главный контингент китайских войск в землях Новой Линии (Синьцзяна. – *Авт.*), произведут беспорядки, отложатся от Китая, причем всё немусульманское население будет поголовно вырезано». Беспорядки могут возникнуть и при замене дунганских офицеров китайскими в дунганских войсках. «Палта откровенно сознаётся, что он останется верен республиканскому правительству до тех пор, пока его дела будут идти хорошо и пока он из преданности Республике может извлекать для себя какие-либо выгоды. Что же касается отношения его к независимой Халхе, то ввиду исторической вражды джунгаров и халхасцев, осложнённой у князя его личными неприязненными отношениями к ургинскому правитель-

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4260. Л. 52.

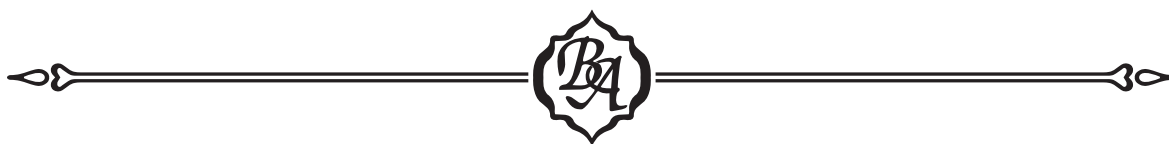
⁴⁶ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 635. Л. 30-30об.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 635. Л. 39-39об.

⁴⁸ Текст: АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 635. Л. 80-81; д. 3083. Л. 136-136об.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. МК. Оп. 470. Д. 35. Л. 1.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 203-203об.

ству, то князь, по-видимому, не склонен к каким-либо шагам для сближения и примирения с Ургой»⁵¹.

В декабре 1913 года в Шара-сумэ прибыл ставленник синьцзянского ду-ду Ян Цзэнсиня – Лю Чанбин, получивший предписание президента принять управление округом. Он принудил Палту спешно ликвидировать дела и 8/21 января 1914 года покинуть Шара-сумэ со своими сторонниками. Вместе с Лю прибыл отряд в 30 дунган как его конвой. Палта говорил Кузминскому, что он перехватил телеграмму из Пекина Лю Чанбину, чтобы тот задержал его и его главного помощника Ван Сянхуана впредь до полной сдачи наличных и отчётности. По словам Кузминского, Палта приобрёл в Шара-сумэ «не совсем честными, но обычными в китайской практике» путями 150 тыс. руб. Он опасался ревизии и не только скрыл телеграмму, но и испортил телеграфную линию, чтобы беспрепятственно покинуть Шара-сумэ. Суть обвинений синьцзянского ду-ду в его адрес – русофильская политика, измена делу Китайской республики, присвоение казённых сумм.

Боясь дунган, Палта просил у Кузминского конвой в 100 казаков. Тот дал для сопровождения взвод казаков при офицере. Лишь поспешный отъезд Палты при содействии российского консульства предотвратил готовившуюся резню в Шара-сумэ. «Уезжая из Шара-сумэ, князь Палта несколько раз повторил, что своей жизнью и спасением своей семьи обязан русским и что этого никогда не забудет». Лю выехал на его торжественные проводы со всеми войсками и чиновниками. С Палтой уехало около 30 китайских чиновников и офицеров, то есть более половины местной администрации. Ожидалось прибытие других из Урумчи⁵².

Алтайский округ после прекращения полномочий Палта-вана как его правителя

Одним из важных для округа вопросов был финансовый. Прибывшему в Шара-сумэ Лю Чанбину не хватало денег на обеспечение выпущенных ассигнаций⁵³. По словам Палты по прибытии в Пекин, из-за недофинансирования центральным правительством пришлось выпустить финансовые обязательства на 500 тыс. мекс. долл. (те самые ассигнации – см. выше). В результате возросли цены, а выпущенные ассигнации подешевели. По его словам, ещё до его отъезда часть их была изъята и заменена кредитными билетами министерства финансов. Тех ассигнаций в руки российских купцов попало на 200 тыс. руб., из которых 100 тыс. должны быть погашены к 15 марта, а остальные к 15 апреля.

Однако по прибытии Палты в Пекин российский банк потребовал ускорить выкуп. В марте 1914 года Палта обратился в Русско-Азиатский банк для заключения займа на погашение тех самых обязательств, под которые алтайское казначейство выпустило ассигнации. Правительство Китая дало согласие на этот заём, поскольку сочло эти финансовые операции необходимыми в стремлении удержать Алтайский округ⁵⁴.

Лю Чанбин, до того заведовавший судебным отделом Синьцзянской провинции, приехал в Алтайский округ как ревизор. Русские и местные монголы не пользовались его симпатиями и доверием. Он распустил по домам почти всех монгольских солдат Алтайского полка, до того времени пополнявшегося в основном урянхами, олётами и торгутами. Судя по его беседам с угурдами казахов, он хотел положить конец какой-либо их независимости, но обещал не брать с них даров. Местный гарнизон усиленно обучался⁵⁵.

Командующим алтайскими войсками был Ян Сюнь, верный Лю Чанбину. Оба они подчинялись непосредственно Ян Цзэнсиню⁵⁶. По данным на 30 декабря 1914 года, все князья и

⁵¹ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 639. Л. 222-224.

⁵² АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 1996. Л. 56-56об., 62-62об.; Д. 363. Л. 82-83об.

⁵³ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 640. Л. 6-8.

⁵⁴ Китай и Япония. 1914. № 184; Дальний Восток. 1914. № 13.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 640. Л. 13-15, 72-78.

⁵⁶ Белов Е. Царская Россия и Западная Монголия. С. 102.

старшины урянхов, торгутов и казахов под разными предлогами избегали приезжать в Шара-сумэ, будучи напуганы сведениями о предстоящем наборе солдат из местных кочевников и обложении населения повинностями. Это распоряжение о пополнении гарнизона Шара-сумэ исходило от урумчийского ду-ду и истолковывалось как препятствие для китайцев прислать новые войска из Синьцзяна. Двигавшийся на Шара-сумэ отряд в 500 чел. из Манаса был задержан на полдороге в местности Урхо.

Хотя в Шара-сумэ продолжался роспуск дунган из состава гарнизона, власти не могли во дворить в гарнизоне должную дисциплину и порядок. Беспорядки там приводили к кровавым столкновениям. Например, в одной драке было убито два китайских солдата, в другой – два дунганских⁵⁷.

Лю Чанбин правил недолго. 5 октября 1915 года в Шара-сумэ прибыл даоинь провинции Шаньси – Чэн Кэ. 1 декабря 1915 года печать правителя Алтайского округа от Лю Чанбина была передана Чэн Кэ⁵⁸. Этот правитель не трогал русское население, но активно занимался китайской колонизацией округа⁵⁹.

25 августа 1915 года Кузминский прислал в 4-й политический отдел МИД «Краткий обзор экономического состояния Алтайского округа за 1914 г.» – то есть по состоянию после отъезда Палты. Население там составляли «абак-керей-киргизы, найман-киргизы, алтайские урянхи, новоторгоуты, хошуты, сарты, дунгане, китайцы и русские». Казахи («киргизы») входили в 13 угурдаиств. Урянхов было семь хошунов, они постоянно кочевали в Алтайском и Кобдоском округах, всего примерно 600 юрт, жили бедно. Новоторгоутов было 500 юрт, кочевали по «средней Урульге, Ку-Ирцису, Чингилю, Булугуну». Их три хошуна, подведомственных чин-вану Мишигдонрову. Хошутов было примерно 150 юрт, подведомственных гуну Дамдинцэдэну, располагались они между верхними течениями рек Чингиль и Булугун. На юго-восточной границе Кобдоского округа было два хошуна дзахчинов, часть их – 100 юрт – кочевали в пределах Алтайского округа.

Немногочисленное оседлое население составляли китайцы, дунгане, сарты, русские. Китайцы в основном жили в Шара-сумэ, вместе с войсками и чиновниками – не больше 1 000 чел. Колонии китайских земледельцев были на Кабе, Тулте, Болбагае, Булун-Тохое. Сарты были второй по численности после китайцев группой – около 2000 чел. Русских было 861 чел. Всё население Шара-сумэ составляло не более 5000 чел.⁶⁰

Далее китайская колонизация нарастала. Кузминский сообщал 5 февраля 1920 года, что в Алтайском округе, особенно в Булун-Тохое и Дала-Кабе, где издавна есть китайские колонии, увеличивается число земледельческих семейств. В Дала-Кабе в 1919 году колония увеличилась с 20 китайских дворов до 70, главный контингент составляли дунгане. Булун-Тохой заселялся в основном сартами и китайцами. Правитель округа собирался расширить земледельческую колонию в окрестностях Шара-сумэ, предполагая на первых порах поселить 120 семей. Но большее значение имело другое явление: каждую весну в округ устремлялось несколько тысяч голодных китайцев-безработных добывать золото. Большинство разорялось и возвращалось в Синьцзян, но часть оседала в Алтайском округе. Постоянно возрастало также сеяние мака⁶¹.

В Алтайский округ прибывало много казахских беженцев. После 1916 года их численность достигла около 100 000. В округе было заметным и российское влияние. К 1916 году вблизи российско-китайской границы в округе было девять русских посёлков с населени-

⁵⁷ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 950. Л. 13-15об.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 643. Л. 20, 22; д. 640. Л. 216.

⁵⁹ Аблажей Н.Н., Наземцева Е.Н. Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 70.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 640. Л. 148-183.

⁶¹ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 886. Л. 101-103об.

ем 861 чел. Эти посёлки играли важную роль в торговле России с Синьцзяном. Китайская сторона расценивала откочёвки казахов и переселение русских в Синьцзян как усиление там русского влияния. Российский анклав в Алтайском округе просуществовал до середины 1960-х годов⁶².

В 1921 году в Алтайский округ вторглись войска белогвардейского генерала А.С. Бакича и заняли Шара-сумэ. Бакич хотел включить Алтайский округ в состав Богдо-ханской Монголии, но там в это время происходила революция, и к власти приходила поддерживаемая большевиками Монгольская народная партия. Затем Бакич вошёл в Кобдоский округ, но был разбит, попал в плен и расстрелян. Так окончилась последняя попытка реинтеграции Алтайского округа в государство Монголия.

В 1954 году был создан Алтайский специальный район, а в 1979 году он был преобразован в Алтайский округ. В настоящее время в него входят шесть уездов и один город уездного уровня (г. Алтай – на месте Шара-сумэ). По данным Статистического бюро Синьцзян-Уйгурского автономного района на 2018 год, в Алтайском округе преобладают казахи – 52,8%, на втором месте ханьцы – 39,9%; численность монголов составляет лишь 0,99% населения⁶³.

Заключение

Успенский в своём донесении характеризовал Палта-вана так: «Не польза государства, на службе которого он находится, не симпатии к России или преданность республике, не благодарность к Юань Шикаю... и даже не честолюбие в широком смысле этого слова, а личная материальная выгода является основой деятельности князя Палта»⁶⁴. Консул в Урумчи А.А. Дьяков сообщал в российскую миссию в Пекине 8 марта 1913 года, что князь Палта «среди здешних монгольских народностей большим авторитетом не пользуется, равным образом и сами китайцы большого доверия к нему не питают», считая его за человека, который не задумается в трудную для него минуту сделать выбор, наиболее отвечающий его личным интересам⁶⁵.

Исследованные материалы (см. выше, а также часть 1 данной статьи) говорят о том, что, хотя личная выгода играла важную роль в деятельности Палта-вана, существенными были также этнический и политический факторы, и среди западных монголов авторитетом он пользовался. Палта не стал примыкать к независимой Монголии под управлением Богдо-хана Джебцзундамба-хутухты, но временами допускал возможность создания самостоятельной государственности в джунгарской части Синьцзяна. По-видимому, это были исторические реминисценции относительно независимого Джунгарского ханства, которое перед своим падением вело войну с Халха-Монголией. На это наложилась личная неприязнь Палта-вана к ургинскому правительству. С другой стороны, Палта-ван действовал в интересах Китайской республики, в том числе в том, что касалось включения в неё монголов. Для этого он использовал вражду между казахами и монголами на Алтае. В одном интервью он говорил о том, что, даже провозгласив независимость, монголы рано или поздно будут включены в Китай или Россию. В конце жизни ему импонировала идея создания объединённого монгольского государства панмонголистами, но он предпочитал подождать решения Парижской мирной конференции на эту тему.

Что касается отношения Палты с Россией, то его довольно точно характеризует телеграмма из российского консульства в Шара-сумэ первому секретарю российской миссии в Пекине

⁶² Аблажей, Наземцева. Русский анклав в Китайском Алтае. С. 67-68.

⁶³ <http://tjj.xinjiang.gov.cn/tjj/rkjyu/202006/3b1eef1049114b0c9cf9e81bf18433ef.shtml>. Дата обращения 28.12.2025.

⁶⁴ Борманджинов А. Принц Палта // Алексеева П.Э. Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая. Элиста. 2009. С. 57.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. КС. Оп. 491. Д. 428. Л. 113об.

В.В. Граве от 1 августа 1914 года: политические симпатии Палты «к русским менялись соответственно обстановке», но были положительные результаты в смысле упрочения российского влияния в Алтайском округе за время его правления. Русофильские симпатии Палты были одним из пунктов обвинения, предъявленного ему китайским правительством⁶⁶.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 363. Л. 93-93об.

МИГРАЦИЯ БУРОВ В ГЕРМАНСКУЮ ЮГО-ЗАПАДНУЮ АФРИКУ

В статье рассмотрены некоторые аспекты миграции буров на территорию Германской Юго-Западной Африки, вызванной поражением бурских республик в результате англо-бурской войны. Интерес к этой исторической теме из прошлого буров определялся тем, что вопросы миграции этого народа на территорию Германской Юго-Западной Африки практически не освещены в исторических исследованиях, посвящённых прошлому этой африканской колонии кайзеровской Германии.

В статье также затронуты вопросы, предшествующие развитию миграционного движения буров, во многом влиявшего на развитие англо-германских отношений. Причём этот процесс использовался колониальными кругами кайзеровской Германии как определённое условие для заселения новых колониальных владений в Африке. Автор на основе архивных документов попытался рассмотреть основные этапы миграции буров, роль и мероприятия колониальных органов Германской Юго-Западной Африки этого периода, их отношение к этому процессу, а также мнение различных общественных кругов Германской империи по данной проблеме.

В первой половине XIX века в большей части Капской колонии, южного Трансвааля, в результате успешной организации сельского хозяйства наблюдался его бурный рост. И в соседней Юго-Западной Африке при её близких природных условиях возникли предпосылки для развития сельскохозяйственного предпринимательства и для экономического процветания европейских переселенцев.

В связи с этим в 1874 году на территорию Юго-Западной Африки обратили внимание буры Трансвааля, которые предприняли переселение через безводную пустыню Калахари на территорию западного побережья Африки, где намеревались создать новые поселения. Из 600 человек половина погибла в пустыне Калахари, и только небольшая часть буров, оставшихся в живых, осела в районе южного Отаванго. В марте 1880 года, получив разрешение от вождей племён гереро, они продолжили своё переселение.

Движение буров на территорию Юго-Западной Африки с целью организации новой бурской республики на западном побережье Африки вызвало мероприятия по противодействию этому процессу со стороны английских колониальных политиков в Капской колонии, стремящихся помешать дальнейшему продвижению буров к западному побережью.

С этой целью в 1876 году в район Дамара был послан английский эмиссар Полгрейв, имевший полномочия специального комиссара, в задачи которого входила подготовка условий для аннексии этих территорий. В 1877 году при содействии английского агента Льюиса он получил петицию от вождя Мохереро, в которой последний выступал против отделения округа Отаро, то есть против протектората Англии над этой территорией.

Однако англичане, не разясняя целей защиты этих территорий, 20 марта 1878 года повесили английский флаг в Уолфиш-бей и организовали правительство в Дамаре. В связи с этим создание юго-западной бурской республики стало невозможным. В результате деятельности английской колониальной администрации переселение буров было сорвано.

В августе 1880 года новая война между гереро и готтентотами положила конец господству англичан, в связи с чем английское правительство приняло решение прекратить аннексию юго-западных территорий Африки и передало Уолфиш-бей под управление правительства Капской колонии. Однако буры, потерявшие в результате войны возможность продвинуться в Уолфиш-бей, в последние месяцы 1880 года переселились в Анголу в количестве 55 семей (265 человек), где расселились на хороших землях в Гумпата, в районе порта Моссамде, и организовали колонию под португальским протекторатом.

Надо отметить, что политическая ситуация в Южной Африке к 1884 году резко изменилась. Трансвааль получил независимость, Юго-Западная Африка стала германской колонией. В связи с этим в британской Капской колонии накапливалось раздражение из-за появления новой колониальной державы, что нарушало планы Англии включить Юго-Западную Африку в состав своих колониальных владений.

В 1883 году Франц Адольф Людериц, торговец табаком из Бремена, купил обширные земли в Германской Юго-Западной Африке. Позже канцлер О. фон Бисмарк подписал указ о том, что эти территории находятся под защитой Германии. После многочисленных переговоров с Лондоном Бисмарк пришел к мнению, которое изложил в депеше немецкому консулу в Кейптауне. 24 апреля 1884 года он писал: «После сообщений господина Людерица колониальные служащие находятся в недоумении, нужно ли распространить немецкую защиту на северные области. Они желают ведомственного разъяснения, находятся ли его предпринимательства под защитой Германии»¹. Тогда же Бисмарк объявил правительству Капской колонии, а также в депеше немецкому консулу в Кейптауне, что приобретённые ещё в 1882 году территории в Намаланде находятся под защитой Германской империи².

Когда Людериц понял, что Юго-Западная Африка непригодна для массового переселения, он предпринял другие меры для укрепления позиций Германии в этом регионе. Он обязал фотографа Августа Айнвальда из Гайдельберга добиться концессии на строительство железной дороги до Претории. На основании этого решения Людериц надеялся на установление тесных связей Германской империи с бурскими республиками. Однако Англия высказала протест против этих мероприятий, и Бисмарк был вынужден отказаться от всех притязаний на восточное побережье, прежде всего на обладание новой колонией между Оранией и Кунене. В связи с этим в 1885 году Англия для того, чтобы Германия не могла расширить свои территории на Восток, объявила их английской территорией. Поэтому мечта Людерица о совместной немецко-бурской колонии с миллионом переселенцев потерпела крах.

С 1884 года Германия стала представлять в регионе определённую политическую силу, после того, как Германская Юго-Западная Африка (современная Намибия) получила статус протектората³. Великобритания рассматривала этот политический акт со стороны кайзеровской Германии как опасный знак её сближения с бурскими республиками, что, по мнению англичан, мешало развитию плана Сесила Родса по созданию железной дороги Кейптаун – Каир. Опасность была ещё большей, так как немцы рассматривали буров как родственный народ, поскольку многие буры имели немецкие корни. Кроме того, в 1884 году в Берлине был подписан договор о союзе между бурскими республиками и Германией. Именно эта угроза способствовала вторжению Англией на север, что со стороны буров рассматривалось как прямая угроза их суверенному существованию⁴.

Надо отметить, что ко времени провозглашения протектората Германской империи на территории Юго-Западной Африки имелось мало европейских переселенцев, что составляло определённые трудности для дальнейшей колонизации Германией этих малообжитых земель. На территории 835 100 квадратных километров будущей немецкой колонии в 1870-х годах проживало 260 000 местного населения, которое вело кочевой и полукочевой образ жизни. В этот период европейцы были здесь исключительно малочисленны.

Только с середины 1870-х годов началась миграция южноафриканских буров на территорию будущей колонии Германской Юго-Западной Африки с целью образования на побережье свободной бурской республики⁵. К началу 1891 года европейское население колонии насчиты-

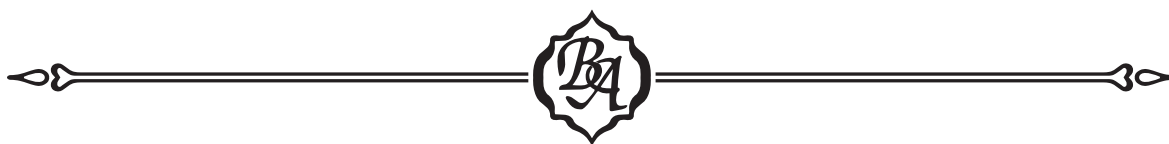
¹ Jenny, Hans. Südwestafrika. Land zwischen den Extremen. Stuttgart, 1966. S. 54.

² Herfurth. Fürst Bismarck und die Kolonialpolitik. Berlin, 1923. S. 110.

³ Marx, Christoph. Südafrika. Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, 2006. S. 154.

⁴ May, Otto. Europa und der Burenkrieg. Hildesheim, 2015. S. 1.

⁵ Vedder, Heinrich. Das alte Südwestafrika. Südwestafrikas Geschichte bis zum Tode Mahereros 1890. Nach dem besten schriftlichen und mündlichen Quellen erzählt. Berlin, 1934. S. 25-38.

вало 539 человек (246 мужчин, 100 женщин и 193 детей). Среди этого европейского населения немцы составляли меньше половины, большая часть были англичане из Капской колонии и буры.

В марте 1892 года 100 семей буров под руководством коменданта Ломбарда из Трансвааля прошли через пустыню Калахари на Запад. 40 семей вместе с Ломбардом остались в округе Гроотфонтейн, где они получили помощь от Георга Хартманна. Помимо этого, на территорию будущей колонии Германской Юго-Западной Африки шла миграция буров также и из Капской колонии. Однако этот процесс шёл очень медленно, так как этому препятствовало сопротивление готтентотов. И только после разгрома восстания Витбоя в 1894 году и развития немецкого управления эта миграция буров приняла более широкий масштаб, они осели в округе Гибсон. Ещё в 1886 году имперский комиссар Генрих Гёринг сообщал рейхсканцлеру, что усиление бурского элемента на юге колонии в интересах Германии, так как это связано с будущим немецкой колонии⁶. Его преемник Курт фон Франсуа в 1890 году посетил буров, проживавших в округе Гибсон, и сообщал в Берлин, что «для создания поселений в южных областях колонии лучшими переселенцами являются буры»⁷.

Правительственные круги Германии не принимали участия в информационной кампании относительно направленных против буров действий Англии в Южной Африке и сознательно воздерживались от оценки этих событий. Исходя из представлений официальных кругов Германской империи, страна должна была ограничить политику, которая вела к прямому столкновению и конфликту с английской военно-морской мощью.

В октябре 1899 года между Великобританией и бурскими республиками началась война, которая, по мнению Берлина, давала Германии большие шансы успешно проводить её колониальную политику. С одной стороны, в Берлине надеялись, что начавшаяся война Англии в Южной Африке ослабит участие Великобритании в разделе мира, и это будет способствовать более успешному экономическому развитию Германии. С другой стороны, опасались, что это повлияет на развитие её планов по строительству военно-морского флота⁸.

После начала военных действий в Южной Африке немецкая пресса в целом выступила против захватнической политики Англии, которая развязала войну против протестантского населения Трансвааля. Это, в свою очередь, нашло понимание в различных слоях немецкого общества, но, с другой стороны, вызвало враждебное отношение Великобритании к Германии, что могло привести к англо-германскому конфликту. Немецкое правительство определённо влияло на проблему положения буров и стремилось к тому, чтобы пресса, которая отражала точку зрения правительства, придерживалась нейтралитета в публикациях о положении буров. Но английское правительство всё равно обвинило Германию, что она – главный виновник в формировании негативного представления об Англии в Европе.

В связи с английскими военными успехами в Южной Африке в Германии всё больше нарастала ожесточённость общественного мнения в отношении английских действий. Однако официальные круги страны, несмотря на развитие широких протестов, придерживались политики невмешательства в дела Южной Африки. Ещё до начала англо-бурской войны, в 1898 году Вильгельм II при встрече с генеральным консулом в Кейптауне Бруно фон Шукманном предложил долгосрочную программу по вопросам немецкого заселения Германской Юго-Западной Африки, как мероприятий, направленных против всё возрастающего влияния Англии на юге континента, и, кроме этого, обязал его сделать сообщение о численности немцев, проживающих в Капской колонии⁹.

С середины 1890-х годов англо-бурский конфликт в Южной Африке стал особой темой в

⁶ *Hintrager, Oskar*. Südwestafrika in der deutschen Zeit. München, 1956. S. 182.

⁷ *François, Curt von*. Deutsch-Südwestafrika 1884-1893. Berlin, 1899. S. 132.

⁸ *Röhl, John C.G.* Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900-1914. München, 2009. S. 50.

⁹ *Rosenbach, Harald*. Das Deutsches Reich, Großbritannien und der Transvaal (1896-1902). Göttingen, 1993. S. 167.

немецких колониальных кругах, так как в большей мере она касалась противоречий между европейцами за преобладание господства в Африке. С немецкой стороны первоначально подчёркивалась общность между немцами и бурами, а также поддерживалась утопическая идея о совместном с бурской республикой Трансвааль «германском господстве» в Южной Африке, что вызвало опасение у правительства и общественности Великобритании¹⁰.

Ситуация в Южной Африке оставалась очень напряжённой, что, в свою очередь, влияло на развитие англо-германских отношений. В связи с этим в Англии всё больше рос страх относительно развития тесных немецко-бурских контактов в Южной Африке, которые, по мнению колониальных кругов страны, угрожали господству Англии в этом регионе. После заключения конвенции в Претории английская сторона на её основании была согласна освободить страну, но только в том случае, если будет признано господство английской короны. В последующие годы после заключения конвенции в Претории отношения между бурами и англичанами оставались напряжёнными, так как столкновения продолжались¹¹.

Именно в середине 1890-х годов проявились противоречия в германо-английских отношениях, затронувшие прежде всего сферу колониальной экспансии в Африке. Немецкие представления об англичанах в этот период зависели от возможности обрести господство на юге континента в сотрудничестве с бурским населением в английских колониях, а также совместно с бурскими республиками добиться германско-бурского превосходства на юге Африки.

Поскольку между Англией и Германией шли переговоры о создании союза, в Германии официальная политика была заинтересована в том, чтобы не иметь контактов с бурами. Так что поиски бурами возможности контактов с Германией были отклонены. Официальная политика страны стояла в противоречии с немецкой прессой, которая публиковала враждебные статьи по отношению к Англии, особенно против Чемберлена, который первоначально рассматривал Германию как союзника. Общественное мнение в Германии рассматривало создавшееся положение буров как критическое, и, как оценил ситуацию статс-секретарь по иностранным делам (с октября 1900 года – рейхсканцлер) Германии Бернхард фон Бюлов, «немецкое сердце было огнём и пламенем для бедных буров»¹².

Одной из проблем немецкой политики являлось то, что было затруднено образование организаций, которые хотели бороться на стороне буров. Первоначально Вильгельм II не ограничивал различные мероприятия по созданию союзов для поддержки буров, но с 31 октября 1899 года было запрещено участие немецких офицеров в борьбе в Южной Африке, что свидетельствовало о демонстрации нейтралитета кайзеровской Германии.

Несмотря на мероприятия правительства по ограничению создания союзов для помощи бурам, их организация приняла более широкий масштаб под влиянием деятельности Адольфа Шила, позже ставшего командиром корпуса германских волонтёров в Южной Африке.

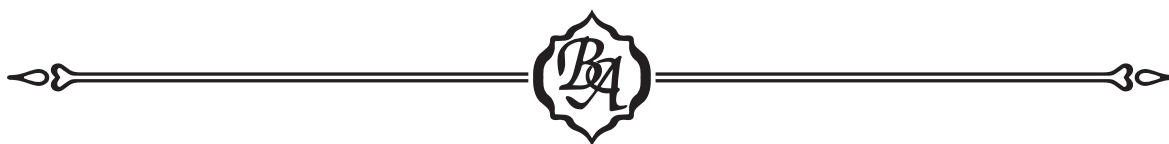
О поддержке буров говорили также члены Пангерманского союза, которые в различных публикациях разъясняли цели немецкой колониальной политики. Эта основанная в 1891 году радикально-национальная организация, деятельность которой была направлена на развитие немецкой колониальной экспансии, провозглашала важнейшей целью достижение Германией мирового господства¹³. Пангерманский союз считал буров силой, способной выступить против планов С. Родса относительно английских колоний в Африке, которые вытесняли экономическое влияние Германии в регионе и мешали развитию немецких колоний.

¹⁰ Kröll, Uwe. Die internationale Buren-Agitation 1899-1902. Haltung der Öffentlichkeit und Agitation zugunsten der Buren in Deutschland, Frankreich und die Niederlanden während des Burenkrieges. Münster, 1973. S. 17.

¹¹ Petrie, Charles. Diplomatie und Macht. Eine Geschichte der internationalen Beziehungen 1717-1933. Zürich, 1950. S. 307.

¹² Bender, Steffen. Der Burenkrieg und die deutschsprachige Presse. Paderborn, 2009. S. 151.

¹³ Walkenhorst, Peter. Nation – Volk – Rasse. Radikaler Nationalismus im deutschen Kaiserreich 1890-1914. Göttingen, 2007. S. 182-191.

С другой стороны, представители Пангерманского союза рассматривали буров как родственный народ. После военных успехов Великобритании Пангерманский союз проводил пропаганду переселения семей буров в Германскую Юго-Западную Африку. Массовая миграция буров на территорию Германской Юго-Западной Африки состоялась в период англо-бурской войны. На основании соглашения между чрезвычайным послом Хендриком Мюллером и немецким правительством, заключённого в Берлине 19 декабря 1900 года, 600 буров смогли мигрировать на территорию Германской Юго-Западной Африки. К 1 января 1903 года там проживало 1 074 буров.

21 июля 1902 года в колониальный департамент министерства иностранных дел было направлено письмо от руководителей Пангерманского союза, в котором указывалось, что «важным моментом для политической безопасности и дальнейшего экономического развития Германской Юго-Западной Африки является переселение немцев. Однако для укрепления позиций Германии в этой колонии также является желательным использование буров для колониальных мероприятий и развитие их поселений в колонии. В Европе проживает определённое количество семей буров, беженцев из Южной Африки, которые готовы к переселению в Германскую Юго-Западную Африку, а также в Южной Африке имеется определённое число семей из числа буров, которые имеют такое же желание. Однако это не говорит о массовой миграции буров, а только о тех, которые вели успешно фермерское хозяйство и имеют большое количество детей»¹⁴.

Пангерманский союз постоянно выдвигал требование о переселении буров в Германскую Юго-Западную Африку. Так, в листовке прямо отмечалось, что «15 000 буров готовы переселиться в Германскую Юго-Западную Африку, и, несмотря на то, что имперское правительство имело трудности в принятии окончательного решения по этому вопросу, оно обязало губернатора Германской Юго-Западной Африки принять буров. К тому же буры покидают свою родину не по собственному желанию, а бегут от политики Англии, чтобы избежать английского ига и экономических трудностей, вызванных войной»¹⁵.

В ответном письме от 21 августа 1902 года служащего колониального департамента в министерстве иностранных дел Штрюбеля подчёркивалось, что «колониальный департамент поддерживает мнение Пангерманского союза относительно вопроса переселения буров, так как вопрос о развитии переселения в Германскую Юго-Западную Африку является основой для проведения колониальной политики колониальным отделением. Поэтому в решении переселенческого вопроса буры играют важную роль»¹⁶.

Помимо Пангерманского союза, огромное влияние на развитие общественного мнения в стране играл созданный в январе 1900 года «*Deutsche Centrale für internationale Bestrebungen zur Beendigung des Burenkrieges*». Союз искал международные контакты для поддержки буров. Со стороны официальных кругов страны деятельность союза подвергалась нападкам и запретам, так что предпринимались попытки перенести представительство союза из Мюнхена за границу. Деятельность союза проходила также в агитации, организации больших собраний, которые были посвящены положению буров. Особенно боролся союз против «варварских методов английского ведения войны».

После того, как стало ясно, что Англия всё успешнее защищает свои позиции в Южной Африке, германское правительство прекратило вмешательство в южноафриканские дела, а в период англо-бурской войны (1899-1902 гг.) приняло позицию полного нейтралитета. Реакционный Пангерманский союз и родственные ему органы осуждали ограничение колониальных возможностей Германии¹⁷.

¹⁴ Bundesarchiv Lichterfelde. Akten Auswärtiges Amt. Kolonial – Abteilung. <Ansiedlungs – und Auswanderungswesen>. Bd. 6, vom Juni 1902 – bis Juli 1903 (далее BArch R 1001/1152). Bl. 4.

¹⁵ BArch R 1001/1152. Bd. 6. Bl. 6-9.

¹⁶ BArch R 1001/1152. Bd. 6. Bl. 24.

¹⁷ Rosenbach, Harald. Das Deutsches Reich, Großbritannien und das Transvaal (1896-1902). Göttingen, 1993. S. 290-305.

Военные действия Англии в Южной Африке в немецкой прессе подвергались резкой критике. Однако эта критика в немецкой прессе была направлена не против ведения колониальной войны и колониальной политики Англии, но была направлена прежде всего на обращение англичан с бурами.

Надо отметить, что немецкая политика по отношению к Трансваалю влияла на внутреннюю стабильность в государстве, прежде всего поиски контактов с Англией со стороны официальных кругов, а также со стороны Вильгельма II, что, в свою очередь, влияло на потерю престижа во внутренней политике страны. Однако позиция ведомственных служащих в колонии и их отношение к миграции буров на территорию Германской Юго-Западной Африки была совершенно иной. 16 сентября 1902 года в колониальный департамент пришло сообщение от губернатора Германской Юго-Западной Африки, в котором губернатор информировал колониальное ведомство, что «в связи с тем, что переселившиеся в колонию буры в течение шести месяцев не смогли приобрести земельные участки, то им угрожает выселение. Переселение буров в колонию способствовало тому, что английское правительство обвиняет руководство колонии в нарушении нейтралитета. Что касается отношения к миграции буров, то я рассматриваю её негативно, однако она весьма важна в плане экономического развития колонии»¹⁸.

Губернатор Германской Юго-Западной Африки постоянно информировал колониальный департамент о проблемах миграции буров в колонию и их расселении. Так, в сообщении от 14 ноября 1902 года губернатор писал, что «Округ Гибсон и Гроотфонтейн в течение многих лет являются главной целью миграции буров. Что касается Гроотфонтейна, то он получил своё имя от буров, которые в 1885 году переселились из Анголы и основали в этом районе свои поселения»¹⁹. В округах Виндхук и Кеетманшоп буры селятся неохотно. Несмотря на войну, между бурами, осевшими в колонии, и их земляками в Капской колонии сохранялись тесные отношения. Несмотря на письмо генерального консула Линдеквиста, в котором он сообщает о том, что в марте 1903 года следует ожидать большой поток миграции буров из бывших бурских республик, ситуация представляется нереальной, так как не следует ожидать активной миграции буров по причине ужесточения требований по переселению в колонию, касающихся несения военной обязанности и посещения школ с преподаванием немецкого языка в колонии»²⁰.

В связи с усилением миграционного потока буров на территорию Германской Юго-Западной Африки губернатор колонии фон Эсторфф организовал конференцию с представителями буров Луисом Ботой и Х. ван дер Мерве, которая проходила 12-13 ноября 1902 года. На конференции были обсуждены условия переселения буров.

По этому поводу газета «Rhein-Westfälische Zeitung» в статье «Заселение Германской Юго-Западной Африки бурами или немцами. Новое сопротивление немецкого правительства против переселения буров» отмечала, «что, несмотря на договорённости об условиях переселения буров в Германскую Юго-Западную Африку между губернатором и представителями буров Л. Ботой и Х. ван дер Мерве, немецкое правительство скептически относится к этой миграции, так как не в его интересах способствовать заселению Юго-Западной Африки только бурами. Наоборот, возникшие бурские поселения в колонии мы должны германизировать массовым переселением немцев в колонию»²¹.

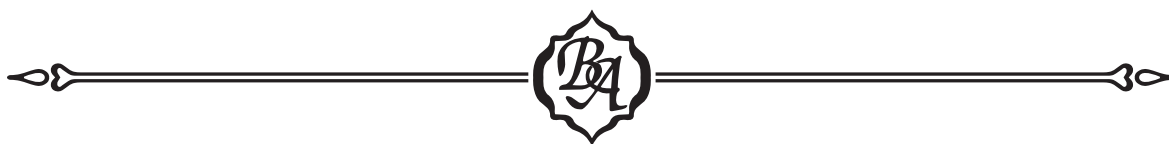
Проблема миграции буров оставалась актуальной также и в 1903 году. 4 апреля 1903 года генеральный консул в Кейптауне Фридрих фон Линдеквист писал, что его «посетили Бота и ван дер Мерве, которые подтвердили, что в ноябре 1902 года между губернатором Эсторффом и ими в Виндхуке было заключено соглашение о возможностях переселения буров, однако они

¹⁸ BArch R 1001/1152. Bd. 6. Bl. 49.

¹⁹ Voigt, Bernhard. Deutsch-Südwestafrika. Land und Leute. Wolfenbüttel, 1913. S. 48.

²⁰ BArch R 1001/1152. Bd. 6. Bl. 72-74.

²¹ Rhein-Westfälische Zeitung vom 9.02.1903. № 4. S. 3.

до сих пор не получили разъяснений от немецкого правительства насчёт этого соглашения. Однако я хотел бы отметить, что буры являются подданными Англии и поэтому не имеют права переселяться в немецкую колонию, где намерены вести хозяйство и религиозную службу на родном языке. К тому же большинство буров остаётся в Южной Африке, следовательно, их миграция в пределы Германской Юго-Западной Африки нежелательна»²².

23 апреля 1903 года Ф. фон Линдеквист писал канцлеру Б. фон Бюлову, что «в английских колониях имеется мнение об использовании партий буров против Германии, что, в свою очередь, обостряет экономические отношения между Германией и Южной Африкой»²³. 24 ноября 1903 года губернатор Германской Юго-Западной Африки в письме в колониальный департамент министерства иностранных дел сообщал, что «в колонии находится восемь переселенцев-буров, из этого числа семь в округе Гибсон и один в округе Виндхук. Осевшие буры являются хорошим элементом для использования их как поселенцев в колонии. Однако большая часть переселившихся буров из Капской колонии вновь вернулась в английские колонии»²⁴.

18 мая 1903 года, возвращаясь к проблеме миграции буров в Германскую Юго-Западную Африку, губернатор колонии в сообщении в колониальный департамент отмечал, что «административные ограничения миграции буров в колонию способствуют ухудшению её экономического положения, однако эти административные ограничения необходимы, так как после окончания войны ожидается массовое переселение из Германии»²⁵.

Тема миграции буров на территорию Германской Юго-Западной Африки оставалась актуальной вплоть до начала Первой мировой войны. Документы Федерального архива Германии свидетельствуют о том, что тема миграции буров в пределы немецкой колонии в Юго-Западной Африке обсуждалась на различных уровнях. Данная проблема и возможности её решения остро стояли перед служащими колонии, свидетельством этому являются многочисленные письма и сообщения губернатора колонии как рейхсканцлеру, так и колониальному департаменту министерства иностранных дел. Так, например, в письме немецкого генерального консула в Йоханнесбурге Ф. фон Линдеквиста рейхсканцлеру Б. фон Бюлову от 2 февраля 1907 года подчёркивалось, что «переселение буров в немецкие колонии представляет собой безумие, так как это обманчивое мнение, что буры будут работать в колониях в интересах Германии. В общем, Германия до сих пор не имеет хорошего переселенческого элемента среди буров. К тому же миграция буров в немецкие колонии, и в частности в Германскую Юго-Западную Африку, в определённых кругах немецкого общества рассматривается не как положительное мероприятие со стороны колониальных властей»²⁶.

Завершая эту небольшую статью о миграции буров в пределы немецких колониальных владений в Юго-Западной Африке, хотелось бы отметить следующее. При анализе архивных материалов Федерального архива Германии возникает впечатление, что в вопросах миграции буров в вышеназванную колонию среди колониальных служащих, а также определённых представителей правительственных кругов не было единого мнения и единой концепции организации поселений буров в немецкой колонии в Юго-Западной Африке. К тому же большинство сообщений как губернатора Германской Юго-Западной Африки, так и немецких консулов в Южной Африке свидетельствует о том, что использование буров при колониальных мероприятиях Германии в этом регионе влекло за собой обострение отношений между Германией и Англией.

²² BArch R 1001/1153. Bd. 7. Bl. 23.

²³ Bundesarchiv Lichterfelde. Akten Auswärtiges Amt. Kolonial – Abteilung. <Ansiedlungs – und Auswanderungswesen>. Bd.7, vom April 1903 bis August 1908 (далее BArch R 1001/1153). Bl. 4.

²⁴ BArch R 1001/1153. Bd. 7. Bl. 23.

²⁵ BArch R 1001/1153. Bd. 7. Bl. 24.

²⁶ BArch R 1001/1153. Bd. 7. Bl. 67.

РОССИЯ И ДРЕВНЕХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

К концу первой трети XIX века Российская империя, одержавшая ряд крупных военных побед над Османской империей, стала восприниматься как наиболее влиятельная и могущественная покровительница христиан Востока. Со своей стороны, и российское самодержавие в лице императора Николая I всерьёз уверовало в свою историческую миссию стать защитницей и покровительницей христианства на Востоке. В феврале 1847 года император Николай Павлович учредил в Иерусалиме постоянную Русскую духовную миссию, поставив во главе её истинного подвижника своего дела — архимандрита Порфирия Успенского.

Порфирий Успенский принялся активно налаживать контакты с иерархами восточно-христианских церквей, предлагая им покровительство России. Он ставил перед собой амбициозную цель — постепенно подготовить объединение или воссоединение под эгидой России всех древнехристианских церквей Востока (иначе называемых еще дохалкидонскими) с греко-русской православной церковью. Параллельно он занялся изучением религиозной догматики и обрядов древнехристианских церквей, ища опоры для будущих компромиссов (или церковных уний).

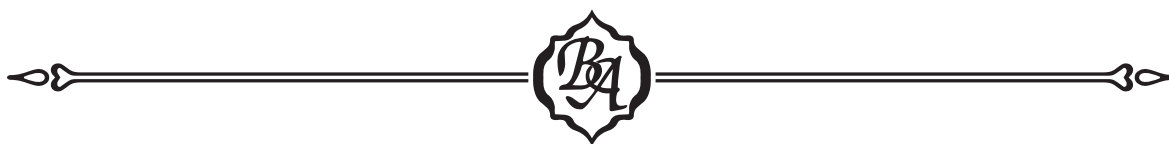
Так, изучая догматику и обрядность коптской церкви, он нашёл различия её с православием не столь существенными, чтобы они стали непреодолимым препятствием к сближению. Архимандрит установил тесные контакты с коптской церковной верхушкой, отдельные представители которой отнеслись к идее объединения сочувственно, ведь покровительство могущественной России сулило им дополнительную защиту от религиозных гонений, а также финансовую стабильность, которых египетским христианам явно недоставало в условиях мусульманского владычества.

Тогда же Порфирий обращает внимание и на эфиопских христиан. Он старается как можно больше узнать об Эфиопии, её государственном и церковном устройстве, знакомится с богослужебными книгами, наконец, вступает в непосредственный контакт с монахами эфиопской иерусалимской обители. Наблюдая их церковную литургию, расспрашивая о символе веры, о культе эфиопских святых, он черпает сведения о государственном устройстве этой страны, о религиозной и бытовой стороне жизни её населения. Дополнительные сведения ему удаётся получить от англиканского епископа Гобы, прошедшего в Эфиопии около трёх лет.

Чем больше Порфирий узнавал об Эфиопии, тем более возрастал его интерес. У него начало складываться впечатление, что эфиопские христиане более коптов подготовлены и склонны к соединению с православием.

Проживавшие в Иерусалиме эфиопские монахи были в то время почти совсем оторваны от своей страны, в которой к тому же продолжительное время царил феодальный междоусобица. Лишь чрезвычайно редко удавалось им получать с родины скудную финансовую подпитку. Они отчаянно нуждались в средствах к существованию и искали покровительства какой-либо христианской державы. Считая себя православными, они тяготели именно к греко-русскому православию, хотя в силу исторических причин окормлялись коптским патриархом, а потому считались монофизитами, хотя и не вполне осознавали сей догматический казус. Но если говорить об их церковных обрядах, сонме почитаемых ими местных святых и даже о церковном календаре, то они имели мало общего с коптскими.

Изучая взаимоотношения эфиопов с коптским патриархатом, Порфирий в конце концов пришёл к заключению, что правящие круги этой страны тяготеют к церковной зависимости от

коптов, а потому налаживать контакт с эфиопами удобнее напрямую, не прибегая к посредничеству коптского патриарха, ревниво оберегавшего свои права духовного сюзерена.

При этом Порфирий учитывал также неудачный опыт католиков и протестантов. Он писал: «Мы не будем там ни перекрещивать крещённых правильно, ни вновь рукополагать посвящённых законным епископом иереев и диаконов или неволить клир и народ к дополнению Никейско-Царьградского символа веры, что делали португальские и французские иезуиты и чем смутили всю Абиссинию. Мы не будем там опровергать учения о почитании святых, ни глумиться над постами, что делал английский миссионер Гоба. Мы не будем вмешиваться во внутреннее управление Абиссинской церкви, как вмешивался Двор Римский, зная, что она всегда управлялась сама собой, по правилам апостольским и соборным»¹.

В начале 1850-х годов Порфирий выказывал готовность отправиться в Эфиопию вместе с монахом Синайской обители Иосифом, чтобы сблизиться с местным клиром и попытаться «устроить духовное тамошнее православное общество»², но не получил разрешения Святейшего Синода. И дело даже не в том, что подобная командировка требовала тщательной подготовки и значительных финансовых издержек, а в том, что глава русской Духовной миссии был нужен тогда в Иерусалиме, где разгорался русско-турецкий дипломатический конфликт, который в конце концов привёл к Крымской войне (1853-1856 гг.).

После её окончания преемник Порфирия Успенского на посту начальника Духовной миссии в Иерусалиме епископ Кирилл Мелитопольский попробовал было вернуться к вопросу установления прямых церковно-политических контактов с Эфиопией, однако в российском МИДе его инициативу сочли несвоевременной.

А вот в Эфиопии в это время, напротив, усилилось стремление к установлению прямых контактов с Россией. Едва там окончился период внутренних смут, последовавших за смертью Теодроса II (1855-1868), и на престоле утвердился новый император Йоханнис IV (1872-1889), как он тут же предпринял попытку завязать политические и церковные отношения с Россией. Несмотря на отмечаемую многими его современниками нелюбовь императора к иностранцам и его склонность к изоляционизму во внешней политике, уже в первый год своего правления (1872 г.) он предпринял попытку завязать отношения с Россией, направив императору Александру II письмо и серебряный вызолоченный эфиопский крест, прося российского монарха «о покровительстве и назначении русского консула в Абиссинию»³.

Однако российский монарх ограничился тем, что через посредство российского консула в Иерусалиме⁴ «изволил приказать словесно ответить королю Иоанну о несвоевременности назначения консула в Абиссинию»⁵. Через несколько лет Йоханнис повторил попытку. На этот раз на его письмо вообще не последовало ответа.

Историки не раз задавались вопросом, какой смысл нёс в себе крест — дар эфиопского императора. Возможно, это был намёк на то, что Йоханнис готов пойти не только на политическое, но и на церковное сближение с Россией. Известно, что именно в начале 1870-х годов отношения Эфиопии с Египтом сделались крайне враждебными. Йоханнису IV пришлось дважды отражать агрессию египтян против своей страны. Политическая и военная напряжённость между двумя государствами затронула и церковный вопрос. Желая наказать эфиопов,

¹ Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в. Сборник документов. М., Наука; Восточная литература, 1998. С. 53.

² Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. С. 385.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 806. Л. 87-87об.

⁴ Письмо Йоханниса и крест были доставлены из Эфиопии в Иерусалим эфиопским монахом Бедром Микаэлем и переданы им российскому генеральному консулу в этом городе Кожевникову. Сам же Бедром Микаэль остался в Иерусалиме ожидать ответа из России.

⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 806. Л. 88.

хедив вмешался в отношения между эфиопской церковью и коптским патриархатом в Каире и запретил патриарху назначать нового митрополита в Эфиопию взамен умершего. Обращение Йоханныса IV к России было, возможно, попыткой порвать церковную связь с Египтом и впредь получать высшего иерарха церкви (митрополита) из России⁶.

Следует упомянуть, что шаги в том же направлении предпринимал не только Йоханныс IV, но и его главный конкурент в борьбе за эфиопский трон негус Шоа — Менелик. В 1877 году, готовясь выступить против императора, он через одного из своих вельмож передал письмо драгоману русского посольства в Иерусалиме И.Г. Нофалю⁷, в котором просил российские власти прислать в Шоа церковного иерарха «для занятия епископальной кафедры» в Анкобере (тогдашней столице Шоа)⁸.

Примечательны в этом отношении сообщения российского генерального консула в Каире И.М. Лекса. Ссылаясь на свидетельства британского генерала Гордона, вернувшегося из Эфиопии, где тот был с дипломатической миссией к Йоханнысу IV, он сообщает об этом монархе следующее: «Император Иоанн, по словам Гордона, ненавидит мусульман... он не имеет тоже доверия к католикам, ни даже к протестантам... Иоанн уважает только одних православных, к которым он причисляет и свой народ, но из православных он предпочитает в особенности русских; греков же считает более как народ подвластный, и греческий вице-консул в Суэце, который уже шесть месяцев как живет в Абиссинии с целью присоединения абиссинцев к Александрийской патриархии, не имеет никакого успеха, несмотря на то, что император очень любезен с ним и даже слушает его советы в своих делах с Египтом. По мнению Гордона, Иоанн хотел бы отторгнуться от каирской коптской патриархии и соединиться с русской церковью, но с тем, однако же, чтоб заручиться покровительством России»⁹.

Лекс также подтвердил информацию об аналогичном желании и негуса Менелика: «Король Менелик (князь Шоа¹⁰), как Вам известно, хотел тоже соединиться с нашей церковью в то время, когда он был ещё в войне с императором»¹¹.

То, что вопрос о назначении церковных иерархов был в тот период крайне важным для Эфиопии, подтверждает и свидетельство казачьего атамана Николая Ашинова, побывавшего в Эфиопии в 1884-1885 годах и благосклонно принятого ближайшим сподвижником Йоханныса IV, расом Алулой¹². Одной из просьб, с которой рас обратился к Ашинову, приняв его за доверенное лицо русского правительства, была просьба о посвящении в России нескольких епископов для Эфиопии.

Возвратившись в Россию, Ашинов попытался заинтересовать такой перспективой церковные власти. Однако на слово атаману не слишком-то поверили, а официальных обращений с эфиопской стороны на этот счёт не было. Ашинов предпринял тогда самостоятельную попытку организовать православную духовную миссию в Абиссинию, а заодно и основать русскую колонию на красноморском побережье Африки. Но эта попытка, предпринятая им на свой страх и риск, без официальной поддержки правительства, окончилась крахом, встретив жёсткое силовое противодействие западноевропейских держав.

⁶ Rubenson S. The Survival of Ethiopian Independence. L., 1976. P. 342.

⁷ Нофаль Ириней Георгиевич (1828-1902) — лингвист, знаток арабского языка, в 1870-х гг. драгоман русского консульства в Иерусалиме, с 1884 г. профессор арабского языка и мусульманского права при Азиатском департаменте МИД Российской империи.

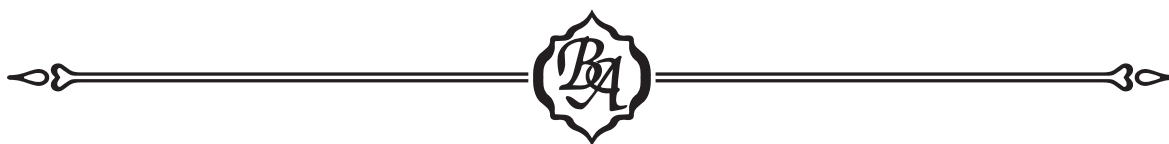
⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 48. Д. 41. Л. 10.

⁹ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. С. 73.

¹⁰ Имеется в виду область Шоа.

¹¹ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. С. 73.

¹² Рас Алула был самым могущественным после Йоханныса IV феодалом Северной Эфиопии, правой рукой императора. По этой причине европейцы нередко неофициально именовали его даже вице-королем. Рас — высший военно-феодальный титул Эфиопии.

Но на этом попытки подтолкнуть Россию и Эфиопию к церковному союзу или некой церковной унии не прекратились. Правда, инициировались они теперь людьми светскими, к церкви отношения не имевшими. Одним из таких энтузиастов был поручик В.Ф. Машков, совершивший в 1889-1890 годах путешествие в Эфиопию и доставивший Александру III письмо от негуса Менелика II.

В обширной записке, составленной по итогам своей поездки, Машков старался уверить российские власти, что причисление эфиопов к монофизитам – это в значительной степени недоразумение, что на самом деле эфиопские христиане более склоняются к православию и что в этом его убеждал-де сам император Менелик, и притом в присутствии духовных лиц¹³.

Конечно, В.Ф. Машков в известной степени выдавал желаемое за действительное, его аргументы были явно слабоваты. Но вполне можно поверить, что император Менелик действительно не имел представления о различиях между собственно православием и его коптско-эфиопской версией (т. н. монофизитством), а главное, не имел намерения вникать в подобные догматические тонкости.

Благодаря письму Менелика II, доставленному в Россию Машковым, между монархами двух стран завязалась регулярная переписка. Машкову поручили отвезти негусу ответное письмо Александра III, а заодно, по согласованию со Святейшим Синодом, дали ему в спутники иеромонаха Тихона (Оболенского), которому было поручено проверить, насколько верно предположение Машкова о близости догматов эфиопской ортодоксальной церкви к православию.

Однако с отцом Тихоном случилась незадача. Впервые оказавшись в Джибути в июне, где в это время года жара достигает 50⁰ в тени, иеромонах понял, что ему не выдержать многодневного перехода через Сомалийскую пустыню, и отказался следовать дальше, заявив Машкову: «Я монах: с меня головы не снимут»¹⁴.

После этой неудачи попыток войти в контакт с эфиопским клиром на предмет сближения двух церквей больше не предпринималось. И на это были свои причины. Во-первых, для Эфиопии благополучно разрешился главный церковный вопрос, откуда клиру брать высших церковных иерархов: в последние годы правления Йоханныса IV императору удалось добиться от коптского патриарха миропомзания и назначения в Эфиопию сразу четырёх митрополитов, и этот вопрос на более или менее продолжительное время был закрыт.

Во-вторых, с приходом к власти Менелика сменились приоритеты и в церковной сфере. Объединив под своей властью всю страну, Менелик вынашивал идею об автокефалии эфиопской церкви, отделении её от коптского патриархата. Менять одну зависимость на другую он уже не хотел.

Российские власти, как светские, так и церковные, также не проявляли рвения в этом вопросе. Напротив, они были настроены помочь Менелику в его стремлении к церковной автокефалии, поскольку это вело к разрыву с Египтом, который в конце XIX — начале XX века оказался в полной зависимости от Великобритании и стал плацдармом для её дальнейшей экспансии вглубь континента. В этом смысле разрыв Эфиопии с коптами рассматривался как своего рода оплеуха англичанам, которые стремились утвердиться в Эфиопии, используя в своих интересах её церковную зависимость от коптского патриарха, полностью им подконтрольного.

Стремление эфиопской церкви к самостоятельности, поддерживаемое светской властью, особенно усилились после итало-эфиопской войны 1895–1896 годов, в которой Эфиопии удалось отстоять свой суверенитет. Теперь можно было подумать и об автокефалии. Эфиопию явно не устраивали её полувассальные отношения с коптским патриархатом.

Российский генеральный консул в Каире А.И. Кояндер доносил в Петербург в 1897 году: «По доходящим сюда слухам, нынешний глава коптской церкви не пользуется в Абиссинии

¹³ Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в. С. 137-138.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2008. Л. 134.

престижем и популярностью, и в среде тамошнего духовенства замечается даже стремление совершенно порвать узы, связывающие его с пребывающим в мусульманской стране и находящимся под влиянием иноверцев Патриархом»¹⁵.

Наметившуюся тенденцию к независимости в церковных делах усугублял конфликт между эфиопами и коптами из-за Святых мест в Иерусалиме. Эфиопы требовали возвращения им некоторых земельных участков и строений при храме Гроба Господня, захваченных в прежние времена коптами, а также армянами под предлогом покровительства бедной эфиопской общине.

Эфиопское духовенство и император Менелик II пытались добиться возвращения хотя бы части захваченных у них церковных владений. Однако дело это оказалось непростым и крайне запутанным, ввиду отсутствия у эфиопов подлинных документов, подтверждающих их прежние владельческие права. Именно по этой причине две дипломатические миссии (1902 и 1904 гг.), посланные эфиопским императором для урегулирования спора с коптами, потерпели неудачу.

Успеху дела мешал также недостаток у эфиопов опыта, которого требовала подобная тяжба. В 1897 году они обратились за помощью в российское генеральное консульство в Иерусалиме, которое время от времени уже оказывало эфиопским монахам неофициальное покровительство. Теперь же они просили о покровительстве официальном. Исполнить такую просьбу было нельзя, не нарушив утвердившегося в Иерусалиме и тщательно сохраняемого статус-кво между конфессиями, и в просьбе такой им было отказано¹⁶. Но российское консульство подтвердило готовность по-прежнему оказывать покровительство эфиопам неофициально, в том числе в их тяжбе с коптами. При этом посол России в Турции Александр Иванович Нелидов счёл необходимым напомнить генконсулу в Иерусалиме, что «вопрос этот жгучий, а потому во избежание подозрений... мы должны держаться в тени и не выступать на первый план, помогая абиссинцам»¹⁷.

В конце 1906 года был достигнут первый успех: старинный эфиопский монастырь Дейр-эс-Султан — главный объект притязаний эфиопов — особым ирадэ (указом) султана был им возвращён¹⁸. Этим Эфиопия была обязана содействию российских дипломатов, но в ещё большей мере Николаю Николаевичу Шедевру, отставному офицеру российской императорской армии¹⁹. В 1905 году он предложил Менелику свои услуги в розыске архивных документов, доказывающих права эфиопов на отнятые у них владения в Иерусалиме, и в 1906 году обнаружил и выкупил из турецких архивов подлинный фирман халифа Омара, захватившего в 636 году Иерусалим и утвердившего за эфиопами их исконные права на Дейр-эс-Султан.

Кроме этого фирмана, Н.Н. Шедевр обнаружил ещё четыре документа, дававшие эфиопам права на различные места и пристройки, входящие в комплекс храма Гроба Господня. Заслуги Шедевра были высоко оценены Менеликом. Он получил от императора украшенный золотом щит, орден «Эфиопской Звезды» 2-й степени, двух мулов с серебряными сёдлами и концессии на добычу золота²⁰. Негус предложил Шедевру продолжить поиски, пообещав, что одно

¹⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 140. Л. 78об.-79.

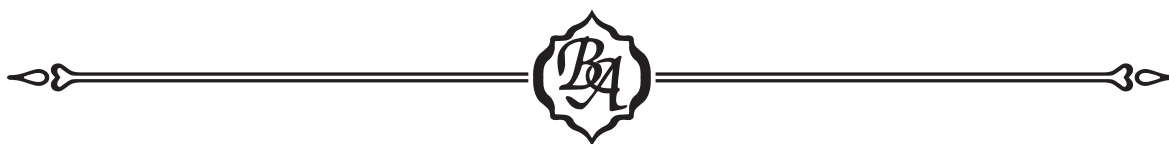
¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 133. Л. 118.

¹⁷ Там же. Л. 137.

¹⁸ Согласно эфиопским преданиям, участок, на котором расположен этот монастырь, был подарен ещё Соломоном царице Савской // АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 164. Л. 10об.-11.

¹⁹ Н.Н. Шедевр обосновался в Эфиопии в 1897-1898 гг. и через несколько лет поступил на службу к Менелику II. За услуги, оказанные им императору Эфиопии, он был удостоен военно-феодалного титула «фитаурари».

²⁰ Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. XXVII. М. 1991. С. 198.

из возвращённых Эфиопии церковных строений будет передано в дар России. Позже между ними было заключено соответствующее соглашение²¹.

Многолетние розыски в различных архивах Турции и Египта и выкуп найденных документов требовали значительных наличных средств. Между тем Менелик финансировал работу Шедевра весьма скудно. Он, правда, выдал ему концессии на добычу золота, но концессии сами требовали вложений капитала, которого у Шедевра не было. Чтобы обеспечить себя наличными средствами на продолжение архивных поисков, Шедевр передал права на разработку золотоносных концессий александрийскому банкиру Зервудаки. Однако тот вскоре полностью прибрал дело к своим рукам, оставив Шедевра и без средств, и без концессий.

Но тут Н.Н. Шедевр повезло. Его архивными изысканиями заинтересовалось Российское Императорское Православное Палестинское общество (РИППО). Тесно связанное с императорским двором, Общество располагало значительными финансовыми средствами. Шедевр обратился к РИППО, сообщив о соглашении с Менеликом, и Общество предложило ему финансовое содействие, обусловив, естественно, свой в нём интерес.

Шедевр стал регулярно получать от Палестинского Православного общества достаточно значительные суммы, необходимые для продолжения его деятельности. С 1907 по 1913 год Шедевр удалось найти владельческие документы ещё на семь различных культовых мест, принадлежавших ранее эфиопской общине²².

В 1913 году Менелик II скончался, но его наследник Лидж Ияссу (Ияссу V) подтвердил заключённое его дедом соглашение, причём сделал его ещё более выгодным для России: количество Святых мест, которое Эфиопия готова была уступить Русской православной церкви в случае успеха, увеличилось до двух (речь шла о двух часовнях при храме Воскресения Христова).

При этом Шедевр старался уладить конфликт эфиопов с коптами мирным путём. Есть данные, что в конце 1913 года ему удалось получить принципиальное согласие сторон на следующую договорённость: храм Дейр-эс-Султан признаётся собственностью эфиопов; из семи же других владений, принадлежащих им на основании найденных документов, три они «добровольно, официальным актом уступают коптам, а четыре — возвращаются в их собственность», из которых две часовни при храме Воскресения передаются «в дар Российскому Императору»²³.

В начале лета 1914 года из Аддис-Абебы в Петербург готовилась отправиться чрезвычайная дипломатическая миссия. Едва ли не главной её целью было просить российского императора принять на себя посредничество в деле о бывших церковных владениях эфиопов в Иерусалиме, поддержав перед султаном их законные права в тяжбе с коптами. Миссия должна была также доставить российскому императору дарственную Лиджа Ияссу на две упомянутые часовни.

Однако миссии не суждено было состояться. Накануне её отправления в Эфиопию пришло сообщение о начале в Европе большой войны, получившей позже названия Великой и Первой мировой. Россия и Турция оказались в ней противниками, и теперь эфиопам не приходилось ожидать помощи от российского правительства в делах, касающихся Иерусалима, по крайней мере, до окончания войны.

Ни воспользоваться документами, ни расплатиться за них с Шедевром эфиопы к началу войны не успели. Документы остались в России, где в это время находился и сам Шедевр. Эфиопы прислали за документами специального курьера, пообещав Шедеврe всё уплатить сполна.

²¹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.

²² Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов. С. 200.

²³ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

Сообщая об этом управляющему делами Православного Палестинского Общества генералу М.П. Степанову²⁴, Шедевр спрашивал, как ему следует поступить: отдать документы уже сейчас или повременить, и если отдавать, то на каких условиях²⁵.

Генерал Степанов, ведавший после смерти великого князя Сергея Александровича фактически всеми делами Общества и управлявший им от имени вдовы князя, великой княгини Елизаветы Фёдоровны, счёл вопрос настолько серьёзным, что прежде чем отправлять Шедевра с документами в Эфиопию, решил доложить о предполагаемой командировке Шедевра лично царю, чтобы получить его согласие на условия сделки, предлагаемой эфиопским правительством²⁶.

В ноябре 1915 года Шедевр был вызван в царскую ставку в Могилёв, где планировалась его встреча с Николаем II. Но встреча не состоялась. В назначенный день, 25 ноября, Шедевр на аудиенцию не явился, а позже был обнаружен мёртвым в номере могилёвской гостиницы. Дальнейшая судьба собранных им документов многие годы оставалась неизвестной. Лишь сравнительно недавно их след обнаружился.

После Октябрьской революции эти документы были вывезены в Европу. Эфиопы, долгое время старавшиеся отыскать их след, выяснили, наконец, что те находятся у одного из бывших царских дипломатов. Тот, однако, соглашался передать их только представителю русской императорской семьи. В конце концов упомянутые документы оказались у зятя последнего российского императора, великого князя Александра Михайловича («Сандро»), женатого на сестре Николая II, а он согласился передать их эфиопской стороне совершенно безвозмездно и без всяких условий.

Историк Чеслав Йесман в книге «Русские в Эфиопии» упоминает о визите в Эфиопию в 1925 году великого князя Александра Михайловича, который приезжал туда якобы «для окончательного урегулирования вопроса о владениях эфиопской монашеской общины в Иерусалиме»²⁷. Подробностей Ч. Йесман не сообщает, но есть веские основания полагать, опираясь в том числе на мемуары самого великого князя, что речь идёт о передаче документов, найденных в своё время Шедевром.

Так закончился последний акт долгой и драматической истории, в которой Россия выступила непосредственным участником и посредником в многолетнем споре двух восточнохристианских церквей — коптской и эфиопской. Впрочем, сама судебная тяжба между конфессиями на этом отнюдь не закончилась, но Россия в ней участия уже не принимала.

²⁴ Степанов Михаил Петрович (1853-1917) – генерал от кавалерии (с 1910 г.); в 1889-1891 гг. адъютант великого князя Сергея Александровича, с марта 1905 г. – гофмаршал двора великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Вплоть до 1917 г. управлял от её имени делами Российского Императорского Православного Палестинского общества в качестве бессменного помощника председателя РИППО, которым она стала после смерти супруга.

²⁵ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 34. Л. 145.

²⁶ Согласно телеграмме, полученной Шедевром из Эфиопии, окончательные условия, предложенные эфиопским правительством, были таковы: подтверждалось обещание «передать России две часовни у храма Гроба Господня», уплатить Шедеву «все его расходы и всё, что он занял денег для этого дела» // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Разд. III. Оп. 1. Д. 34. Л. 149.

²⁷ *Jesman C. The Russians in Ethiopia. L., 1958. P. 147.*

ТРАНСИОРДАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ НА ФРОНТАХ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РАСЧЕТЫ ЭМИРА АБДАЛЛЫ

Трансиордания, несмотря на скромный демографический, экономический и военный потенциал, приняла заметное участие в событиях Второй мировой войны на Ближнем Востоке на стороне Великобритании. Власти эмирата и его небольшие вооружённые силы были подконтрольны Лондону, а выгодное географическое положение Трансиордании позволяло проводить с её территории военные операции на соседних территориях. Значение эмирата усиливалось тем, что через него проходили важные коммуникации, связывавшие Палестину и побережье Средиземного моря с Ираком и Персидским заливом и нуждавшиеся в охране.

В исследованиях отечественных и зарубежных авторов, мемуарах современников и других публикациях с разной степенью подробности описывается история эмирата и его внешняя политика в годы войны. В 1996 году в Великобритании вышел очередной том архивных документов министерства колоний, посвящённый периоду 1939–1947 годов, в который вошла переписка британских чиновников, имевших отношение к Трансиордании. Представленные источники позволяют существенно детализировать имеющуюся картину. Они показывают динамику восприятия войны трансиорданским обществом, реакцию эмира и местных элит на её ключевые события, особенно в ближневосточном регионе, иллюстрируют колебания настроений в Трансиордании при сохранении лояльности метрополии даже в период громких побед Германии над союзниками.

Архивные материалы дают возможность судить о том, как военный конфликт влиял на политический курс эмирата, на его отношения с Великобританией, в которых лояльность метрополии сочеталась с завышенными ожиданиями выгод от сотрудничества с ней. Абдалла, несмотря на зависимый статус, не был пассивным объектом британской политики и проводником её интересов. Он стремился использовать военную ситуацию для реализации собственных геополитических планов, прежде всего проекта «Великой Сирии». Хотя эта цель не была достигнута, война способствовала укреплению военного потенциала эмирата и подготовила его к последующему получению независимости в 1946 году и борьбе за Палестину в 1947–1949 годах.

* * *

Трансиордания вступила во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 года. Это произошло автоматически, без официального решения эмира Абдаллы об объявлении войны Германии, которое не требовалось, так как эмират был британской подмандатной территорией. Внешняя политика и вопросы обороны Трансиордании полностью определялись Лондоном, что оговаривалось англо-трансиорданским договором 1928 года и трансиорданским законом об обороне 1935 года. На месте важнейшие решения зависели от верховного комиссара в Палестине и Трансиордании Гарольда МакМайкла, находившегося в Иерусалиме, британского резидента в Аммане Алека Киркбрайда и британского офицера, начальника штаба и фактического командующего трансиорданским Арабским легионом Джона Баготта Глабба, формально бывшего на службе у эмира. У них установились хорошие личные и рабочие контакты с Абдаллой, в отношениях с которым они действовали очень деликатно.

В первый день войны эмир в телеграмме королю Георгу VI сообщил о своей поддержке метрополии. Был установлен надзор за гражданами Германии, введена цензура печати и иные чрезвычайные административные меры, соответствовавшие состоянию войны. Безоговорочная поддержка Великобритании со стороны трансйорданских властей контрастировала с уклончивым поведением правительств Египта и Ирака, формально независимых от Лондона. В 300-тысячном эмирате общественно-политическая жизнь находилась в зачаточном состоянии, и за 20 лет его существования там не сложилось националистическое движение с антиколониальными устремлениями¹. Киркбрайд отмечал, что переход к военному положению в Трансиордании прошел настолько гладко, что ему «практически не на что было жаловаться»².

Начало Второй мировой войны и события с сентября 1939 по май 1940 года, вошедшие в историю как «Странная война», не вызвали в Трансиордании особой тревоги. Как отмечал резидент в Аммане в своём донесении верховному комиссару в Палестине, эмир был уверен в победе Великобритании и Франции и старался доказать верность британской короне. Для англичан было очевидно, что расчёт Абдаллы строился на том, чтобы в обмен на поддержку метрополии получить выгоды от возможных перемен на Ближнем Востоке по итогам войны³. Под этим подразумевалось намерение эмира расширить подвластные территории за счёт французских подмандатных Сирии и Ливана и британской Палестины в той или иной географической конфигурации (план «Великая Сирия»).

Переход Германии с 10 мая 1940 года к широкомасштабным наступательным действиям на территории нейтральных Бельгии, Голландии и Люксембурга привёл к быстрым изменениям оценок и более глубокому осмыслению возможных последствий и выгод от войны для Трансиордании. Киркбрайд сообщал, что разгром бельгийской и голландской армий был воспринят в эмирате как свидетельство превосходства немецкой военной машины над союзниками и что уже в мае распространилось мнение о «неминуемом поражении Великобритании и Франции». Арабы также ожидали скорого вступления Италии в войну на стороне Третьего рейха⁴.

Тем не менее не только эмир, но и общественное мнение было настроено преимущественно пробритански, и это осталось неизменным на протяжении всей войны. Если в самом начале немецкого наступления Киркбрайд отмечал в обществе проявления злорадства по поводу того, что немцы преподали урок англичанам и особенно французам⁵ (видимо, сказывалось в той или иной степени предубеждение к феномену европейского колониализма как таковому), то когда стал ясен масштаб катастрофы в Европе, трансйорданцы задумались о том, какие последствия поражение союзников будет иметь для эмирата в случае ухода Англии и Франции с подмандатных территорий, и оказалось, что многие группы населения и элиты устраивал британский патронаж.

Жители Трансиордании, особенно коренные, допускали, что, оставшись без защиты со стороны метрополии, эмират может быть поглощён Саудовской Аравией⁶. Чиновники неиор-

¹ Wilson M.C. King Abdullah, Britain and the Making of Jordan. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 129.

² Robins Ph. A History of Jordan. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 53.

³ Mr A. Kirkbride to Sir H. MacMichael, 20 July 1942 [CO 831/59/16] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. 1939–1947. Ed. by Jane Priestland. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 311.

⁴ Report on the political situation for the month May, 1940 [CO 831/55/8] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 115.

⁵ Ibid.

⁶ Саудовская Аравия претендовала на спорные южные трансйорданские районы Маан и Акаба, которые ранее относились к Хиджазу. В 1924 году Ибн Сауд захватил Хиджаз, положив конец многовековому правлению хашимитских шерифов в Мекке и Медине, но Маан и Акаба к тому времени уже вошли в состав Трансиорданского эмирата.

данского происхождения (в основном выходцы из Сирии), которые составили значительную часть правящего класса при создании эмирата, боялись лишиться своих постов в случае перемен. Торговцы-горожане ожидали грабежей со стороны бедуинов, которых эмир и англичане привели к повиновению в 1920–е годы. Наконец, все слои населения боялись экономических последствий войны⁷. «Эти страхи, некоторые из которых являются далеко не беспочвенными, превратили всех, кому есть что терять в случае краха режима, в страстных сторонников Великобритании», – заключал Киркбрайд⁸. Таким образом, начало военных действий обострило потребность Трансиордании в военно-политической поддержке со стороны метрополии.

В некоторой степени тревожные настроения в Аммане были компенсированы известием о назначении 10 мая 1940 года премьер-министром Соединенного королевств Уинстона Черчилля, имевшего среди арабов репутацию сильного лидера⁹. В Трансиордании отношение к Черчиллю имело свои нюансы. Эмир Абдалла встречался с ним в 1921 году в Иерусалиме. Тогда Черчилль был министром колоний и сыграл ключевую роль в создании эмирата во главе с Абдаллой после того, как тот потерял возможность занять иракский трон, доставшийся его брату Фейсалу¹⁰. Абдалла согласился с предложением Черчилля как с временным решением. Приоритетной внешнеполитической целью эмира в межвоенный период и на протяжении Второй мировой войны была «Великая Сирия», и Абдалла надеялся добиться поддержки со стороны Черчилля, считая, что британцы в долгу перед Хашимитами со времён Арабского восстания 1916–1918 годов против Османской империи в годы Первой мировой войны.

В начале июня 1940 года войска Великобритании, Франции и Бельгии были эвакуированы из Дюнкерка. Одновременно британцам и их союзникам пришлось отказаться от продолжения сопротивления немцам в Норвегии и тоже вывести свои войска. 22 июня капитулировала Франция. В Трансиордании эти известия вызвали шок и укрепили пессимистические прогнозы относительно дальнейшего хода войны. Единственное, к чему в эмирате отнеслись без особых опасений – это вступление 10 июня в войну Италии. Киркбрайд сообщал, что если военное превосходство немцев арабы признавали, то отношение к итальянцам было «презрительным и неприязненным»¹¹. В эмирате звучали предложения (резидент не уточнял, чьи именно) отправить арабские части в Ливию воевать против солдат Муссолини. Эти идеи резидент счёл лишёнными практического смысла, но высоко оценил желание трансиорданцев оказать помощь и предлагал своему начальству подумать, как это можно использовать в будущем¹².

⁷ В целом негативные ожидания оправдались частично. Война стимулировала местную торговлю и сельское хозяйство и способствовала увеличению финансовой помощи и вложений в развитие транспортной инфраструктуры Трансиордании со стороны метрополии.

⁸ Report on the political situation for the month of May, 1940 [CO 831/55/8] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 115.

⁹ Ibid.

¹⁰ Фейсал, сын шерифа Мекки Хусейна, находился в Дамаске с 1918 г. и возглавлял Арабское королевство Сирия, которое официально существовало с марта по июль 1920 г. Хашимиты оказали помощь Великобритании во время Первой мировой войны и рассчитывали на содействие Лондона в создании арабского королевства в Машрике. Англичане отказали в поддержке этого проекта, противоречившего соглашению Сайкса-Пико 1916 г. о разделе османских владений на Ближнем Востоке на британскую и французскую сферы влияния, Декларации Бальфура 1917 г. и в целом интересам Великобритании. В этих условиях планировавшийся в 1920 г. Абдаллой поход на Дамаск «для восстановления законных Хашимитских прав» не имел перспектив.

¹¹ Отношение к итальянцам было связано с их хроническими проблемами в колониальных войнах, жёсткой политикой «умиротворения», проводившейся в Итальянской Ливии в 1920–е – 1930–е гг., и с переселенческой колонизацией.

¹² Report on the political situation for the month of June, 1940 [CO 831/55/8] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 116.

Парадоксально, но одновременно с сожалением о поражении союзников в Европе, капитуляцию Франции в Аммане восприняли с удовлетворением, так как вот уже более 20 лет Хашимиты видели во французах препятствие на пути реализации своих геополитических замыслов. Киркбрайд отмечал, что не только верхи, но и широкие слои населения эмирата встревожило не то, как выход Франции из конфликта повлияет на ход мировой войны в целом, а то, как это скажется на ситуации в соседней Сирии, перешедшей под власть правительства Виши. В Трансиордании было популярно мнение, что Абдалле теперь следует взять Дамаск под свой контроль, вплоть до создания арабской федерации под руководством Хашимитов, чтобы не допустить попадания Сирии в руки Италии или Турции¹³.

Таковы были настроения трансирданцев (вероятнее всего, высших слоев общества, интересовавшихся политикой и с которыми Киркбрайд чаще всего контактировал, и их правителя). Реальные меры, предпринятые Абдаллой и Глаббом в мае-июне 1940 года, были направлены на защиту британских интересов в эмирате и предотвращение возможной подрывной деятельности со стороны стран Оси. В мае была усилена охрана стратегических инфраструктурных объектов на территории эмирата: Хиджазской железной дороги, стратегического нефтепровода Киркук – Хайфа, снабжавшего топливом британский флот и сухопутные части, и аэродромов, чтобы не допустить внезапной высадки вражеского десанта¹⁴. В июне в столице прошли учения по светомаскировке на случай налёта вражеской авиации. В эмирате опасались угрозы с сирийского направления, в том числе из-за очень протяжённой границы. Было принято решение задерживать все французские гражданские самолёты, приземляющиеся на территории Трансиордании, а пограничные силы получили приказ арестовывать всех граждан Италии и Германии, которые могли бы проникнуть в страну с севера. Был введён контроль за частной перепиской¹⁵.

После визита в Амман министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена и командующего британскими силами на Среднем Востоке генерала Арчибалда Уэйвелла Арабскому легиону было обещано новое оружие и увеличение его численного состава¹⁶. Имевшихся сил, насчитывавших около 1300 человек с лёгким вооружением, было явно недостаточно в условиях войны, тем более что их вскоре начали задействовать за пределами страны. Так, в начале 1941 года часть подразделений Арабского легиона была перебросена в Палестину для охраны командных пунктов, складов и аэродромов¹⁷.

11 июля 1940 года Абдалла через МакМайкла направил письмо лорду Джорджу Ллойд, назначенному министром колоний. Эмир писал о своём желании «найти практический способ разделить победу Британии над нашим общим врагом» и перечислял угрозы для Трансиордании и Великобритании: итальянское присутствие в Ливии, перспектива вовлечения Сирии в орбиту немецкого влияния, антибританские настроения в Ираке, «ненадёжность» Ибн Сауда. Абдалла предлагал более широко использовать Арабский легион в войне, не ограничиваясь охраной внутренней безопасности эмирата.

В своём кратком и уклончивом ответе Ллойд выражал признательность Абдалле, но подчёркивал необходимость сосредоточиться на «обеспечении стабильности в арабском мире»¹⁸. Отказ англичан о привлечении Арабского легиона к полноценным боевым операциям объяс-

¹³ Ibid.

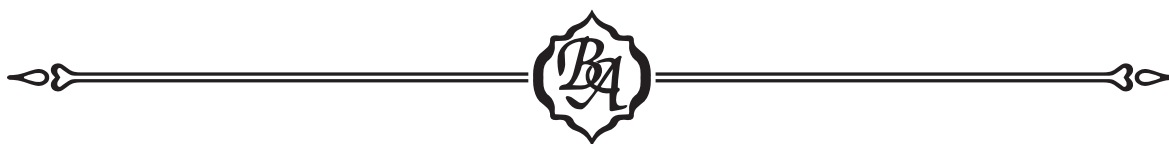
¹⁴ Report on the political situation for the month of May, 1940 [CO 831/55/8] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 115.

¹⁵ Report on the political situation for the month of June, 1940 [CO 831/55/8] // Ibid. P. 116–118.

¹⁶ Котлов Л.Н. Иордания в новейшее время. М.: Восточная литература, 1962. С. 61–62.

¹⁷ The Historical Encyclopedia of the Jordan Armed Forces. Arab Army History of Bravery and Sacrifices. Amman, 2021. P. 26. – <https://www.jaf.mil.jo/Assets/File/hestoryPdfEn.pdf>

¹⁸ The Emir Abdullah to Lloyd, 11 July 1940; Lord Lloyd to the Emir Abdullah, 22 August 1940 [FO 371/24549] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 119–121.

нялся его востребованностью в качестве охранно-полицейской силы, неуверенностью в сохранении стабильности в британской зоне влияния в Машрике и желанием за счёт трансйорданских солдат высвободить ограниченные британские силы для боевых действий на других направлениях. Не последнюю роль играл недостаток тяжёлого вооружения и бронетехники в легионе.

В последующие месяцы в настроениях в Трансиордании не происходило каких-либо серьёзных сдвигов. Эмир проявлял терпение, считая, что Великобритания, несмотря на то, что она лишилась союзника в лице Франции, сохранила мощь и способна продолжать войну¹⁹. Германия не смогла подорвать британские силы за счёт массированных бомбардировок с воздуха в ходе «Битвы за Британию» и перехода к неограниченной подводной войне, а итальянские войска в Ливии также не добились успехов против англичан.

Период относительного затишья для Трансиордании закончился весной 1941 года, и в течение последующих полутора лет британский резидент в Аммане отмечал у Абдаллы «признаки беспокойства»²⁰. Тревога эмира объяснялась тем, что Британия сталкивалась со всё новыми военными трудностями в разных частях империи, а общий ход мировой войны не внушал оптимизма. Источником разочарования было и то, что Лондон не дал Абдалле воспользоваться ослаблением Франции в Леванте и не оправдал его надежд на британское содействие в реализации плана «Великой Сирии». Достижением этого периода стало участие Арабского легиона в боевых действиях на стороне англичан, что в итоге сыграло немаловажную роль в решении Лондона увеличить его численность и улучшить оснащение.

1 апреля 1941 года в Ираке произошёл военный переворот, в Амман бежали ключевые пробританские политики Нури Саид и Абд аль-Илах, управлявшие королевством при Фейсале II – малолетнем внучатом племяннике Абдаллы. Реальная власть в Багдаде оказалась в руках главы «правительства национальной обороны» Рашида Али аль-Гайлани. Началось сближение Ирака с Германией с целью оказания королевству военной помощи против британцев.

Киркбрайд подчёркивал, что события в соседней стране произвели на Абдаллу очень негативное впечатление²¹. Речь шла не только о возможном изменении расстановки сил на Ближнем Востоке не в пользу англичан и эмира, но и о новых рисках для стабильности самой Трансиордании.

Поражение аль-Гайлани в англо-иракской войне в мае 1941 года положило конец контактам Ирака с Германией. Для подавления мятежа британцы привлекли механизированный отряд численностью в 350 человек из состава Арабского легиона, который сопровождал их силы через пустыню и участвовал в ряде военных операций. В Трансиордании её вовлечение в иракскую кампанию получило общее одобрение, но были отмечены выступления против этого²². Так, 3 мая произошла демонстрация учащихся одной из школ. 4 мая около города Ирбиды была совершена диверсия на нефтепроводе и повреждена телефонная связь. В Маане одно из подразделений пограничной стражи отказалось участвовать в иракской операции, и, как подозревал Киркбрайд, это имело скрытую симпатию в других частях. Были отмечены случаи дезертирства²³. Проявления недовольства были незначительны в сравнении с тем, с какими трудностями англичане столкнулись, к примеру, в Египте во время войны, но тем не менее свидетельствовали о наличии оппозиционных настроений.

¹⁹ Mr. A. Kirkbride to Sir H. MacMichael, 20 July 1942 [CO 831/59/16] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 311.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Wilson M.C. King Abdullah, Britain and the Making of Jordan. P. 133.

²³ Report on the political situation for the month of May, 1941 [CO/831/58/2] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 189.

Власти эмирата ужесточили меры безопасности. Последовал запрет на проведение митингов и демонстраций; запрет на любое радиовещание, кроме радиостанций Лондона, Каира и Иерусалима; запрет на передвижение за пределами городов после восьми часов вечера всех автомобилей, кроме имеющих специальное разрешение; усиление охраны коммуникаций за счёт привлечения отрядов лояльных племен; введение наказания для госслужащих, которые будут замечены в распространении дестабилизирующих обстановку слухов²⁴.

В начале июня части Арабского легиона вернулись из Ирака в Трансиорданию. Несмотря на некоторые инциденты на территории эмирата во время иракской кампании, британцы посчитали, что положение в стране не вызывает тревоги, и решили задействовать Арабский легион в войне в Сирии и Ливане, где нарастало германское влияние, приобретавшее опасный характер. В ночь на 8 июня 1941 года британцы и части «Свободной Франции» вторглись на территорию Сирии. Верные вишистам войска оказали упорное сопротивление, что оказалось неожиданным для союзников. Арабский легион принял участие в боях в районе Пальмиры.

К середине следующего месяца в Леванте был установлен совместный англо-французский контроль. Внимание Германии была направлено на подготовку к войне против СССР, что не позволило ей дальше втягиваться в борьбу с Великобританией на Ближнем Востоке.

Абдалла опять подтвердил свою репутацию надёжного партнера Соединённого королевства и рассчитывал на ответную поддержку своего плана создания арабской федерации. С одной стороны, позиции Франции в Леванте однозначно ослабли, и эмир полагал, что у него появился шанс. С другой стороны, в Сирии и Ливане активизировались местные националисты, выступавшие за создание независимых республик, и Абдалле нужно было добиться того, чтобы получение ими независимости, в 1941 году обещанной «Свободной Францией» и гарантированной Великобританией, стало бы предварительным этапом их объединения с Трансиорданией, а не альтернативой ему, хотя сами сирийские националисты не стремились к монархии и подчинению Хашимитам.

Незадолго до похода против вишистов в письме командующему британскими войсками в Палестине и Трансиордании генералу Генри Уилсону эмир Абдалла сообщал о необходимости демилитаризации Сирии, а если её власти откажутся, то оккупации страны. Худшим сценарием правитель считал объединение Сирии и Ирака при поддержке Германии, не уточняя, имеет ли он в виду создание сирийско-иракской федерации или их сотрудничество на антибританской основе²⁵. Таким образом, был очевиден идеальный для Абдаллы сценарий в отношении Сирии: устранение вишистской администрации и её замена хашимитско-британским правящим тандемом.

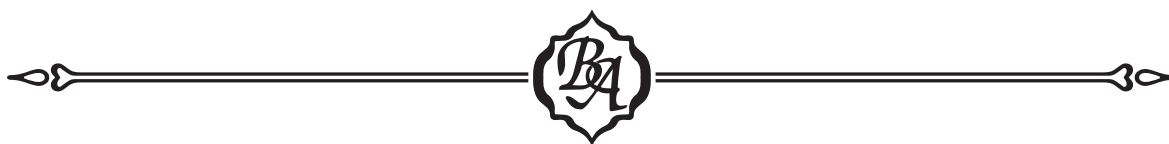
Но с самого начала сирийской кампании действия англичан свидетельствовали, что Лондон не планировал отводить эмиру политическую роль в Сирии и не готов поддержать его амбиции. Так, британцы сообщили Абдалле о начале вторжения в Сирию только в день начала операции, и разочарование эмира было отмечено Киркбрайдом. Он писал, что трансйорданский правитель после капитуляции Франции считал себя свободным от прошлых обещаний британцам не вмешиваться в сирийские дела и готов был задействовать все возможные средства, чтобы встать во главе Сирии²⁶. Реально симпатии к Абдалле проявляла только часть друзей на юге Сирии, некоторые алавиты и немногочисленные сирийские монархисты из числа местных нотаблей.

Великобритания, рассчитывая потеснить ослабевшую Францию на Ближнем Востоке и обеспечить себе влияние в Леванте, поддерживала движение Сирии и Ливана к независимости. Абдалла, по мнению министра колоний и его подчинённых в регионе, не обладал до-

²⁴ Ibid. P. 190.

²⁵ *Abdullah I, King of Jordan. Memoirs of King Abdullah of Transjordan*. Ed. by Philip P. Graves. London: Jonathan Cape, 1950. P. 235–236.

²⁶ Report on the political situation for the month of June, 1941 [CO/831/58/2] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 191.

статочным авторитетом в Сирии и ресурсами, чтобы реализовать свой план. На осторожную позицию Лондона в сирийском вопросе влияло и яростное сопротивление лидера «Свободной Франции» Шарля де Голля. Не последнюю роль играло нежелание Великобритании портить отношения с сирийскими и ливанскими националистами и ставить под удар свои связи с Египтом, Саудовской Аравией и Турцией, выступавшими против пересмотра границ в Леванте. Наконец, предоставление независимости Трансиордании с большой долей вероятности дестабилизировало бы ситуацию в Палестине, где противостоящие друг другу еврейская и арабская общины ставили вопрос о создании государства. Эти соображения относительно плана «Великой Сирии» были изложены ещё в сентябре 1939 года в секретном меморандуме министерства колоний и повторялись в переписке чиновников на протяжении всей Второй мировой войны и послевоенного времени²⁷.

1 июля 1941 года правительство Трансиордании, якобы по своей инициативе, подготовило обращение к эмиру, в котором подчеркивались исторические связи Сирии и Трансиордании и необходимость воссоединения регионов исторической Сирии в рамках одного государства²⁸. 2 июля эмир ознакомил Киркбрайда с текстом обращения. Премьер-министр Тауфик-паша во время отдельной встречи с резидентом рассказал, что на самом деле инициатива исходила не от правительства, а от эмира, и что, по мнению главы кабинета министров, она преждевременная. Тауфик-паша не разделял надежд эмира на то, что в Дамаске готовы сделать выбор в пользу монархии, напоминая, что в принятом в 1930 году Органическом статуте (конституции) Сирия провозглашалась республикой²⁹.

Перед британскими колониальными чиновниками стояла сложная задача – удержать Трансиорданию от действий на сирийском направлении и открытых публичных заявлений насчёт «Великой Сирии». Активность эмира обсуждалась новым министром колоний бароном Уолтером Гиннессом Мойном и верховным комиссаром Великобритании в Палестине и Трансиордании Гарольдом МакМайклом в их переписке летом 1941 года. Они анализировали ситуацию, не пренебрегали деталями и согласовывали линию поведения в отношении Абдаллы, стараясь сохранить с ним хорошие отношения, но не допустить самостоятельных и преждевременных действий с его стороны. В итоге британцы уклонились от прямого ответа. Обращает на себя внимание тот факт, что в переписке между министром и верховным комиссаром появляется идея в качестве компенсации после войны предоставить Трансиордании независимость³⁰.

Таким образом, весна и лето 1941 года принесли Абдалле больше разочарований, чем положительных результатов. Тревога по поводу переворота в Багдаде сменилась воодушевлением из-за военных операций в Ираке, Сирии, Иране³¹ и начала войны между Германией и СССР в июне 1941 года. Это укрепило позиции метрополии на Среднем Востоке и обезопасило Трансиорданию, но Абдалле не удалось извлечь из этого существенной выгоды.

Вскоре эмиром вновь овладели сомнения в военной эффективности Великобритании и её союзников. По свидетельству Киркбрайда, энтузиазм Абдаллы, возникший сразу после всту-

²⁷ Memorandum respecting Arab Federation, 28 September 1939 [CO 732/8621] // Ibid. P. 64–69; Telegram from Sir H. MacMichael to Secretary of State for the Colonies, 6 July 1941 [CO/831/59/11] // Ibid. P. 238; Telegram from Sir H. MacMichael to Secretary of State for the Colonies, 12 July 1941 [CO/831/59/11] // Ibid. P. 242 и далее разделы, посвящённые плану «Великой Сирии» в пятом томе «Records of Jordan...».

²⁸ Translation of statement submitted by Council of ministers to the Amir Abdullah, 1 July 1941 [CO/831/59/11] // Ibid. P. 243.

²⁹ Telegram from Sir H. MacMichael to Secretary of State for the Colonies, 6 July 1941 [CO/831/59/11] // Ibid. P. 237.

³⁰ Telegram from Sir H. MacMichael to Secretary of State for the Colonies, 6 July 1941. [CO/831/59/11] // Ibid. P. 238; Telegram from Secretary of State for the Colonies to Sir H. MacMichael, 10 July 1941 [CO/831/59/11] // Ibid. P. 239–240.

³¹ Имеется в виду ввод британских, австралийских и советских войск в Иран в августе – сентябре 1941 года с целью обеспечения безопасности и интересов стран антигитлеровской коалиции.

пления в войну США в декабре 1941 года, сменился глубоким беспокойством из-за поражений союзников от японцев в первой половине 1942 года. В январе ими были потеряны Малайя и Сингапур, в марте Голландская Ост-Индия, в мае Бирма и Филиппины. Абдалла отмечал, что война с Японией оттягивала часть ресурсов Британской империи с Ближнего Востока, союзники были не готовы к открытию второго фронта в Европе, а немцы вели наступление на юге СССР³².

После иракской и сирийской кампаний наибольшую угрозу Амман видел в присутствии в Северной Африке немецкого Африканского корпуса генерала Эрвина Роммеля, прибывшего в Ливию на помощь итальянцам в феврале 1941 года. Германо-итальянские войска представляли немалую угрозу для Египта и морских коммуникаций через Суэцкий канал. Британская армия в ходе второго наступления в Киренаике (операция «Крестonosец» с середины ноября по конец декабря 1941 года) несколько потеснила, но не смогла отбросить силы Роммеля в Триполитанию и остановилась на границе двух областей. В мае 1942 года началось второе наступление Роммеля, в результате которого 11 июня британские и французские части отступили в Египет, а 20 июня англичане потеряли Тобрук – важный порт в Киренаике в ста с лишним километрах от египетской границы.

В начале июля 1942 года Киркбрайд докладывал в Иерусалим, что в июне в Трансиордании широко распространилось мнение, что если войска держав Оси доберутся до границ эмирата, то сдержать их вряд ли получится³³. Премьер-министр Тауфик-паша, 10 июля посетивший резидента, доверительно сообщил, что Абдалла якобы убеждён, что британцы проиграют в войне. Эмир, по словам главы правительства, не исключал, что может так случиться, что ему придётся иметь дела с державами Оси.

К сообщению Тауфика-паши МакМайкл и Киркбрайд отнеслись с некоторой скидкой на то, что у премьер-министра были трения с Абдаллой, но заключали, что при этом глава правительства ему предан и в целом описывает настроения эмира верно. Эмир воспринимался как лояльный правитель, и британцы ожидали, что как только ситуация в Ливии изменится в их пользу, эмоциональное состояние Абдаллы вновь изменится³⁴.

Малоизвестной страницей истории иорданских вооружённых сил, о которой упоминает Глабб, является четырёхмесячное присутствие военных Арабского легиона на Синайском полуострове во второй половине 1942 года, где они знакомились с театром возможных боевых действий³⁵.

К началу сентября 1942 года британцам удалось остановить Роммеля, и с октября войска под командованием британского генерала Бернарда Монтгомери перешли в успешное наступление, продолжавшееся до мая 1943 года. В начале ноября они прорвали оборону германо-итальянской группировки, и спустя месяцы Монтгомери одержал победу во второй битве при Эль-Аламейне.

Как и ожидалось, известие о начале британского наступления опять изменило настроения в Трансиордании, породив оптимизм в отношении хода войны. Киркбрайд сообщал, что Абдалла был убеждён в необходимости дополнить успехи в Северной Африке открытием второго фронта в Западной Европе³⁶. Глабб отправился в Каир и предложил британскому ко-

³² Mr. A. Kirkbride to Sir H. MacMichael, 20 July 1942 [CO 831/59/16] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 311–312.

³³ Report on the political situation for the month of June, 1942 [CO 831/58/3] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 292.

³⁴ Telegram from Sir H. MacMichael to Secretary of State for the Colonies, 14 July 1942 [CO 831/59/16] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 294.

³⁵ Glubb J.B. The Story of the Arab Legion. London: Hodder and Stoughton, 1956. P. 350; The Historical Encyclopedia of the Jordan Armed Forces... P. 27.

³⁶ Situation report on Transjordan for the month of November, 1942 [CO 831/58/3] // Records of Jordan. 1919–1965. Vol. 5. P. 295.

мандованию привлечь Арабский легион для участия в боевых действиях в Италии. Трудно сказать, что именно стояло за этим предложением: честолюбие британского офицера или желание трансйорданского эмира принять как можно более активное участие в войне на стороне Британии, или же и то, и другое. Командование отклонило инициативу Глабба, так как нужно было в помощи Арабского легиона в обеспечении безопасности в Палестине и охране коммуникаций от Хайфы до Багдада, по которым шли поставки по ленд-лизу в СССР и перекачивалась иракская нефть³⁷.

По воспоминаниям Глабба, трансйорданский легион планировалось задействовать в обеспечении безопасности в британской зоне оккупации в Иране, где поведение местных племён угрожало транспортному сообщению с Советским Союзом. В январе 1943 года батальон был отправлен из Синая в Багдад, затем продвинулся в направлении Ирана и достиг города Ханакина, однако из-за отмены приказа в самый последний момент подразделение развернули обратно, так и не дав пересечь иранскую границу³⁸. В 1944 году обсуждалась возможность отправки Арабского легиона на Балканы, но это не понадобилось из-за поспешного отступления вермахта³⁹.

* * *

С 1943 года, после ликвидации военной угрозы Великобритании на Ближнем Востоке и перелома в борьбе СССР против Германии и США против Японии, военная тема применительно к эмирату уходит из сообщений британских колониальных чиновников. Для Трансиордании был характерен «узкий» подход к войне, пик интереса к которой пришёлся на 1940–1942 годы, так как зависел от событий на Ближнем Востоке с акцентом на угрозы и возможности для эмирата. В последние годы войны Абдалла был полностью сосредоточен на продвижении плана «Великой Сирии», сопротивлялся египетской инициативе создания Лиги арабских государств, которая противоречила его проекту хашимитской федерации, был озабочен будущим Палестины, где усиливалась борьба сионистов за создание еврейского государства, и добивался получения Трансиорданием независимости.

Участие Трансиордании в войне после кампаний в Ираке и Сирии 1941 года ограничивалось помощью англичанам в обеспечении безопасности на подмандатных территориях, что позволило не привлекать британские войска с других направлений. Широкое использование Арабского легиона потребовало увеличения его численности и оснащения за счёт британской казны. В итоге к моменту получения независимости Трансиордания обладала опытной и достаточно сильной по меркам региона 8-тысячной армией, благодаря чему относительно успешно участвовала в первой арабо-израильской войне, по итогам которой присоединила Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан.

³⁷ The Historical Encyclopedia of the Jordan Armed Forces... P. 30.

³⁸ Glubb J.B. The Story of the Arab Legion. P. 351-352; The Historical Encyclopedia of the Jordan Armed Forces... P. 27.

³⁹ Ibid. P. 353.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНДИИ ВРЕМЁН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2024 году издательство Института востоковедения РАН опубликовало монографию Евгении Юрьевны Ваниной «Бхопал: “туземное государство” в колониальной Индии». Это история княжества Бхопал, расположенного в Центральной Индии. Когда Евгения Юрьевна только приступила к разработке этой темы и опубликовала первую статью, где в названии был топоним «Бхопал», к ней обратился Сергей Константинович Завриев и сообщил, что его дальние родственники, Вера Михайловна и Марк Маркович Любоцинские, прожили в Бхопале семь лет, с конца 1938 по 1946 год. Марк Маркович работал управляющим княжескими гостевыми дворцами, а Вера Михайловна, оказавшись вырванной из привычного окружения, решила записывать свои наблюдения и переживания и вела Дневник¹. Его сокращённая версия хранится в семейном архиве Любоцинских-Старицких-Вернадских. Так этот интересный источник по истории Индии времён Второй мировой войны в сокращённом виде стал известен Е.Ю. Ваниной, а после выхода её монографии в свет – и другим индологам.

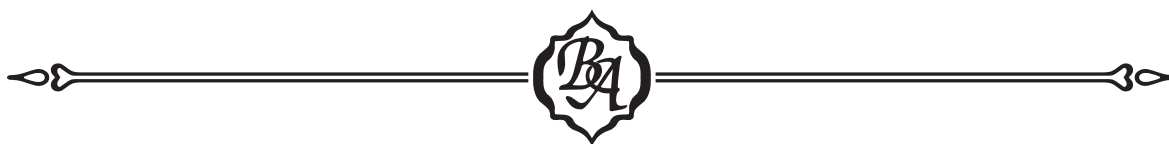
Вера Михайловна Любоцинская (урожденная Герценштейн, 1894 или 1897–1978) была младшей дочерью в семье Михаила Яковлевича Герценштейна и Анны Васильевны Пчёлкиной. Её отец окончил экономический факультет Новороссийского университета, ездил в Европу для получения дополнительных знаний по разным аспектам аграрного вопроса. Он был видным деятелем кадетской партии, аграрная программа этой партии в первой Государственной Думе, членом которой он был, в значительной степени основывалась на его разработках. 18 июля 1906 года во время прогулки с женой и старшей дочерью Анной он был убит черносотенцами. Анна (ей посвящён Дневник) была легко ранена.

Вера Михайловна училась в Гейдельберге, в Мюнхене занималась рисованием в одной из художественных студий. В 1918 году она вышла замуж за знакомого с детства (ещё их отцы были приятелями) Марка Марковича Любоцинского-младшего (1891–1980).

М.М. Любоцинский происходил из большой старой дворянской семьи Любоцинских-Старицких². Вот что писал о нём его отец Марк Маркович Любоцинский-старший: «Года за два

¹ SK_ 1510_ 4293, Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky, Slovenský národný archív (Словенский государственный архив), fond Michal Hercenštejn, nespracovný, škatuľa č. 1 – Denník Viery Lubošinskej. Далее – Дневник.

² Отец М.М. Любоцинского Марк Маркович-старший (1865–1953) был по образованию юристом, но после женитьбы купил захудалое имение Никольское-Бистром в Тамбовской губернии, очень быстро превратив его не просто в хорошее, а в образцово-показательное, о нём писали в книге «Образцовые хозяйства России». В семье было 9 детей, и когда подошло время давать им образование, в 1903 г. он купил усадьбу с большим садом в Москве. В заново отстроенном и приведённом в порядок доме часто бывали Шаховские, Кокошкины, Бакунины, Новгородцевы, Булгаковы, Старицкие и др. друзья и родственники хозяев. Академик В.И. Вернадский был частым гостем, поскольку они с Марком Марковичем были женаты на сёстрах Старицких. Чтобы отгородиться от шума улицы, перед домом в 1912 г. возвели элитный многоквартирный доходный дом, где сдавались квартиры московской интеллигенции. В доме часто бывали Кардовские, Викентий Вересаев, Николай Кун, Дмитрий Шаховской, Николай Бартрам, Максимилиан Волошин, Владимир Шилейко, Анна Ахматова и многие другие. В настоящее время этот дом по адресу Зубовский бульвар, д. 15, стр. 1 стал центральным зданием Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, и летом 2019 г. после капитального ремонта он был открыт для посетителей.

до окончания ...гимназии Маркуша ...стал интересоваться хозяйством Никольского, принимая участие в посильных для него сельскохозяйственных работах. Радуюсь этому, я старался приохотить его к работе... Становясь старше, он во время сенокоса любил ездить на сенокосилке, во время уборки урожая на жатке, возил на арбе копны с поля, клал скирды и участвовал в работах и личным примером, с присущим ему приветливым обращением и разговорами, повышал у рабочих настроение. Каждый день, по вечерам, по собственному желанию, он ходил со мной в контору, где я с Григорием Николаевичем записывали все работы, производившиеся за день, так же, как и приходно-расходные записи по всем отраслям хозяйства... Маркуша высказывал желание по окончании гимназии поступить в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, то есть продолжать то дело, которое я любил по призванию и занимался всю жизнь... Нам радостно было думать, что по приведении мною Никольского хозяйства в порядок (см. изданную Министерством земледелия и государственных имуществ книгу "Образцовые хозяйства в России"), Маркуша будет нашим заместителем в этом крайне важном для России деле и что он осуществит моё желание превратить Никольское в опытно-показательное по всем отраслям хозяйство, которое было бы как школой как для населения, так и для приезжающих практикантов. Я также мечтал о будущей работе Маркуши в Земстве, учреждениям которого с участием в них образованных, идейных, общественно мыслящих работников, я был уверен в этом, предстояла большая будущность в государственном строительстве. Но по совету В.И. Вернадского Маркуша по окончании гимназии поступил не в Петровскую сельскохозяйственную академию, а на естественный факультет Московского университета, в котором, по мнению Владимира Ивановича, преподавание естественных наук было поставлено лучше, с тем, чтобы через два года перейти в Петровскую Академию, с зачётом пройденных им в Университете предметов. Посещая Вернадских, я и Аня познакомились у них с профессором геологии Яковом Владимировичем Самойловым³ и его семьёй. ...Я в своих беседах с ним указывал, что, кроме ясно выраженной у Маркуши любви к сельскому хозяйству, я замечаю у него определённо сказывающуюся толковость, практичность и административно-управленческую одарённость и зоркость. Яков Владимирович, часто бывая у нас, заинтересовался Маркушей и, чтобы развить в нём самостоятельность, инициативу, деловитость, административные способности и кругозор, посоветовал нам воспользоваться открывающимся этим летом в Соединённых Штатах Америки в 1913 году Геологическим конгрессом, на который он собирался поехать сам, а также и Владимир Иванович Вернадский»⁴.

К сожалению, планам отца не суждено было сбыться, вмешались Первая мировая война и революция. Летом 1917 года Марк Маркович окончил Константиновское артиллерийское училище, и 1 июля 1917 года приказом по армии и флоту был произведён в прапорщики из юнкеров по полевой лёгкой артиллерии⁵. Не известно, успел ли он поучаствовать в военных действиях, но территориально он находился где-то на юге⁶ и в 1919 году был призван в До-

³ Самойлов Яков Владимирович (1870-1925) минералог, геохимик и литолог, профессор, ученик Вернадского, преподавал во многих учебных заведениях Москвы, в том числе в Московском университете.

⁴ *Завриев С.К.* Семейный альбом. По материалам семейного архива Любоцинских-Старицких-Вернадских. Рукопись. С. 171.

⁵ <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/53635-s-1-po-31-iyulya-1917-goda-1917#mode/inspect/page/23/zoom/4>

⁶ Вернадский вспоминал о встрече с Любоцинскими в Таганроге: «Вчера весь день провёл в Таганроге. Интересно рассказывал[и] Марк и Вер[а] Любоцинские про ДА (Добровольческую Армию. – *Авт.*) Огромное стремление к наживе, много добычи при грабеже «совет[ских]» учреждений. «Герои» продают, делают подарки, кутят – но затем действительно совершают чудеса храбрости. Это растущая *soldatesque*, которая ни к чему не пригодна в мирное время. Сейчас по мере роста ДА, её побед, среди них идёт разговор о войне с поляками, румынами для восстановления старых границ Рос[сии]. Патриотическое чувство отходит на второй план перед выгодностью военной карьеры и тем простором, какой она открывает для таких натур. Но это то же, что делало такой страшной армию Наполеона и т. п. Удивительно, как одинаково следствие. Идущее восстановление армии может изменить всю картину войны» (*Вернадский В.И.* Дневники 1917-1920. Киев: Наукова думка, 1994. С. 161).

бровольческую Армию. Он служил при авиаотряде⁷, в составе которого воевали английские лётчики. Здесь пригодилось его знание английского языка.

Здесь же, на юге, он женился на Вере Михайловне Герценштейн.

После окончания Гражданской войны Марк и Вера эмигрировали в Чехословакию. Им пришлось сменить несколько мест работы⁸, прежде чем из Словакии от одного из их старых знакомых пришло приглашение в город-курорт Пьештяны. Сначала Марк служил секретарём в «Гранд Отеле Рояль», потом перешёл в самую фешенебельную гостиницу в городе – «Термиа Палац». Представительный, с аристократическими манерами и в то же время демократичный, готовый выполнять все желания гостей Марк Любошинский вскоре стал директором отеля. Жизнь налаживалась и с материальной точки зрения, и во многих других отношениях (славянский, близкий к русскому язык, похожая на русскую культурная среда и т.д.). Должность директора ведущего отеля города позволила им занять достаточно высокое положение в местном обществе, деловые качества Марка Марковича тоже не остались незамеченными. Составитель современного справочника «Русские в Словакии» А.В. Чумаков называет его князем и отмечает его заслуги: «Аристократ, прекрасно владеющий пятью языками, человек высокообразованный, обладающий знаниями и опытом, приобретённым во время службы при царском дворе⁹, он был настоящей находкой для пьештянского курорта»¹⁰.

Здесь же, в Пьештянах жила сестра Веры Анна с матерью Анной Васильевной. Вера с Марком, как могли, поддерживали их¹¹. Анна Васильевна скончалась 14 июня 1939 года¹². В 1925 году к ним приезжал младший брат Марка Марковича Павел. Он был на 18 лет младше Марка и был его крестником. Не имея собственных детей, Вера относилась к нему, как к сыну¹³. В 1932 году Марк заплатил выездную пошлину («выкупил») в 60 тыс. золотых рублей, и Марк Маркович-старший был выпущен из СССР. Он жил с Павлом в Болгарии¹⁴, но навестил и Веру с Марком¹⁵.

Конечно, не всё было безоблачно. Павел Маркович писал в 1925 году отцу: «Ты просишь написать, как здесь проходит день. Маркуша встаёт часов в 8 и сразу убегает куда-то, не то на кухню, не то в подвал. Наблюдает, как пекут хлеб хлебопекарни. Целый день он всё бегают, смотрит, показывает на ходу. Но это всё ещё ничего, но против него интригуют и сверху и снизу, т.к., когда поступил, был мелкой сошкой, и многие, которые у него работают теперь на кухне, гоняли его как мальчишку. Во главе стоят два американца, которые друг друга ненавидят и стараются друг друга спихнуть, т.е. Маркуше приходится быть и “нашим”, и “вашим”, чтобы не слететь с одним из них»¹⁶.

Но это были мелкие проблемы по сравнению с приходом к власти в Германии Гитлера.

⁷ Вернадский В.И. Дневники 1917-1920. С. 145.

⁸ Например, одно время Марк Маркович работал официантом, потом оба служили в American Methodist Episcopal Church, Вера – главным библиотекарем, Марк – мелким клерком в благотворительной организации при церкви.

⁹ М.М. Любошинский не был князем и никогда не служил «при царском дворе».

¹⁰ Чумаков А.В. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. Братислава: Stredná odborná škola polygrafická, 2008. С. 132

¹¹ Завриев С.К. Семейный альбом. С. 221.

¹² Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. В 6-ти томах. Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ; изд-во «Пашков дом», 1999. Т. 2. С. 82.

¹³ Завриев С.К. Семейный альбом. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 227.

¹⁵ Там же. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 218.

Отец Веры, Михаил Яковлевич Герценштейн, крестился перед вступлением в брак с православной Анной Васильевной Пчёлкиной, т.е. Вера по бумагам была православной, но по нацистской идеологии имела значение только кровь, поэтому в случае оккупации Словакии её могла ждать незавидная участь.

Курорт Пьештяны был знаменит своими термальными сероводородными водами и серными грязями. Он был особенно популярен в 30-е годы, перед Второй мировой войной. Ездить «на воды» было модно, и отдохнуть и полечить ревматизм сюда приезжали не только состоятельные люди всей Европы, но и индийские князья из Патиалы, Хайдарабада, Куч Бехара, Техри Гархвала и др. Обходительный, приветливый, Марк Маркович был тем человеком, с которым они сталкивались по приезду и при возникновении каких-либо проблем. Знание нескольких европейских языков помогало, он прекрасно управлял большим хозяйством отеля и был в тёплых отношениях со всеми, в том числе и с приезжими индийскими князьями. Один из них, наваб (князь) Бхопала Хамидулла Хан, правитель княжества в Центральной Индии, пригласил Марка Марковича стать управляющим его многочисленных дворцов.

Любоцинские увидели в предложении Наваба выход из непростой ситуации и осенью 1938 года отправились в Индию. В декабре они добрались до места назначения, проехав через «Сицилию с гигантскими фашистскими лозунгами на скалах; разваливающуюся Францию; осатанелую Германию»¹⁷. Хотя война в Европе ещё не была объявлена, но они уже пережили в Словакии последствия Мюнхенского соглашения и понимали её неизбежность. Может быть, поэтому в Дневнике Вера Михайловна город Бхопал называет Мирпуром¹⁸ – городом мира и спокойствия¹⁹.

Так семья Любоцинских оказалась в Индии. Подписав контракт на три года, они прожили в Бхопале семь лет, и всё это время Вера Михайловна записывала свои наблюдения и переживания в Дневник, как она сама его назвала. Строго говоря, это не дневник, потому что она не вела подневные записи, там обозначены большие промежутки времени: «Лето 1939», «Зима 1938-1939», или какие-то значимые события: «Приезд вице-короля», или их путешествия: «Санчи» и т.п. Только два события автор отметила точной датой: окончание голодовки М.К. Ганди (3.III.1943) и её встреча с Дж. Неру после его освобождения из тюрьмы (16.VI.1945).

Дневник посвящён Анне Михайловне Игумновой (в первом замужестве Левицкая), старшей сестре автора. Её биография известна фрагментарно, далеко не полно. После убийства отца она всё время жила с матерью. В.И. Вернадский в своем дневнике за 1918 год, перечисляя гостей, посетивших их киевскую квартиру 13 ноября, упоминает и «Нюсю Герценштейн (Левицкую) с матерью»²⁰.

Анна Михайловна была по профессии химиком, некоторое время работала с академиком В.И. Вернадским. По-видимому, это сотрудничество имело бы продолжение, если бы не вмешались события 1917 года. В архиве Российской академии наук хранится письмо Анны Михайловны Вернадскому²¹ от 25 декабря 1918 года, где она объясняет, почему не приехала (не

¹⁷ Дневник. С. 2.

¹⁸ Пур – пришедшее из санскрита обозначение помещения, города, крепости; часто вторая часть составного названия города в Индии: Горакхпур, Нагпур, Джабалпур и др.

¹⁹ Несколько слов об этой особенности автора – все главные действующие лица, кроме крупных исторических деятелей (Дж. Неру, Махатма Ганди, Сароджини Найдуду, Джинна, вице-короли Индии) скрыты под вымышленными именами, так же, как и места действия: Бхопал стал Мирпуром, хотя упоминается и Пешавар, и Миссури, и Сарнатх и др. Автор не даёт нам пояснения, почему так, но объяснение напрашивается достаточно простое: Вера Михайловна готовила Дневник к публикации, когда все герои её повествования были ещё в добром здравии, и обнародование внутренней жизни княжеской семьи Бхопала, иногда с достаточно интимными подробностями, могло их ранить. Интересно, что в черновых материалах она составила перечень (чтобы не сбиться?), кого как она назвала в Дневнике.

²⁰ Вернадский В.И. Дневники 1917-1920. С. 126.

²¹ Он в то время находился в Киеве и был первым президентом Украинской академии наук.

ходили поезда). «Дело в том, что здесь рассказывают про Киев всякие ужасы, но никто, конечно, не знает, что там делается на самом деле. Ждут там ещё всевозможных событий, которые могут нарушить всякую возможность нормально жить и работать и т.д. Меня интересует, главным образом, не изменились ли со времени моего отъезда условия работы у Вас. Рассчитываете ли Вы ещё на возможность устроиться в лаборатории? Может быть, Вы уже нашли себе подходящих сотрудников ввиду моего опоздания? Может быть, Вы даже сами не останетесь в Киеве?»²². Каков был ответ и был ли он, неизвестно, но с работой у В.И. Вернадского что-то не получилось.

Первый её брак с Александром Павловичем Левицким (1873–1942)²³, агрономом, зам. директора Института удобрений, не сложился. Она эмигрировала, познакомилась с Иннокентием Николаевичем Игумновым (1884–1922), но он вскоре скончался. В Праге Анна Михайловна дружила, входила в ближний круг Марины Цветаевой. Описывая события, предшествовавшие рождению брата, Ариадна Цветаева пишет: «И вот в один прекрасный день папа побежал за Альтшулером [врач, знакомый этой семьи. – *Авт.*], дико растерялся, позвал Анну Михайловну Игумнову, а я в это время всё перетаскивала в другую комнату, разные вешалки, чемоданы, ведра. <...> Брат мой Георгий родился 1-го февраля 1925 года, в воскресенье. При его появлении присутствовали Анна Ильинична Андреева, Анна Михайловна Игумнова...»²⁴. Немного дальше она называла Анну Михайловну феей хозяйственности, поясняет сама Цветаева: «А вот про Анну Мих<айловну> Игумнову я, тогда перечисляя Муриных нянь, забыла. (Вот она, благодарность!). Дочь убитого Герценштейна. Ярко, жарко-чёрная. Невероятной быстроты речь. Безумие рационализма. Так, напр., однажды вхожу: на столе, свесив ноги, совершенно голый мальчик. – Почему это он... – А я его сейчас буду кормить шпинатом. А так как он его ненавидит и всё потом приходится снимать – и стирать, я сразу снимаю. До еды. (Пояснительно:) Чтобы не стирать. Выкупать – легче»²⁵.

Анна Михайловна вместе с матерью поселились в Пьештянах, семья Любоцинских им помогала, сёстры были очень близки и переписывались в разлуке. Оттуда, из Пьештян, она часто навещала Бродзяны, поместье своей знакомой Натальи Густавовны Фризенгоф (в замужестве Ольденбургской), дочери Александры Николаевны Фризенгоф, старшей сестры Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской. В Бродзянах хранились вещи, книги, мебель, привезенные Александрой Николаевной из России, поместье посещала Наталья Николаевна с детьми. Когда после Второй мировой войны, в середине 60-х годов, возникла идея создания музея, большинство реликвий было утеряно, многое попало в музеи и библиотеки без обозначения их происхождения. В 70-х годах началось восстановление дома и сада и выявление перемещённых из поместья предметов. В этом неоценимая помощь была оказана Анной Михайловной Игумновой²⁶. Литературный музей имени А.С. Пушкина был открыт 15 ноября 1979 года.

Поселившись в одном из дворцов князя, семья Любоцинских постепенно входила в европейское общество Бхопала, обрала знакомства среди местного населения, как индусов, так и мусульман, сближалась с семьёй князя. Особенно дружеские, доверительные отношения сложились с княгиней Бхопала Маймуной Султан (в Дневнике она Бегам²⁷). Вера Михайловна

²² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 4056. Л. 1об.-2.

²³ А.П. Левицкий был впоследствии, в 1930 г., осуждён по делу «Трудовой крестьянской партии» и выслан в Казахстан, после 1934 г. жил в Подмосковье, в оккупации в 1942 г. расстрелян немцами.

²⁴ Цветаева М.И. Сводные тетради. Тетрадь вторая. https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_2tet_16

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее см. Кишкин Л.С. Чехословацкие находки. М.: Советская Россия, 1985. См. также её воспоминания: Игумнова А.М. Воспоминания о Бродзянах // Рукописный отдел ИРЛИ. Фонд 409.

²⁷ Это ещё одна особенность Дневника: в речевом этикете многих народов Востока существует сложная система обращений и наименований. Их выбор зависит от пола, возраста, социального статуса, роли в семье и т.д. Поэтому придерживающиеся этого этикета люди заменяют личное имя почтительной

имела возможность наблюдать взаимоотношения, точнее – интриги внутри княжеской семьи, других правителей княжеств Индии, посещавших княжество Бхопал. Следует непременно иметь в виду и разделять то, что Вера Михайловна наблюдала сама при дворе наваба Бхопала, и то, что ей удалось собрать и записать из других источников, потому что главными источниками информации были многочисленные слуги-индийцы или обслуживающий персонал из англичан (учителя детей князя, гувернантки и гувернёры и т.п.). Если изложенные факты не подтверждаются другими источниками, то, скорее всего, это были просто сплетни.

Шла Вторая мировая война, и хотя на территории Индии сражения не происходили, страна жила по военному положению, но плюс к этому разворачивалось мощное национально-освободительное движение, приведшее к обретению Индией свободы. Это ставило перед княжеством Бхопал, где индусским населением правила мусульманская династия, стремившаяся соединиться с единоверцами, неразрешимый вопрос: «Как, не имея границ с Пакистаном, стать его частью?» Все эти события проходили перед русской эмигранткой, и постепенно она начинает в них разбираться и даже становится их участницей.

Все эти острые проблемы, интересные эпизоды из жизни княжества, путешествия по окрестностям города Бхопал и в отдалённые уголки Индии описаны живо и интересно.

Вернувшись в Пьештяны, семья Любошинских обнаружила, что отношение к ним, русским эмигрантам, изменилось далеко не в лучшую сторону. Марку Марковичу с трудом удалось найти работу, но уже где-то в отеле в горах. Вера Михайловна, всегда имевшая некоторые гуманитарные амбиции (она неплохо рисовала, её рисунки сохранились в Словацком государственном архиве), намеревалась издать свой дневник и готовила рукопись к публикации. По-видимому, этим объясняется современный вид рукописи, которая представляет собой несколько тетрадей, исписанных двумя аккуратными разборчивыми почерками с редкими, кое-где встречающимися вставками. Общий объём рукописи – более 18 авторских листов. Такое впечатление, что рукопись подверглась определённой редактуре, а потом была переписана набело. На полях практически все имена собственные, топонимы, некоторые местные достопримечательности и названия дублируются латиницей, в некоторых местах на полях есть перевод денежных единиц в кроны, в одном месте в тексте стоит: «...на наши деньги 150 крон...»²⁸, т.е. автор хотела перевести и издать рукопись в Словакии. Но этому не суждено было случиться при её жизни.

Позже, в 80-е годы, Марк Маркович привёз в Россию и оставил родственникам некую копию Дневника, как оказалось, далеко не полную. Ещё одна копия была передана родственнице в Бельгию. Самая полная копия хранится в Государственном архиве Словакии.

В XXI веке Дневник Веры Михайловны Любошинской наконец увидел свет сначала на словацком языке (*Dušan Deák and Anna Ráková* (eds.) *Indický denník Vieri Lubošinskej*. Piešťany: Balneologické múzeum, 2006.), чуть позже на английском (*The Indian Diary of Vera Luboshinsky (1938-1945)*. Ed. and Translated by Dušan Deák, Rowenna Baldwin. Oxford University Press, 2024). Сейчас идёт подготовка к изданию Дневника в оригинале с предисловием и научным комментарием.

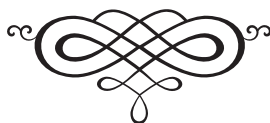
В английской мемуаристике по Индии есть значительное количество изданных дневников, воспоминаний и др., написанных жёнами служащих Ост-Индской компании, британских

формой обращения – обозначением семейного или служебного статуса («сестра», «дочка», «невестка», «учитель», «учёный» и др.) или присваивают какое-либо новое имя. Например, Султан-Джахан-бегам, правившую княжеством Бхопал в 1901–1926 гг., все звали Саркар Амман (правитель-матушка). В глубине этой традиции кроется стремление скрыть личное имя из страха перед каким-то вредоносным воздействием, сглазом. Но в случае с Бхопальской княгиней в обращении Бегам больше придворного этикета, даже приближённые и друзья должны были употреблять почтительную форму обращения и называть княгиню и князя по титулу, не указывая личное имя, так как это было бы крайней формой непочтительности.

²⁸ Дневник. С. 48.

колониальных деятелей, военных и др., которые служат прекрасными источниками по истории Индии разных периодов, потому что они зачастую, показывая повседневную жизнь европейцев и индийцев, рисуют другую Индию, отличную от Индии и их мужей, и европейских путешественников. Дневник Веры Михайловны Любоцинской займёт своё достойное место в этом ряду.

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-94-97

В.Г. Бухерт

Н.Г. АПОЛЛОВА О ПРИСОЕДИНЕНИИ АЛТАЯ К РОССИИ

16 сентября 1955 года секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС Н.М. Киселёв¹ обратился к известному историку, академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР М.Н. Тихомирову² с просьбой поручить Институтам истории и этнографии Академии наук СССР установить точную дату присоединения Алтая к России «с указанием официального документа, на котором основывается эта датировка»³. В ответ на соответствующий запрос Отделения исторических наук Институт этнографии прислал справку, подготовленную Л.П. Потаповым⁴, а Институт истории – подготовленную Н.Г. Аполловой⁵. Копии этих справок 20 декабря 1955 года были высланы в Горно-Алтайск⁶.

Л.П. Потапов писал, что ему неизвестна дата официального присоединения территории Горного Алтая к России, «если таковое было когда-либо зафиксировано в законодательстве Российской империи»; датой же принятия в русское подданство алтайцев, «кочевавших с древних времён в Горном Алтае», он называл 1756 год⁷, ссылаясь, в частности, на материалы Омского архива, опубликованные Г.Н. Потаниным⁸.

Мнение Н.Г. Аполловой, известной к тому времени своей работой по истории присоединения Казахстана к России⁹, а впоследствии и другими опубликованными исследованиями¹⁰,

¹ Киселёв Николай Михайлович (1922–1976) – секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС (1955–1960).

² Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) – историк, академик АН СССР (с 1953 г.).

³ АРАН. Ф. 457 (Отделение истории Российской академии наук). Оп. 1 (1945–1953). Д. 442. Л. 1.

⁴ Потапов Леонид Павлович (1905–2000) – этнограф, зам. директора Института этнографии АН СССР (с 1948 г.). (См. о нём: Леонид Павлович Потапов: К 90-летию со дня рождения: [Библиогр. указ.]. СПб., 1995).

⁵ Аполлова Наталия Геннадиевна (1898–1993) – историк, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР (1946–1955), Института истории АН СССР (1955–1970). (См. о ней: Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 29–30).

⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1953). Д. 442. Л. 2.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – географ, этнограф, публицист и фольклорист (См.: Материалы по истории Сибири // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1866, № 4. С. 1–128).

⁹ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948.

¹⁰ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Она же. Рукоприкладства как источник для изучения социальных отношений в Казахстане во второй половине XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сборник статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 336–340; Она же. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 456–462; Она же. Опыт поливного земледелия казахов и каракалпаков в районах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи в XVII – первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1969. Сб. 7: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. С. 99–116; Она же. Историческое значение торговых связей России со Средней Азией (конец XVI – XVII в.) // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 332–338; Она же. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.

не было столь однозначным. В своей исторической справке она относила присоединение северного Алтая к России к первой половине XVII века, а южного – к первой половине XVIII века, в связи с «военной угрозой цинских феодалов». Важным для решения вопроса о времени окончательного присоединения Алтая к России Н.Г. Аполлова считала проблему «двоеданчества». Она писала, что «подданство России значительной части населения Алтая и в первой половине XVIII века было номинальным», поскольку они платили дань и России, и джунгарским феодалам, а «двоеданчество» было ликвидировано лишь специальным соглашением России и Китая 1865 года¹¹.

Дата на справке Н.Г. Аполловой отсутствует, но её можно датировать временем присылки в Отделение исторических наук АН СССР (6 декабря 1955 года).

К вопросу о присоединении Алтая к России

(Историческая справка)

Присоединений тюркоязычных народностей Алтая к Русскому государству (принятие русского подданства) происходило в разное время в течение XVII и первой половины XVIII вв. в процессе освоения Русским государством южной Сибири. Оно совершалось в трудной обстановке, во время агрессии киргизских феодалов (князцов)¹², вдохновляемой завоевательными планами правящей верхушки Джунгарии (XVII в.), а затем в условиях военной угрозы со стороны цинских феодалов (первая полов[ина] XVIII в.). В XVII веке джунгарский хун-тайджи считал своими данниками (кыштымами) шорцев (кузнецких татар), кумандинцев, тубаларов и тау-телеутов. Поэтому продвижение русских в южную Сибирь встречало упорное сопротивление киргизских князцов, обитавших по Енисею, и джунгарских феодалов. Не менее трудной была внешнеполитическая обстановка Алтая до присоединения его к Русскому государству. Широкие массы трудящегося населения были обременены всевозможными поборами «своих» феодалов (зайсанов).

Для значительной части населения Алтая и смежных с ним районов присоединение к России было добровольным актом. В 1605 году изъявили желание принять русское подданство телеуты, обитавшие по Оби. Оформление их подданства произошло в Томске в 1609 году¹³.

Присоединение народностей северного Алтая совершалось разновременно в течение первой половины XVII века. Так, например, присоединение шорцев произошло в первой четверти XVII века. В 1618 году был заложен Кузнецкий острог, ставший в скором времени базой для распространения русского влияния на Алтае. В 1627 году было присоединено к Русскому государству население верховий Мрассы¹⁴, в 30-40 годах XVII века население, обитавшее в районе реки Бии (кумандинцы, тубалары) и в районе Телецкого озера (телесы)¹⁵.

Присоединение к России южного Алтая произошло позднее, в первой половине XVIII века. Большое значение в этом событии имели развивавшиеся экономические и политические связи Русского государства с южными районами Сибири и присоединение к нему северного Алтая.

¹¹ Имеется в виду Чугучакский протокол, подписанный Россией и Китаем 25 октября (7 ноября) 1864 года. Летом 1865 года состоялось принесение алтайцами торжественной присяги на верность России.

¹² «Среди киргизских князей наиболее агрессивным был Иренак, совершавший непрерывные нападения на алтайцев и на русские пограничные селения» (прим. Н.Г. Аполловой).

¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 316-317.

¹⁴ Русская историческая библиотека. Т. VIII. 1884. С. 474.

¹⁵ «В 1663 году казачий отряд, возглавляемый П. Сабанским, добравшись до реки Бии и Телецкого озера, обложил ясаком телесского князя Мандрака (*Фишер*. Сибирская история. СПб., 1771, стр. 457). В 1646 году был отправлен из Кузнецка на Телецкое озеро пятидесятник Иванов для оформления присяги (шерти) на подданство телесов и обложил их ясаком» (прим. Н.Г. Аполловой).

Значительную роль в присоединении к России южного Алтая сыграл и внешнеполитический фактор. А именно военная угроза цинских феодалов.

Осенью 1755 года алтайские зайсаны, опасаясь нападения цинских феодалов, обратились к русскому пограничному начальству с просьбой принять их в подданство России и в целях защиты от врага «пропустить их внутрь империи». В том же году 12 алтайских зайсанов (Омбо, Кулчугай, Кутук и др.) в своём письме к полковнику де Гарригу просили: «Дай нам людей на сбережение. Збереги от злого времени в нашей земле, где вам поглянется строите города. Ныне у нас белый государь»¹⁶. Так алтайские феодалы выражали свои надежды на русское подданство, считая себя и весь народ Алтая подданными русского царя.

Поскольку в числе алтайских зайсанов были джунгарские феодалы (тайджи), освоившие земли и на Алтае, царское правительство весной 1756 года предписало сибирскому губернатору переселить последних, как русских подданных, в низовья Волги, на территорию Калмыцкого ханства¹⁷. Но большинство алтайских зайсанов, отказавшись от переселения на Волгу, осталось кочевать на Алтае.

Однако подданство России значительной части населения Алтая и в первой половине XVIII века было номинальным, так как алтайцы не освободились полностью от власти джунгарских феодалов. Пять шорских кондомских волостей из шести ещё в 40-х годах XVIII века были на положении двоedanческих: они платили ясак Русскому государству и аламан джунгарскому хун-тайджи¹⁸. В том же положении двоedanцев оказалась часть теленгитов, обитавших в долине реки Чуи: кроме ясака им приходилось платить ежегодно аламан пушниной (по 2 соболя и 60 белок с человека) цинским властям.

Двоedanческое положение чуйских алтайцев было упразднено лишь в 1865 году по договорённости царского правительства с цинскими властями, после чего они стали платить ясак только русскому царю.

Указом 1 мая 1747 года земли южных алтайцев были приписаны к Алтайскому округу с возникшими здесь Колывано-Воскресенскими заводами. В пределах горной части округа алтайцам была отведена территория, составлявшая в 1811 году (так называемые «калмыцкие стойбища») 110.000 кв. вёрст, на которых они могли кочевать. Границей её считались владения Колывано-Воскресенской линии, соединявшей Колывано-Воскресенские заводы А.Н. Демидова¹⁹ с Иртышом и часть Кузнецкой линии, примыкавшей к ним, которая в 60-е годы XVIII века была усилена новыми укреплениями, начинавшимися от Бийска, и была переименована в Бийскую казачью линию.

Всё более усиливалось тяготение русского крестьянства к горному Алтаю. На первых порах сюда переселялись главным образом крестьяне, бежавшие от крепостного гнёта. В конце XVIII века в долине реки Коксы образовались две деревни – Кокса и Уймон. Основную массу населения последней составляли русские поселенцы и оседлые кумандинцы, переселившиеся сюда с предгорий Алтая. В начале XIX века в юго-восточной части Алтая поселились русские старообрядцы, образовав Нижний Уймон. В 1825 году к югу от Колывано-Воскресенской линии уже насчитывалось 20 русских селений, составивших Алтайскую волость.

¹⁶ *Шашков С.* Рабство в Сибири. Рапорт полковника де Гаррига от 22 февраля 1756 года // *Шашков С.* Собр. соч. 1898. Т. II. С. 526.

¹⁷ «По данным Г.Н. Потанина («Материалы для истории Сибири», «Чтения», кн. 4-я, 1866, стр. 92), в 50-х годах XVIII века переселились с Алтая в низовья Волги 566 семей (2284 чел.)» (прим. Н.Г. Аполловой).

¹⁸ «Так, например, двоedanцы – татары, кочевавшие на реке Майме (правый приток Катуня), платили ежегодно ясак по одному соболю с человека и аламан по 5 соболей с человека; кумандинские татары, кочевавшие в низовьях Лебеда, платили ясак по 2-3 соболя с человека и т.д. (См. *Л.П. Потанов.* Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 173)» (прим. Н.Г. Аполловой).

¹⁹ Демидов Акинфий Никитич (1678–1745) – русский предприниматель.

Вступление алтайцев в подданство России имело положительное значение. Оно было исторической необходимостью, единственным выходом из создавшегося чрезвычайно трудного внешнеполитического положения. Переход алтайцев под протекторат России был избавлением их от физического уничтожения военной агрессией джунгарских и цинских феодалов. Включение алтайцев в состав многонационального Русского государства с растущей экономикой и культурой открыло народностям Алтая перспективу для развития их хозяйства и культуры.

Колониальная политика царизма тормозила прогрессивное развитие Алтайского края. Но усиливавшееся общение трудящегося населения Алтая с русским народом, местами совместная жизнь с русскими крестьянами (например, в северных и юго-западных районах) обогащали алтайцев, помогали развитию их хозяйства и культуры.

Н. Аполлова

*АРАН. Ф. 457 (Отделение истории Российской академии наук). Оп. 1 (1945–1953).
Д. 442. Л. 7–11. Машинопись, подпись – автограф.*

DOI: 10.31696/2072-5795-2026-4-98-103

В.В. Беляков

ВСТРЕЧИ С Г.К. ЖУКОВЫМ

Автор публикуемого текста – полковник Генерального штаба Вооружённых сил СССР Владимир Иванович Беляков (23.7.1914–02.1.1990). Мой папа. Когда он скончался, я работал в Египте корреспондентом газеты «Правда». Прилетел из Каира на похороны. Его личный архив перешёл к маме, Беляковой (Ремизовой) Марии Михайловне (16.7.1914–10.7.1993), а когда её не стало, оказался у моей старшей сестры, Беляковой Натальи Владимировны (19.11.1937–20.6.2022). Наконец, папин архив попал ко мне.

Несколько слов об авторе. Пошёл добровольцем в армию в 1932 году, хотел стать лётчиком. Не получилось. Окончил в Саратове танковое училище и был отправлен на Дальний Восток. В 1938 году воевал с японцами на Хасане, был ранен. Награждён своим первым орденом – Красного Знамени. Вернувшись в Москву, поступил в Академию Фрунзе. Там и застала его Великая Отечественная война. На фронт его не отправили, оставили в аппарате министерства. За четыре года войны – рост со старшего лейтенанта до подполковника, несколько орденов и медалей. После войны, в 1952 году, уже полковником окончил Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова и был назначен на работу в Генштаб.

Разбирая архив, я обнаружил там несколько литературных сюжетов. Один из них, «Встречи с Г.К. Жуковым», отпечатан на машинке в трёх экземплярах. Видимо, автор готовил его к публикации в каком-то военном журнале. Не успел.

* * *

До Великой Отечественной войны имя Г.К. Жукова¹ не было широко известно в армии. Тогда живы были ещё в памяти народной имена военачальников Блюхера², Тухачевского³, Ворошилова⁴, Будённого⁵, др[угих] героев гражданской войны. После советско-финской войны большую известность приобрел С.К. Тимошенко⁶, назначенный наркомом обороны. После второй мировой войны имя Г.К. Жукова, уже прославленного, всемирно известного полководца, то появлялось на страницах печати, то опять исчезало, но никогда не забывалось ни в народе, ни тем более в армии.

Мне довелось в 1953–1957 гг. неоднократно видеть Г.К. Жукова и даже наблюдать за его работой в полевых условиях. Наиболее яркое, незабываемое впечатление о нём относится к июню 1953 г., когда Г.К. Жуков руководил крупным командно-штабным оперативно-стратегическим учением, проводившимся в Прибалтике. Перед этим он только что был назначен

¹ Жуков, Георгий Константинович (1896–1974) – военный и государственный деятель, «маршал Победы» в Великой Отечественной войне.

² Блюхер, Василий Константинович (1890–1938) – военный, государственный и партийный деятель. Маршал. Умер в заключении.

³ Тухачевский, Михаил Николаевич (1893–1937) – военный деятель. Маршал. Расстрелян в 1937.

⁴ Ворошилов, Климент Ефремович (1881–1969) – военный, политический, государственный и партийный деятель. Маршал.

⁵ Будённый, Семён Михайлович (1883–1973) – военный деятель. Маршал.

⁶ Тимошенко, Семён Константинович (1895–1970) – военный и государственный деятель. Маршал.

первым заместителем министра обороны (министром был Булганин⁷) и, насколько я помню, впервые в этой должности руководил таким крупным учением. В тот период ему исполнилось 57 лет. Внешне он выглядел сухощавым, подтянутым, очень бодрым и энергичным, словом, находился в расцвете физических и творческих сил.

Я участвовал в этом учении в роли офицера штаба руководства, причём в управлении, которое готовило разбор учения, т.е. подводило его итоги. Именно поэтому я имел возможность непосредственно наблюдать за Г.К. Жуковым, а нередко, особенно при выезде в поле, находиться рядом с ним, чтобы лучше уловить и записать его замечания обучаемым, а затем включить их в материал разбора.

На учении отрабатывались вопросы противодесантной операции и, в частности, способы разгрома крупной группировки противника, высадившейся на побережье Ирбенского залива. В качестве «играющих» (т.е. обучаемых) были привлечены командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал армии И.Х. Баграмян⁸ и такие крупные военачальники, как генерал-полковник П.И. Батов⁹, генерал-полковник Н.Д. Захватаев¹⁰, адмирал А.Д.¹¹ Головкин¹² и др[угие]. Все они во время минувшей войны так или иначе общались с Г.К. Жуковым, хорошо знали его характер, стальную волю, огромные военные знания и опыт. Для них, как и для всей советской армии и флота, он был непререкаемый авторитет. Это не могло не отразиться на общей атмосфере, в которой проводилось учение...

Штаб руководства возглавлял генерал-полковник С.М. Штеменко¹³, бывший тогда первым заместителем начальника Генерального штаба, а управление разбора, в котором мне довелось работать, – генерал-лейтенант А.А. Грызлов¹⁴ – начальник оперативного управления Генерального штаба. Управления и отделы штаба руководства размещались в г. Риге, в здании штаба Прибалтийского военного округа, генералы и офицеры жили в гостиницах и общежитиях, а Г.К. Жуков с женой – в спец. поезде, стоящем в тупике на ст. Рига.

Учение проходило, в основном, на картах. Лишь один раз был осуществлён вылет на местность для отработки важного учебного вопроса, о чем я расскажу ниже.

Порядок работы был обычный. Вначале, получив задание с исходной обстановкой и необходимыми данными о своих войсках и противнике, командующие и штаб должны были изучить обстановку и подготовить решение, а затем доложить его руководителю учения. Для изучения задания и подготовки решения отводилось примерно двое суток, которые были заполнены напряжённым трудом всех генералов и офицеров, привлечённых к учению. Командующие объединениями докладывали свои решения в большой комнате, в присутствии руководящего состава всех оперативных штабов, участвовавших в учениях. Перед каждым докладом на стены вывешивались карты, схемы, различные таблицы с расчётами и другие материалы, необходимые для обоснования или пояснения принятого решения на операцию. Доклады решений проводились в заранее определённом порядке.

Я сидел в центре комнаты с тетрадь в руках, предназначенной для отметок по ходу учения. Мне хорошо был виден Г.К. Жуков, С.М. Штеменко и другие руководители учений, а также все другие генералы и офицеры, привлечённые к заслушиванию докладов. Всего в этой комнате находилось обычно 25–30 человек. Обстановка при таких докладах была строгая и, пожалуй, даже несколько напряжённая. Чувствовалась взволнованность и некоторая скован-

⁷ Булганин, Николай Александрович (1895–1975) – государственный деятель. Маршал.

⁸ Баграмян, Иван Христофорович (1897–1982) – полководец и государственный деятель. Маршал.

⁹ Батов, Павел Иванович (1897–1985) – военачальник. Генерал армии (с 1955).

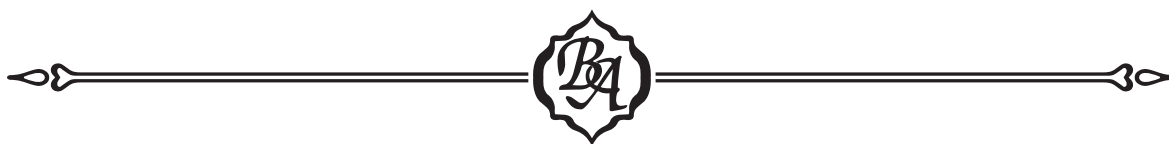
¹⁰ Захватаев, Никанор Дмитриевич (1898–1963) – военачальник. Гвардии генерал-полковник.

¹¹ Неточность в отчестве.

¹² Головкин, Арсений Григорьевич (1906–1962) – флотоводец. Адмирал.

¹³ Штеменко, Сергей Матвеевич (1907–1976) – зам. начальника Генштаба. Позднее генерал армии.

¹⁴ Грызлов, Анатолий Алексеевич (1904–1974) – военачальник. Позднее генерал-полковник.

ность участников учения, и это было вполне понятно. Сама личность Г.К. Жукова, его непререкаемый авторитет, его слава и, я бы сказал, – легендарность оказывали определяющее влияние на психику присутствующих. Лишь один И.Х. Баграмян, который командовал на учении фронтом, казался спокойным и невозмутимым. Думаю, что это объяснялось, в основном, давним знакомством И.Х. Баграмяна с Г.К. Жуковым. В одно и то же время они оба командовали кавалерийскими полками, в 1924–1925 гг. вместе, в одной группе, учились в г. Ленинград в Высшей Кавалерийской школе. Перед началом Великой Отечественной войны И.Х. Баграмян служил в Киевском особом военном округе, которым в то время командовал Г.К. Жуков.

Руководитель учения Г.К. Жуков внимательно, не перебивая, слушал доклады командующих, затем задавал вопросы и иногда разъяснял то или иное положение по ходу дел.

Вот у карты 55-летний Н.Д. Захватаев, один из командармов на учении. У него за спиной большой боевой опыт. Он участвовал в первой мировой и гражданской войнах, а в Великую Отечественную войну прошёл путь от зам. начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта до командующего армией. После войны он командовал объединениями, принимал участие во многих крупных учениях и часто сам бывал в роли руководителя учением. Несмотря на это, он не выглядел спокойным. Его обычно румяное лицо ещё больше покраснело от напряжения, он часто покашливал, что выдавало его волнение. Но вот он окончил свой доклад. Я посмотрел на Г.К. Жукова. Лицо его выражало недовольство.

«Сколько дивизий у противника?» – вдруг спросил он. Вопрос был простой, и Н.Д. Захватаев, конечно, мог бы и должен был сразу на него ответить. Но он почему-то стал считать их на карте и только после этого доложил.

«А сколько дивизий в вашей армии?» – опять задал вопрос Г.К. Жуков. Получив ответ, что дивизий в армии столько же, что и у противника, он резко сказал: «В первый раз вижу операцию, где бы такими силами планировать разгром противника. Это не операция, а...» Он, видимо, хотел сказать какое-нибудь нелестное сравнение, но в это время заговорил И.Х. Баграмян, решивший выручить Захватаева. «Товарищ Маршал, – сказал он, – я помогу армии и передам ей пару дивизий из резерва фронта».

«Ну, хорошо, – недовольно сказал Г.К. Жуков и, помолчав, спросил, – кто докладывает следующий?»

Следующим был П.И. Батов. Невысокого роста, с приятной добродушной внешностью, 56-летний генерал производил очень хорошее впечатление. П.И. Батов также прошёл большой боевой путь. Участник первой мировой войны, георгиевский кавалер, один из популярных командармов периода Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. Казалось бы, у него не было причин для волнения при докладе. Но ведь его слушал Г.К. Жуков, и уже одно это обстоятельство заставляло волноваться.

Павлу Ивановичу также не повезло. Его доклад не понравился Г.К. Жукову. Руководитель учения, заслушав его доклад, сказал: «Если бы я не знал вас как одного из храбрейших и выдающихся командармов минувшей войны, вам бы не поздоровилось за доложенное решение». После этих слов Г.К. Жуков подошел к карте и стал делать конкретные замечания по решению Батова. Нечего и говорить, что П.И. Батов выслушал эти замечания весьма почтительно, но с явно смущённым видом.

Затем очередь дошла до адмирала Головки, командующего на учении Балтийским флотом. Он был значительно моложе своих предшественников. Ему было тогда всего 47 лет. Это также был выдающийся военачальник. 34-летним он вступил в должность командующего Северным флотом и находился на этой должности весь период войны.

Головка очень чётко доложил морскую часть противодесантной операции,водя указкой по хорошо отработанной карте.

Когда он окончил свой доклад, Г.К. Жуков спросил его: «Где сосредотачиваются основные усилия по разгрому морского десанта противника?» А.Г. Головка дал краткий ответ. По-видимому, этот ответ не вполне удовлетворил Г.К. Жукова, а, может быть, он просто хотел об-

ратить внимание обучаемых на важность правильного выбора места и времени нанесения решающего удара флота и авиации по десанту противника. Так или иначе, но Г.К. Жуков счёл необходимым самому осветить этот важный учебный вопрос. Говорил он лаконично, чётко и очень доходчиво, со свойственной ему твердостью в голосе. Слушая его, я подумал: «Каким же знанием и опытом надо обладать, чтобы вот так просто, ясно и логично изложить один из сложных вопросов военного искусства?»

Были и ещё доклады, но они не отличались чем-нибудь примечательным. Такая работа продолжалась 3-4 дня.

Однажды вечером меня вызвал А.А. Грызлов и предупредил, чтобы я был с утра готов к вылету на местность вместе с ним. На следующее утро, наскоро позавтракав, я поспешил к машине А.А. Грызлова, и мы отправились на аэродром. Там уже стояли самолёты, готовые к отлёту. Возле одного из них Г.К. Жуков и С.М. Штеменко ожидали сбора всех участников учения. А.А. Грызлов, быстро ориентировавшийся в обстановке, рукой показал мне самолёт, на котором я должен был лететь (этот самолёт предназначался для командующих и начальников родами войск), а сам направился к самолёту руководителя учением.

Не успел я добежать до своего самолёта, как вдруг А.А. Грызлов обернулся и позвал меня к себе. «Полетите с нами», – сказал он. Таким образом, я оказался в самолёте Г.К. Жукова. Впоследствии я узнал, что А.А. Грызлов вернул меня по указанию С.М. Штеменко, который сказал ему: «Зачем ты отправил оператора в другой самолёт, пусть летит с нами». Эта маленькая деталь очень ярко показывает хорошее отношение С.М. Штеменко к операторам, что было важной чертой его характера. Через несколько минут все вошли в самолёт. Это был специально оборудованный для штабной работы самолёт ИЛ-14, предназначенный, по-видимому, для обслуживания лично Г.К. Жукова.

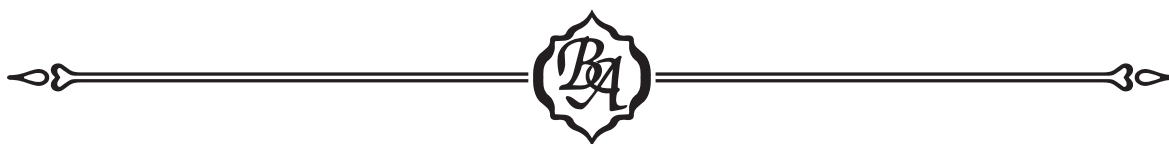
Пока машина вырливалась на старт, я принялся осматривать салон. В нём стоял большой полированный стол для карт и несколько кресел. Г.К. Жуков расположился в кресле, стоявшем в правой по ходу части самолета, возле кабины экипажа. С.М. Штеменко и А.А. Грызлов сели отдельно от него, в левой части самолёта. Моё место было сзади них, за штабным столом. В корме самолёта, за перегородкой располагались адъютанты. Лететь предстояло 40-50 минут.

Прошло 30 лет с тех пор, но память сохранила все детали этого путешествия...

Г.К. Жуков всю дорогу смотрел в окно и молчал, углубившись в свои мысли. Лицо его было сурово. Штеменко и Грызлов – сослуживцы по Генштабу ещё с самого начала минувшей войны, оживлённо беседовали между собой. Из-за шума моторов я не мог слышать их разговор, и, по правде сказать, он меня и не очень-то интересовал. Мое внимание было приковано к Г.К. Жукову, личность которого вызывала острый интерес. Кроме того, я, естественно, ощущал некоторую неловкость, находясь в таком обществе, а также определённое волнение в связи с предстоящей мне работой.

Но вот самолёт совершил посадку на Вильнюсском аэродроме. Г.К. Жукова встретил у трапа генерал армии И.Х. Баграмян с картой в руках. Он разложил её на крыле самолёта и стал докладывать руководителю учением своё решение о проведении контрудара по высадившейся на побережье крупной группировке противника. Г.К. Жуков внимательно выслушал его и вдруг спросил: «Что будете делать, если ваш удар зависнет?» И.Х. Баграмян, немного помолчав, ответил, что для наращивания усилий будут сняты с других участков фронта 1-2 дивизии. Г.К. Жуков молча кивнул головой и быстро направился к стоящей вблизи аэродрома колонне автомашин. Все засуетились и также поспешили к автомашинам.

Вскоре автомашины, одна за другой, в заранее установленном порядке стали покидать стоянку и на большой скорости устремились за руководителем учением. Уехал и мой непосредственный начальник – А.А. Грызлов. Предоставленный самому себе, я едва успел сесть в один из последних «газиков» и в общей колонне проехал несколько километров. Вдруг в моторе что-то застучало, один, второй раз, и машина встала. «Расплавилась подшипники, – объявил мне водитель. – Дальше ехать нельзя». Я вышел из машины, не зная, что предпринять. Ко-

лонна, в хвосте которой я ехал, к этому времени уже скрылась за горизонтом. Как быть? Ведь если я здесь задержусь надолго, то не смогу выполнить свои служебные обязанности, а этого позора допустить нельзя. Меня выручил случай. Я увидел приближающийся ко мне военный автомобиль-вездеход без пассажиров. Остановив машину, я быстро пересел в неё и приказал водителю на максимальной скорости догонять скрывшиеся автоколонну.

Догнать колонну мне не удалось. Я прибыл на место, когда все уже были в сборе, разместившись в большой штабной палатке. Командующий механизированной армией (не помню сейчас его фамилии) заканчивал доклад своего решения на выдвижение для проведения контрудара. После доклада командарма С.М. Штеменко потребовал от него точных расчётов на марш армии, и завязался довольно длинный в таких случаях диалог. По всему было видно, что С.М. Штеменко не вполне был удовлетворён ответом командарма. Несколько раз на выручку своему подчинённому приходил И.Х. Баграмян. Г.К. Жуков слушал, вопросов не задавал. Вдруг он, посмотрев на часы, перебил С.М. Штеменко, резко сказал: «Вот вы здесь разговорами занимаетесь, а враг не ждёт, он наступает». С этими словами он встал из-за стола, вышел из палатки и направился к автомашине, чтобы поехать к месту предстоящих боевых действий.

Все генералы и офицеры быстро последовали за ним, на ходу свёртывая карты.

Колонна автомашин направилась к рубежу предстоящего развертывания механизированной армии для нанесения контрудара. Расстояние было небольшим, и вскоре все прибыли на этот рубеж.

Выйдя из машины, я предупредил водителя, что машина закреплена за мной и никто не имеет права её использовать. Оставив в машине свою шинель, я быстро присоединился к большой группе генералов и офицеров, выстроившихся полукругом на учебной точке. Г.К. Жуков, С.М. Штеменко и А.А. Грызлов были в центре этой группы. Я подошел к ним, и, помня о своих обязанностях, чтобы лучше слышать и видеть, встал возле Г.К. Жукова.

«Ну, кто доложит сложившуюся обстановку и положение войск?» – спросил Г.К. Жуков.

На середину вышел пожилой генерал с картой в руках. Это был так называемый концевой посредник, который должен был знать план розыгрыша боевых действий и вообще всю обстановку. Одновременно он имел должность командира корпуса на учении, в связи с чем ему и предложили сделать доклад об обстановке в полосе корпуса. Генерал очень волновался и не смог чётко сделать доклад. Г.К. Жуков нахмурился. «Кто вы такой?» – резко спросил он. «Я слушатель военной академии Генерального штаба», – ответил генерал. «Как же вы, слушатель такой прославленной академии, да ещё генерал, не смогли как следует доложить! Генерал должен уметь в любых условиях, всегда чётко и ясно доложить обстановку и своё решение». Он помолчал, а потом вдруг спросил: «Кем вы были до академии?»

«Я был политработником», – ответил генерал.

«А, политработником», – как-то неопределённо протянул Г.К. Жуков. «Ну, вот что. Осенью я приду на защиту вами дипломной работы, имейте это в виду... Ну, кто доложит мне положение войск? Где сейчас мехармия?»

На середину вышел командующий механизированной армией. Он зычным командирским голосом вначале определил справа налево ориентиры, а затем чётко доложил, к какому ориентиру подходят танковые колонны его армии и где они будут развёртываться.

По-видимому, Г.К. Жукову понравился этот доклад, он не перебивал командарма и вопросов ему не задавал. Вдруг я заметил, что Г.К. Жуков попросил у рядом стоящего офицера компас, быстро посмотрел на него и вернул владельцу. После окончания доклада командарма он вдруг спросил: «А кто сможет произвести ориентирование? Ну, начнем с вас, товарищ Захватаев».

Генерал Захватаев, не будучи готовым к ориентированию, неточно показал стороны горизонта. Ту же ошибку сделал и И.Х. Баграмян.

Тогда Г.К. Жуков вышел на середину и сказал: «Вы забыли, как надо ориентироваться. Вот, смотрите». Он повернулся лицом к северу и, протянув вперед руку, громко сказал: «Север». Затем сделал полный оборот кругом и, опять протянув вперед руку, объявил: «Юг». Аналогич-

ным образом он показал «восток» и «запад», а затем назвал точку стояния. «Разве не тому нас с вами учили ещё в военных училищах, – сказал он, – с этого и надо начинать всегда занятия на местности».

После этого он ещё немного наблюдал работу на местности, а затем вдруг, ничего не сказав, молча направился к автомашине.

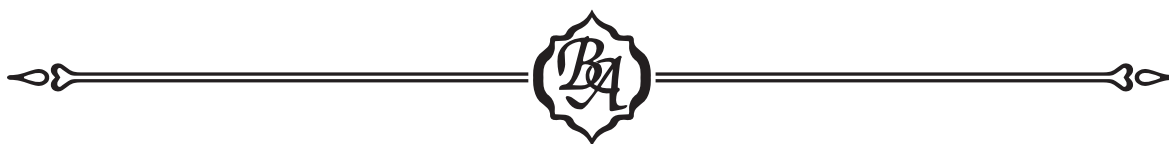
Все поспешили к автомашинам. Я тоже побежал к своему «газику», но его на месте не оказалось. Осталась только моя шинель, которая одиноко лежала на земле. На мой вопрос, где машина, водитель другого «газика» ответил, что на ней уехал какой-то майор из части обслуживания. Взбешённый такой недисциплинированностью водителя, я бросился искать себе место в других машинах, но они были все заполнены пассажирами и одна за другой быстро исчезали из вида. Осталась одна легковая машина ЗИЛ, которая кого-то ждала. Я заметил, что в ней было свободное место. Впереди, рядом с водителем сидел генерал-полковник А.И. Прошляков¹⁵ – начальник инженерных войск Советской армии. Я попросил разрешения поехать с ним. После некоторых колебаний он разрешил, и мы тронулись догонять автоколонну.

Когда приехали на аэродром, все уже были в сборе. Г.К. Жуков в весёлом расположении духа стоял у своего самолёта. Он сказал какую-то шутку, и все дружно засмеялись. Натянута исчезла. Все были довольны окончанием занятий на местности и предстоящим отлётом. Кроме того, все устали, проголодались и стремились подкрепиться, а это можно было сделать только по возвращении в Ригу.

Я посмотрел на Жукова. В лице, во всей фигуре, полной энергии, не чувствовалось усталости, словно и не было длинного рабочего дня. Я подсчитал: мы вылетели из Риги в 7.00, стало быть, он завтракал примерно в 6.30 – 6.45; возвращались же мы обратно в 18.00. Следовательно, он целых двенадцать часов ничего не брал в рот. «Вот это закалка», – подумал я.

¹⁵ Прошляков, Алексей Иванович (1901–1973) – военачальник. Маршал инженерных войск.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, сооснователь и руководитель группы научно-производственных компаний в сфере клинической лабораторной диагностики (Ростов-на-Дону). E-mail: slbolex@rambler.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ГРУШЕВОЙ Александр Гаврилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: agrush@yandex.ru

ДЕМЧЕНКО Александр Владимирович – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. E-mail: demchok@yandex.ru

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЗЬМИН Сергей Львович – кандидат биологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

КУРНИКОВА Оксана Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: linerokhanna@inbox.ru

ХРЕНКОВ Андрей Вальтерович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: andhorse59@yandex.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolod-jaschmidt@smx.de

ЦВИЖБА Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: laratas@mail.ru